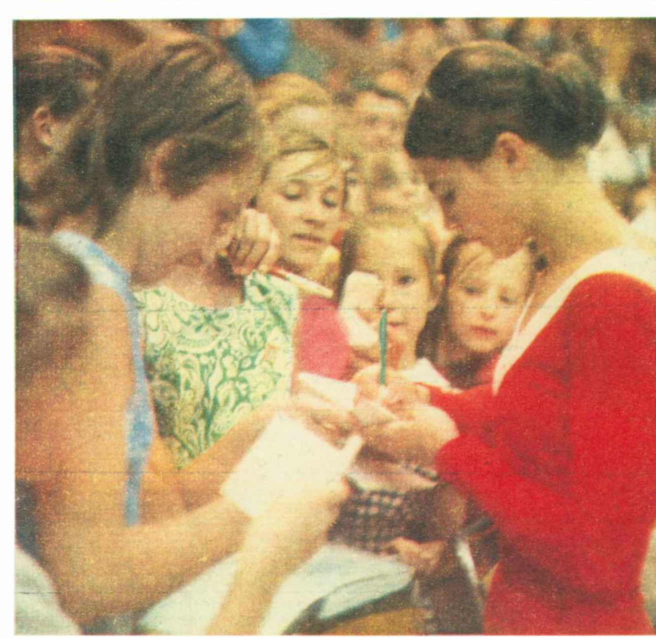

СПОРТ —
УПОРСТВО В БИТВЕ ЗА УСПЕХ.
В ФИЗКУЛЬТУРНОЙ
ПРАЗДНИЧНОЙ КОЛОННЕ
РОДИНА СЕГОДНЯ СЛАВИТ ВСЕХ,
КТО ГОТОВ К ТРУДУ И ОБОРОНЕ!

Решения XXIV съезда КПСС — в жизнь!

Донская «Молния»

Совхоз „Московский“ Целинского района Ростовской области

Комбайнерам тт. БОЧКАРЕВУ, НОВИКОВУ, АФОНИЧЕВУ, КИСЕЛЕВУ

Дорогие товарищи!

С большим удовлетворением узнал о замечательном трудовом подвиге вашего звена на уборке урожая. За 23 часа непрерывной работы вы вместе со своими помощниками намолотили четырьмя комбайнами «Колос» при подборе из валков свыше 8 тысяч центнеров зерна.

Четкую безостановочную работу агрегатов обеспечили водители автомобилей, работающие на отвозке хлеба.

Этот успех — образец вашего мастерства, высокой сознательности и ответственности перед народом за судьбу урожая. Он убедительно свидетельствует о тех огромных возможностях, которыми располагает каждый колхоз и совхоз, если на машинах работают квалифицированные кадры, в совершенстве владеющие техникой, применяющие прогрессивную технологию уборки.

Желаю вам, дорогие товарищи, закрепить достигнутое, сделать рекорд нормой в своей работе, обеспечить ежедневное перевыполнение задания на уборке урожая и вывозке зерна. Надеюсь, что ваше выдающееся достижение послужит примером для многих механизаторов, будет способствовать быстрейшему проведению жатвы во всех республиках, краях и областях. Массовое соревнование хлеборобов за высокую производительность и отличное качество работы в каждом хозяйстве и на каждом поле — залог успешного выполнения задания пятилетки по увеличению производства зерна и других сельскохозяйственных продуктов.

Л. БРЕЖНЕВ

18 июля 1974 года

ДОНСКИЕ

Одна за другой приходят вести-молнии со страдных полей страны. Особое внимание обратили на себя, как всегда, донцы. Недавно корреспонденты «Огонька» побывали в Целинском и Цимлянском (см. в номере очерк «Цимлянские родники» на стр. 16—18) районах Ростовской области, на решающих участках хлебного фронта. Они рассказывают о буднях героев жатвы на донской земле.

СУТКИ

Фоторепортаж специального корреспондента «Огонька» Алексея ГОСТЕВА.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

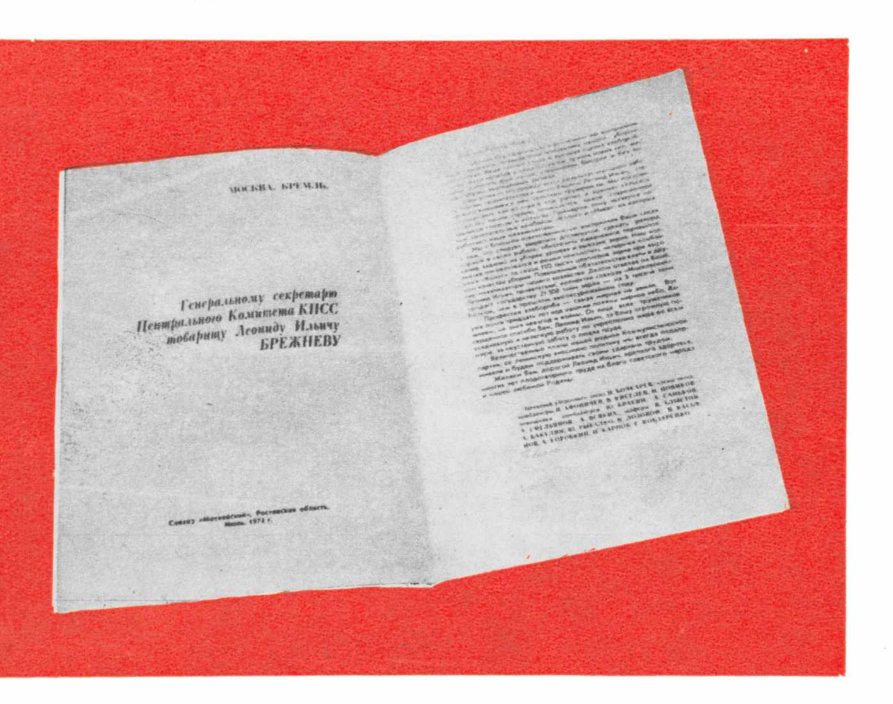
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан 1 апреля 1923 года

№ 33 (2458)

10 АВГУСТА

Хлеб Дона.

МОСКВА. КРЕМЛЬ.

Генеральному секретарю Центрального Комитета КПСС товарищу Леониду Ильичу БРЕЖНЕВУ

Красная листовка «Донская молния» облетела Ростовскую область и вырвалась за Донщину. Выпуск девятнадцатый возвестил: «Колосом» в сутки — 2 198 центнеров!

Звено совхоза «Московский», Целинского района, намолотило более восьми тысяч центнеров зерна! В рекордном штурме участвовали все четыре комбайна, впереди шла машина звеньевого Николая Бочкарева, за ним вели новые комбайны той же марки «Колос» три побратима: Иван Афоничев, Виктор Киселев и Николай Новиков. Именно он, Николай Новиков, и выдал из бункера почти две тысячи двести центнеров. Не один — с помощником.

Что обеспечило такой успех? Комбайнеры работали, чередуясь со штурвальными, в две смены. Зерно выгружали на ходу. Комбайны были обеспечены дополнительными баками для заправки агрегатов в степи. Безостановочный обмолот в течение двух смен — долгим днем и короткой ночью — поддерживали восемь водителей. Важно иметь в виду, что урожай на загонке был в полтораста центнеров.

На следующий день герои жатвы рапортовали о достигнутом Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Л. И. Брежневу. И вот телеграф, радио, Центральное телевидение принесли в Донскую степь ответ. Товарищ Л. И. Брежнев, тепло поздравив механизаторов с замечательным трудовым подвигом, пожелав им закрепить достигнутое, выразил надежду в том, что это «...выдающееся достижение послужит примером для многих механизаторов, будет способствовать быстрейшему проведению жатвы во всех республиках, краях и областях».

— Сделать рекорд нормой! — этот призыв стал боевым девизом степняков от Темрюка до Подмосковья. Всюду, где идет жатва.

Скоростные методы уборки — новь пятилетки. Без них ростовчанам никак не выполнить свое обязательство — произвести девять миллионов тонн зерна. Вот что сказал недавно корреспондентам «Правды» первый секретарь Ростовского обкома партии И. А. Бондаренко:

— Рубеж в девять миллионов тонн для нас реален. Мы на двести тысяч гектаров расширили посевы зерновых. Хорошую прибавку должны дать просо и кукуруза на зерно... Теперь главное — собрать все, что выращено. Радуемся успехам мастеров, считаем, что их опыт можно применить повсеместно. Высокие показатели достигаются, разумеется, благодаря самоотверженности и профессиональному мастерству механизаторов...

Самоотверженность и мастерство помогли комбайнеру зерноградского совхоза «Манычский» М. Нагорному за 22 с половиной часа намолотить 3 030 центнеров пшеницы! Более трех тысяч центнеров — менее чем за одни донские сутки!.. Такой производительности страна еще не знала. А вот еще одна «Донская молния»: из совхоза имени Вильямса, Зерноградского района, сообщили, что звено Н. Шевцова — четыре «Нивы» — довело среднесуточный намолот на каждый агрегат до 2 160 центнеров! Каждый день жатвы рождает героев. И ничто не может быть помехой в борьбе за хлеб четвертой пятилетки — ни зной, ни град, ни ливни.

Н. БЫКОВ

Герои донской жатвы из совхоза «Московский» (слева направо): Виктор Киселев, Николай Новиков, Николай Бочкарев, Иван Афоничев.

Решения XXIV съезда КПСС — в жизнь!

«Донская Молния»

(71)

„КОЛОСОМ" В СУТКИ — 2198 ЦЕНТНЕРОВ!

Выдающийся успех целинских механизаторов

Донские механизаторы с честью выполняют обязательства во Всесоюзном соревновании за высокопроизводительное использование сельскохозяйственной техники.

На отделении совхоза „Московский" Целинского района, где управляющим коммунист В. Т. Гусев, за сутки непрерывной работы звено НИКОЛАЯ БОЧКАРЕВА в составе звеньевого и комбайнеров: ИВАНА АФОНИЧЕВА, ВИКТОРА КИСЕЛЕВА и НИКОЛАЯ НОВИКОВА

четырьмя комбайнами „Колос" намолотило при высоком качестве более 8000 центнеров зерна.

Наивысшей выработки добились:

Николай Новиков — 2198 центнеров,
Виктор Киселев — 2005 центнеров.

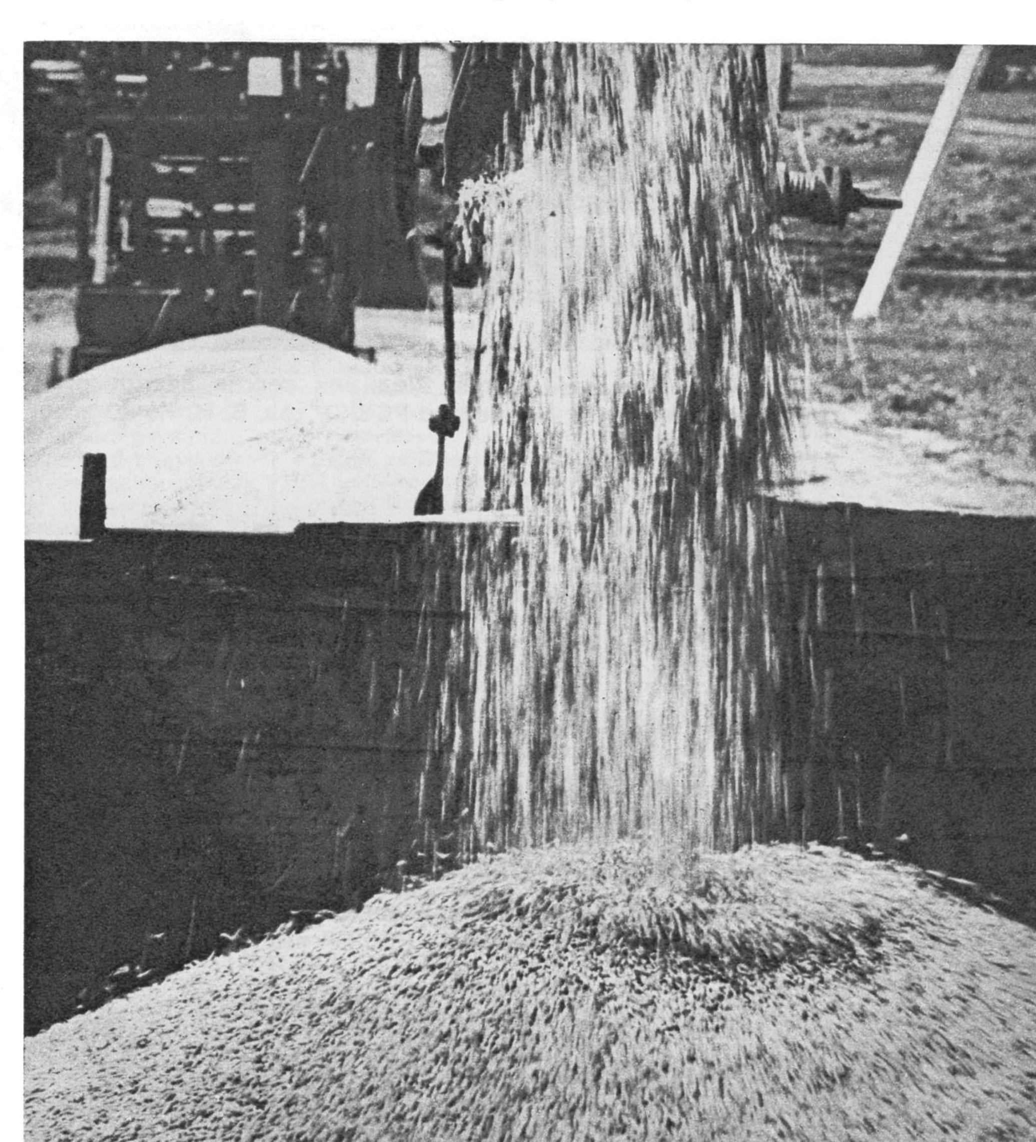
Комбайнеры работали со штурвальными в две смены, по часовому графику. Выгрузка зерна производилась на ходу. Агрегаты оборудованы дополнительными бачками для заправки горючим.

Безостановочную работу комбайнов в течение двух смен обеспечивали водители: В. П. Хлыстов, А. А. Коробкин, А. Д. Бакулин, В. В. Касьянов, Ю. И. Рыбалко, Н. Н. Карпов, В. В. Лозовой, Г. В. Кобзоренко.

МЕХАНИЗАТОРЫ ДОНА!

СЛЕДУЙТЕ ПРИМЕРУ ЦЕЛИНЦЕВ!
КОМБАЙНАМ „КОЛОС" — ПОЛНУЮ НАГРУЗКУ!

Ростовская областная сельскохозяйственная выставка. ПК17161. 16.7.74. Типография издательства «Молот». Заказ № 3365. Тираж 5000.

Большой Кремлевский дворец. Седьмая сессия Верховного Совета РСФСР восьмого созыва. На трибуне — заместитель Председателя Совета Министров РСФСР тов. В. И. Кочемасов.

Фото А. ГОСТЕВА.

ДЛЯ БЛАГА ЧЕЛОВЕКА

1—2 августа в Москве, в Большом Кремлевском дворце, проходила седьмая сессия Верховного Совета РСФСР восьмого созыва.

Тепло встретили депутаты и гости товарищей Ю. В. Андропова, А. П. Кириленко, Ф. Д. Кулакова, К. Т. Мазурова, А. Я. Пельше, Д. С. Полянского, П. Н. Демичева, Б. Н. Пономарева, М. С. Соломенцева.

С докладом о мерах по завершению перехода ко всеобщему среднему образованию в РСФСР выступил заместитель Председателя Совета Министров РСФСР депутат В. И. Кочемасов.

Верховный Совет республики единогласно принял Закон РСФСР о народном образовании, который вступит в действие с 1 октября 1974 года.

С докладом о проекте Закона РСФСР о государственном нотариате выступил председатель Комиссии законодательных предположений Верховного Совета РСФСР депутат В. Ф. Торопов. Закон РСФСР о государственном нотариате был принят единогласно.

КИПРУ — НЕЗАВИСИМОСТЬ!

Юрий КОРНИЛОВ

С самого начала событий на Кипре стало ясно, что те, кто планировал одним ударом покончить с суверенитетом островной республики, явно переоценили собственные силы и недооценили силу отпора со стороны тех, кому дорого дело мира и независимости народов.

Первые же выстрелы мятежников на Кипре тревожным эхом отозвались на всех континентах. Советский Союз, верный своей политике отпора агрессии, политике ограждения законных прав всех народов — больших и малых, с самого начала событий занял твердую и принципиальную позицию, решительно потребовав принять быстрые и действенные меры для восстановления суверенитета Кипра. Эту позицию активно поддержали страны социалистического содружества, другие миролюбивые государства, широкая международная общественность. Вопреки противодействию определенных кругов Совет Безопасности ООН принял резолюцию, в которой призвал уважать территориальную целостность и суверенитет Кипра. После того как в соответствии с требованием ООН огонь на острове был прекращен, а Турция, Греция и Англия согласились на переговоры в Женеве, стало ясно, что открытая интервенция против Кипра провалилась.

Едва лишь натовские круги, инспирировавшие мятеж на Кипре, убедились в его провале, они сочли за благо отмежеваться от своих афинских подопечных: в конце концов если лакей, будь он даже в полковничьих эполетах, ставит в неудобное положение хозяина, его прогоняют прочь. Греческая военная хунта, семь лет правившая страной, стала, по свидетельству «Морнинг стар», «обузой для тех внешних сил, без поддержки которых она не могла просуществовать и дня». Лишившиеся опоры извне, оказавшиеся лицом к лицу с острейшим внутриполитическим кризисом, «черные полковники» самим ходом событий были вышвырнуты с политической арены. Это не означает, конечно, что в Греции, где рычаги власти перешли в руки гражданского правительства, демократия восторжествует автоматически,— нет, народу Эллады еще предстоит борьба, и борьба нелегкая.

И все же очаг напряженности, искусственно созданный НАТО в Средиземноморье, еще полностью не ликвидирован. Те силы, которые пытались покончить с существованием независимого Кипра путем прямого военного вмешательства, ныне добиваются прежних целей посредством закулисных маневров. Определенные круги Атлантического блока делают самостоятельную государственность и территориальную целостность Кипра предметом циничного торга ради укрепления своих военно-стратегических позиций в Восточном Средиземноморье.

Однако решительная позиция Советского Союза по кипрскому вопросу, поддержанная всеми миролюбивыми силами планеты, сыграла свою роль. 30 июля в Женеве министры иностранных дел Англии, Греции и Турции подписали декларацию, в которой хотя и не очень четко, но подтвердили свою поддержку резолюции Совета Безопасности № 353. Ближайшее же рассмотрение женевской декларации, которая была принята без участия Республики Кипр, убеждает в том, что кое-кто еще не отказывается от попыток затянуть политическое урегулирование и лелеет надежду продолжить иностранную оккупацию острова.

Вызывают тревогу и действия израильских правящих кругов, которые стремятся извлечь выгоду из обострившейся обстановки в Восточном Средиземноморье. Тель-авивские милитаристы как по команде возобновили свою провокационную деятельность против арабских государств. Начальник генерального штаба Израиля генерал Гур объявил о дополнительном призыве резервистов в армию и дал понять, что Тель-Авив не исключает возможности нанесения по соседним арабским странам так называемого «превентивного удара». Из этого заявления Гура становится очевидным, что натовцы, действуя вкупе с израильскими милитаристами, были бы не прочь погреть руки на осложнившейся обстановке в Восточном Средиземноморье.

Президент Кипра архиепископ Макариос, находящийся в Лондоне, заявил, что результаты трехсторонних переговоров в Женеве помогут избежать ненужных жертв на Кипре. «Однако я не могу сказать,— заявил он,— что удовлетворен всем содержанием этого соглашения... Во всяком случае, я надеюсь, что соглашение окажется первым шагом на пути к полному претворению в жизнь резолюции Совета Безопасности от 20 июля».

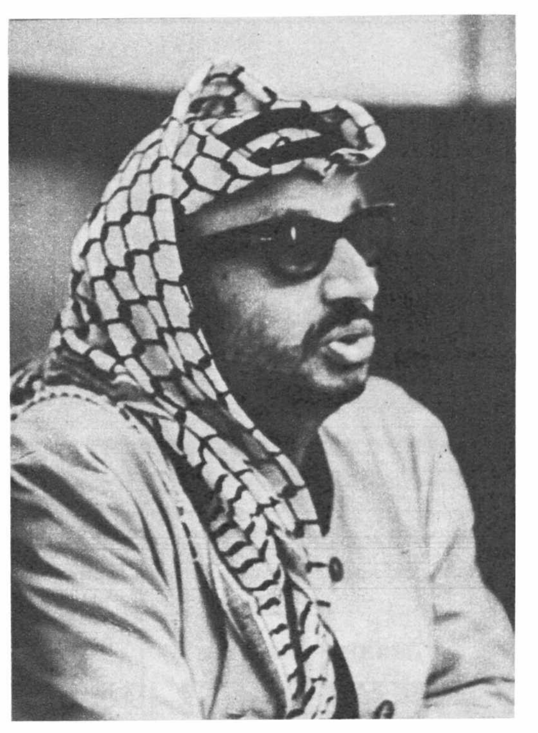
Премьер-министр Турции Б. Эджевит дал высокую оценку позиции Советского Союза. «Я хочу подчеркнуть,— сказал он,— что с самого начала кипрских событий, по нашему мнению, позиция Советского Союза характеризовалась большим пониманием и конструктивностью».

Все, кому дороги мир и свобода народов, считают, что Совет Безопасности принял важный документ в связи с положением на Кипре. Безоговорочное выполнение всех положений этой резолюции — единственный путь быстрого урегулирования кипрского кризиса и создания таких условий, которые дали бы киприотам, как грекам, так и туркам, возможность самостоятельно, без всякого вмешательства извне решать свою судьбу.

Нет сомнений в том, что справедливость восторжествует и Республика Кипр будет подлинно независимым и суверенным государством. Весь ход событий на Кипре и вокруг него убедительно подтверждает не только то, что агрессивные империалистические круги еще не сложили оружия, но и то, что в нынешнем мире сфера действий этих кругов ограничена, что налицо — явное превосходство сил мира и прогресса над силами реакции и войны.

И в этом — знамение времени.

КОЛОНКА МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЦИСТА

Ясир Арафат на встрече с советскими журналистами.

Фото Н. Рясина.

ПРАВОЕ ДЕЛО НАРОДА ПАЛЕСТИНЫ

31 июля в ЦК КПСС состоялась встреча кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, секретаря ЦК КПСС Б. Н. Пономарева и заместителя заведующего Международным отделом ЦК КПСС Р. А. Ульяновского с делегацией Организации освобождения Палестины во главе с председателем Исполкома ООП Ясиром Арафатом. 1 августа Я. Арафата принял первый заместитель министра иностранных дел СССР В. В. Кузнецов.

В ходе этих встреч и бесед, проходивших в обстановке дружбы и взаимопонимания, состоялся обстоятельный обмен мнениями о положении на Ближнем Востоке, перспективах ближневосточного урегулирования и о путях справедливого решения палестинской проблемы. Была выражена поддержка Советским Союзом участия ООП в женевской мирной конференции на равных правах с другими ее участниками. Советская сторона в соответствии с просьбой Исполкома ООП дала согласие на открытие представительства Организации освобождения Палестины в Москве.

Ясир Арафат выступил на встрече с советскими журналистами. Обращаясь к ним, Ясир Арафат приветствовал усилия СССР, направленные на укрепление мира и обеспечение дальнейшей разрядки международной напряженности, высоко оценив при этом принципиальную политику КПСС и Советского правительства по оказанию помощи борьбе народов за свободу, независимость и свои законные национальные права. Ясир Арафат от имени делегации ООП и всего палестинского народа выразил глубокую признательность за неизменную поддержку и помощь, оказываемую Советским Союзом арабскому национально-освободительному движению, в том числе одному из его отрядов — палестинскому движению сопротивления.

ВАРШАВА, ИЮЛЬ 1974 ГОДА

«Мы, советские коммунисты, весь советский народ испытываем огромное удовлетворение тем, что деятельным членом братской семьи, энергичным участником всех созидательных начинаний социалистического содружества является наша ближайшая соседка и добрый друг — народная Польша. Советские люди горды дружбой с польским народом — народом тысячелетней истории, богатой культуры, таланта, навсегда избравшим для своего отечества путь социализма. В день славного тридцатилетия народной Польши мы желаем вам, дорогие братья, новых крупных достижений, благополучия и счастья!»

Этим фрагментом из речи товарища Леонида Ильича Брежнева на торжественном заседании сейма народной Польши 21 июля 1974 года заканчивается книга польского агентства «Интерпресс», посвященная визиту в ПНР Генерального секретаря ЦК КПСС. Она называется «Леонид Ильич Брежнев в Польше. Июль 1974» и издана на русском и польском языках.

Каждая страница этой книги говорит о глубокой дружбе польского и советского народов. Польский народ помнит и никогда не забудет, что именно из СССР 30 лет назад пришло освобождение от гитлеровских оккупантов, пришла свобода, которая оплачена огромными жертвами, кровью солдат героической Советской Армии и боровшегося бок о бок с ней народного Войска Польского, созданного благодаря помощи Советского Союза. Экономическая, техническая и кадровая помощь, которую Польша получала от СССР в первые и труднейшие годы после освобождения, помогла в кратчайший срок восстановить страну из руин, создать материальную и организационную базу для дальнейшего развития народной Польши. За минувшее тридцатилетие в лице Советской страны Польша имела надежного и мощного союзника во всех важных для польского народа делах.

Об этом говорил Эдвард Герек на торжественном заседании сейма: «Основная предпосылка, определяющая место нашей страны в мире,— классовый и общенародный союз с Советским Союзом. Он служит прочной и надежной гарантией всех жизненных интересов Польши, позволяет ей играть важную роль в обеспечении международной безопасности и мира, повышает ее авторитет».

Новая публикация агентства «Интерпресс» подробно знакомит и с личным вкладом товарища Л. И. Брежнева в укрепление польско-советской дружбы. В его лице польский народ приветствовал не только выдающегося руководителя КПСС, но и участника битв за освобождение польского народа от фашистского ига. За личное участие в освобождении Польши товарищ Брежнев в 1946 году был награжден Крестом Грюнвальда — высокой польской военной наградой. В 30-летие со дня своего образования народная Польша еще раз отметила большие заслуги товарища Брежнева, наградив его высшей наградой республики — Большим Крестом ордена Виртути милитари (воинской доблести).

Йозеф ДУБЕЛЬ

Варшава (по телефону).

СЕГОДНЯ ВСЕСОЮЗНЫЙ ДЕНЬ ФИЗКУЛЬТУРНИКА

ПОДАРКИ К ПРАЗДНИКУ

Если оценивать праздник подарками, которые спортсмены сами себе преподнесли, то он удался на славу. Именно на славу! Многих выдающихся побед добились они в этом году на чемпионатах Европы и мира, много новых рекордов вписали в мировую спортивную летопись. Перечесть все их успехи невозможно, но достаточно вспомнить хотя бы о главных событиях трех последних месяцев.

Борцы всех стилей, легкоатлеты, штангисты, боксеры, акробаты, шахматисты, баскетболисты, фехтовальщики, теннисисты осенили своими успехами сегодняшний физкультурный праздник. Эти успехи говорят о неиссякаемых резервах советского спорта: многомиллионная армия молодых физкультурников выдвигает все новых и новых мастеров.

В этом смысле характерна история чемпиона Европы по борьбе дзю-до в тяжелом весе Гиви Онашвили. 120-килограммовый грузинский великан начинал свой путь в спорте с национальной борьбы, которой издавна увлекаются юноши Грузии, и вот недавно в Лондоне, победив пятерых своих соперников, в том числе и знаменитого голландца Криса Долмана, он завоевал золотую медаль, а вместе с Гиви Онашвили разделили успех и его два товарища, два киевлянина, два Сергея — Новиков и Мельниченко.

Но успехами борцов-дзюдоистов дело не ограничилось, и вскоре мы снова могли порадоваться победам, на сей раз в Мадриде. На чемпионате Европы советские борцы-«классики» завоевали шесть золотых медалей, три серебряных и одну бронзовую, а из десяти возможных медалей «вольники» получили восемь, причем пять из них — золотые. И, наконец, под самый День физкультурника сказали свое слово и борцы-самбисты. На чемпионате мира в Улан-Баторе восемь советских атлетов стали чемпионами мира, команда вернулась домой с золотым Кубком.

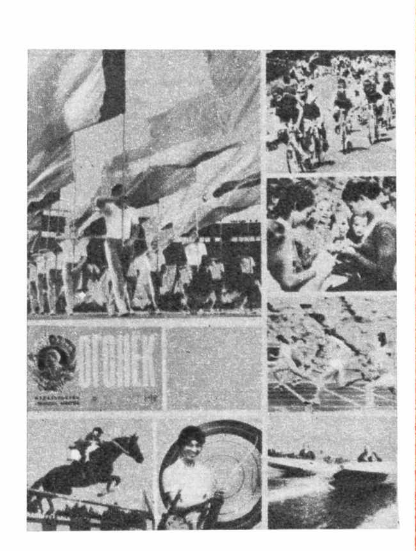
Самбо — самый молодой вид борьбы — было создано советскими специалистами, и тут, как говорится, нам и победы в руки, но спортсмены Советского Союза завоевали прочные позиции и в том виде спорта, где некогда ничем не могли похвастаться. В Гренобле на чемпионате мира по фехтованию команда советских рапиристов завоевала золотую медаль, а вслед за ними успеха добились и саблисты. Поднялись на высшую ступень пьедестала и наши фехтовальщицы.

Итальянский город Верона собрал лучших штангистов Европы, и там пять советских атлетов — Мухарби Киржинов, Владимир Рыженков, Давид Ригерт, Валерий Устюжин и наш неутомимый Василий Алексеев — получили золотые медали, показав ряд выдающихся результатов, в том числе и рекордных. А сколько радости доставили любителям спорта вести из Сан-Хуана, столицы Пуэрто-Рико, и американского города Дарема!

Спортсмены США, наши неизменные соперники на всех Олимпийских играх и на многих мировых чемпионатах, особенно сильны в легкой атлетике и баскетболе, и вот почти в одни и те же июльские дни советские баскетболисты в Сан-Хуане, одержав решающую победу над командой США, стали чемпионами мира, а очередной матч СССР — США по легкой атлетике, который состоялся в Дареме, завершился успехом советских спортсменов.

Наши спортсмены были не только гостями, но и радушными хозяевами: в Москве был проведен первый чемпионат мира по спортивной акробатике, а в Киеве боксеры-юниоры разыграли чемпионат Европы. Но радушие радушием, а спортивная борьба борьбой, и вот советские акробаты из шести первых мест уступили гостям лишь одно, а боксеры СССР завоевали семь золотых медалей из одиннадцати.

Ну что ж, в спорте гостеприимство имеет особую окраску, и, приглашая XXII Олимпиаду в Москву, хозяева вовсе не собираются отходить в тень. Если советские спортсмены и их воспитатели получат добро от Международного олимпийского комитета на проведение Игр в Москве, они еще с большей энергией будут готовиться к ним. А рецепта победы советские спортсмены никогда не скрывали: он в массовости, помноженной на мастерство. И то, что более сорока миллионов граждан СССР занимаются спортом, то, что 14 700 тысяч выполнили все нормативы комплекса ГТО, и является главным подарком к сегодняшнему празднику.

СОВЕТСКИЙ СОЮЗ В ФОТОГРАФИЯХ ТАСС

Более двух недель в Софии, в выставочном зале Союза болгарских художников, была открыта выставка «Советский Союз в фотографиях ТАСС». Демонстрировалось около 700 работ, сделанных в последние годы. Они знакомили посетителей с успехами нашей страны во всех областях жизни, повествовали о созидательном труде советских людей. Специальный раздел был посвящен деятельности КПСС, Советского правительства и лично Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева по претворению в жизнь Программы мира, принятой XXIV съездом КПСС. Десятки фотографий рассказывали о братских отношениях между СССР и НРБ, о развитии советско-болгарской дружбы.

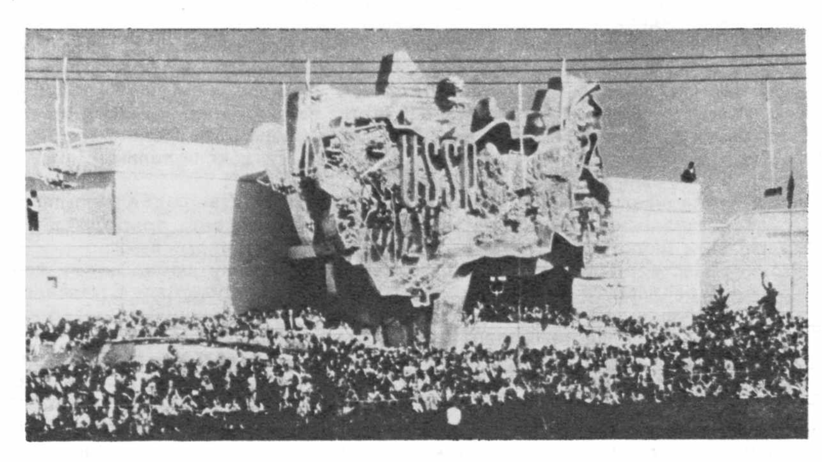
В ходе работы выставки ее посетили член Политбюро ЦК КПСС, Председатель Совета Министров СССР А. Н. Косыгин и Первый секретарь ЦК БКП, Председатель Государственного совета НРБ Тодор Живков. В Книге отзывов они выразили свое восхищение работой советских фотожурналистов.

На снимке: на выставке в Софии.

Фото ТАСС.

Александр САЗОНОВ, специальный корреспондент «Огонька»

ПРИРОДА ЗАВТРАШНЕГО ДНЯ

Советский павильон. Фото автора.

Конечный пункт моего перелета из Москвы в США был обозначен на билете — Спокан. Что это за город? Чем он знаменит? Велико было мое удивление, что в Нью-Йорке никто из американцев, кроме представителя компании местных полетов, не мог ответить на эти вопросы.

Но сегодня город Спокан, затерявшийся среди озер и лесов северо-запада США в штате Вашингтон, вблизи канадской границы, известен и в Америке и во многих странах мира. Здесь 4 мая открылась международная выставка «ЭКСПО-74». Ее девиз: «За свежую, обновленную окружающую среду завтрашнего дня». В выставке приняли участие Советский Союз, Соединенные Штаты, Канада, Федеративная Республика Германии, Япония, Австралия и другие страны.

Выставку официально открыл президент Соединенных Штатов Америки. В те дни о его визите в СССР говорили как о событии будущего, кое-кто предсказывал неудачу московских переговоров. Шло время. И вот из Москвы и Ореанды сюда начали поступать добрые вести. И им радовались не только советские люди, работающие на «ЭКСПО-74», но все жители Спокана, впервые за всю столетнюю историю города увидевшие граждан СССР и получившие возможность с ними общаться. Местная газета «Споуксмен ревью» писала, что благодаря выставке «жители Спокана... смогут непосредственно встретить больше русских, чем когда-либо прежде в истории города».

Переговоры в Москве и Ореанде завершились. Подписаны важнейшие соглашения, в том числе и по вопросу охраны окружающей среды — теме, которой посвящена международная выставка «ЭКСПО-74».

И вот посетители нашего павильона в одном из его разделов с интересом знакомятся уже с практическими результатами совместных исследований советских и американских ученых по целому ряду проблем защиты природы. Успех этих экспериментов — яркое свидетельство того, что советско-американское сотрудничество углубляется и расширяется.

Советский павильон на «ЭКСПО-74» — самый крупный. При входе в него в форме древа жизни установлена символическая карта СССР с указанием основных природных зон. А когда посетители выставки проходят по павильону, они как бы совершают путешествие по нашей стране, замечая в каждом экспонате наглядное проявление заботы Страны Советов об охране природы.

Выставку уже посетило более миллиона человек — втрое больше, чем предполагалось ее организаторами. Книга отзывов в нашем павильоне заполняется все новыми и новыми восторженными отзывами посетителей. В них выражается благодарность Советскому Союзу за его мудрую политику мира и международного сотрудничества, за «самую впечатляющую экспозицию», за теплоту и дружбу советских людей.

На «ЭКСПО-74» проходят научные симпозиумы и конференции, посвященные международному сотрудничеству в интересах охраны окружающей среды.

г. Спокан.

ОБНОВЛЕННЫЙ ЦУМ

У ЦУМа своя биография. В октябре 1917 года магазин фирмы Мюра и Мерилиза стал универмагом № 1 «Москоммуна» — первым в стране государственным универсальным магазином. С той поры Центральный универсальный магазин, а попросту ЦУМ,— один из самых популярных магазинов страны. Его знают не только москвичи. Гости столицы, бывая в центре города, обязательно заглянут в ГУМ, в ЦУМ, в «Детский мир».

— Главный торговый треугольник,— говорят о них.

И вот теперь один из его «углов» обновлен. Проведена основательная перестройка: на месте отслуживших свое, обветшалых Александровского и Головтеевского пассажей, их помнят московские старожилы, появился новый корпус. Светлая облицовка стен, стекло витрин.

Пять этажей. Из них четыре — торговых, общей площадью около семи с половиной тысяч квадратных метров (нынешний, «старый» ЦУМ, ждущий своей реконструкции, имеет 5 тысяч квадратных метров). Мощный кондиционер, эскалаторы, кафетерии, удобные входы и выходы, выносные витрины; прилавки, устроенные таким образом, что покупатели получают открытый доступ почти ко всем товарам, подвесные акустические потолки, призванные глушить обычный в торговых залах шум.

Пятый этаж отведен демонстрационному залу, всяким службам. А совсем под крышей — склады. К ним ведут лестницы и мощные грузовые лифты. Когда я был в новом ЦУМе, сюда из «подземелья», с разгрузочного двора, поднимали пальто, трикотаж, костюмы, сувениры. Все то, что появится в торговых залах,— магазин рассчитан на 150 тысяч ежедневных покупок.

Директор универмага Г. И. Фокин, показывая мне свое хозяйство, успевал в то же время поинтересоваться, как вписалось в интерьер прибывшее из Риги оборудование, посоветоваться о наиболее рациональном расположении секций и просто обмолвиться словом с теми, кому предстоит работать на новых этажах...

К. БАРЫКИН

На снимке: новое здание Центрального универмага.

Фото Г. МАКАРОВА.

МАСТЕР

Федор ГЛЕБОВ

Поздней осенью 1934 года в мастерскую нашего четвертого курса московского Изотехникума памяти 1905 года уверенной походкой вошел, слегка сутулясь, человек высокого роста, с седой головой и каким-то особенно проницательным взглядом больших умных глаз. Осмотрев работы, он громко сказал: «Писать вы не умеете, все надо начинать сначала». Так началась моя учеба у художника Крымова, и продолжалась она много лет, до самого конца его жизни, до 1958 года.

Это был один из лучших пейзажистов нашего времени. В своих полотнах он создал особый мир — необыкновенно поэтичный, раскрывающий перед нами волнующую красоту природы. Его кисти было подвластно волшебство солнечного света, проникающего сквозь листву, озаряющего лесные поляны, искрящегося в блеске ручьев, заливающего заснеженные городские дворы и крыши, золотящего летним вечером куст у забора и превращающего этот куст и некрашеный штакетник в зрелище сказочно прекрасное. Его живопись отличается тончайшей разработкой цвета, неповторимой «крымовской» слаженностью, абсолютной гармоничностью. В ней, как в прекрасном оркестре, немыслима фальшивая нота. Его пейзажи волнуют покоряющей правдой и радостным ощущением жизни. Не потому ли посетители музеев подолгу стоят перед картинами Крымова как завороженные.

Он родился в 1884 году в большой трудовой семье коренных москвичей, потомственных художников. Первым его учителем был отец, Петр Алексеевич Крымов. Под его руководством с юных лет будущий живописец впитывал все то самобытное и талантливое, что было создано лучшими русскими мастерами. В 1904 году Николай Крымов успешно поступил в московское Училище живописи, ваяния и зодчества; здесь его педагогами были замечательные художники В. Серов, Л. Пастернак, Н. Касаткин. Талантливость молодого живописца проявилась очень рано. Уже в 1906 году большой успех ему принес показанный на ученической выставке пейзаж «Крыши под снегом», который тогда же приобрел художник А. М. Васнецов. А через год В. А. Серов купил у Васнецова это полотно для Третьяковской галереи. Так двадцатитрехлетний Николай Крымов получил признание. Еще до окончания школы он начал участвовать в профессиональных выставках. На цветных вкладках этого номера публикуются произведения того периода, мало известные зрителям.

Оценивая творчество художника, журнал «Аполлон» отмечал, что артистичность его натуры превращает даже подготовительные работы в картины. В 1910 году, за год до окончания школы живописи, он уже был принят в «Союз русских художников». А еще пять лет спустя, обсуждая одну из выставок, критика писала: «Интерес сосредоточивается главным образом на картинах Крымова. Серьезность замысла и убеждающая простота исполнения заставляют отнестись к ним с большим вниманием». Сам художник считал, что в работах тех лет еще присутствует нарочитое усиление эффектов освещения, чрезмерное увлечение фактурой и некоторыми другими формальными моментами, от которых позже он отказался. Но главное — поэтическое ощущение природы — было у него всегда, во всех лучших вещах.

Раннему созреванию таланта Николая Петровича во многом способствовала его дружба с художниками К. Коровиным, Н. Сапуновым, Г. Якуловым. Как-то к одному из вечеров в московском литературно-художественном кружке было сделано веселое оформление. Испанское кабаре оформил Сапунов, кавказский духан — Якулов, а русский трактир — Крымов. Он развесил множество клеток с канарейками, и когда в торжественный момент зажегся яркий свет, дружно грянул птичий хор. Роль полового, обслуживающего посетителей, с блестящим юмором, виртуозно исполнил молодой тогда актер Иван Москвин. Успех был полный. С этого вечера началась неразрывная дружба Крымова с Москвиным, продолжавшаяся тридцать шесть лет, до самого конца жизни Ивана Михайловича. Между ними было постоянное соревнование в остроумных выдумках, вызывающих кипучее веселье. Однажды я видел, как они экспромтом изображали разговор подгулявшего оперного артиста с извозчиком. Первого изображал Крымов, второго — Москвин. Это было зрелище неописуемо комическое. Кончилось тем, что Крымов пел, очень похоже подражая Шаляпину.

Общаясь с Москвиным, он сблизился с талантливым коллективом артистов Московского Художественного театра и особенно с братом Ивана Михайловича, артистом Михаилом Михайловичем Тархановым. Николай Петрович был одним из лучших оформителей спектаклей Островского. Взгляды Крымова на искусство в своей основе совпадали со взглядами Станиславского. Главным критерием для обоих была правда: «верю или не верю», «верно или неверно», «если верно, то и красиво, и выразительно, и все, что надо». Потому-то их совместная работа дала блестящие результаты.

Заинтересованность этого мастера в успехах учеников была нисколько не меньше, чем в успехах собственного творчества. Он не ограничивался часами преподавания в стенах училища и приглашал нас к себе домой, где беседы об искусстве часто затягивались до поздней ночи. Продолжая лучшие традиции реалистической живописи, Николай Петрович обобщил и свел в стройную систему взгляды корифеев изобразительного искусства, обогатив их личным опытом. В станковой живописи, как и в музыке, считал он, каждое произведение должно исполняться в определенной, только ему присущей тональности. Отсюда его поиски «камертона» для живописи и утверждение закона общего тона, без соблюдения которого невозможно верно написать солнечную погоду или пасмурный день, утро, вечер, передать реальное ощущение пространства и материал предметов.

— Цвет, не угаданный в тоне,— объяснял Крымов,— просто краска. Настоящий живописец может любую грязь превратить в прекрасный цвет. У Врубеля лебедь в сумерках написан грязью, а смотрится, как жемчужина, и видно, что это белое в сумерках.

В искусстве выше всего ставил правдивость, поэтому всегда проводил параллель между произведением и поведением.

— Представьте себе,— говорил он нам,— человека, который старается показаться оригинальным, не в меру острит, умничает, подвирает, стремится удивить — одним словом, фальшивит. В самый короткий срок общения с ним вам становится тошно. Совершенно то же самое и в искусстве. Всякое стремление быть оригинальным неизбежно приводит к манерности. Все мы люди разные, у каждого свое, поэтому верьте глазам своим и чем правдивее будете, тем оригинальнее станет ваша работа. Настоящая оригинальность — результат искреннего стремления талантливого человека сказать правду, ну, а если таланта нет, то незачем обманывать себя и других.

Разговаривал Крымов очень выразительно. Утверждая что-либо, слова произносил громко, а о тайнах искусства и законах природы говорил почти шепотом: нельзя же кричать о сокровенном. Высоко ценил тонкое мастерство во всех его проявлениях, поэтому любил спорт, где решают не часы, а секунды, не километры, а сантиметры. Стремился привить ученикам уважение к трудной профессии художника, не терпел поверхностного, легкомысленного отношения к работе.

Однажды здоровенный детина, румяный и загорелый, привез с летних каникул плохие этюды. Николай Петрович осмотрел их и его самого своим долгим, пронизывающим взглядом и сказал, обращаясь ко всем присутствующим: «Художник должен быть бледный и худой, потому что он трудится с утра до вечера и ему некогда загорать. Кому это не нравится, пусть лучше бросит живопись и займется велосипедным спортом!» Произнеся эти грозные слова и заслонясь своей большой ладонью от провинившегося так, чтобы тот не видел, Николай Петрович хитро улыбнулся и лукаво подмигнул нам озорным глазом.

Когда его здоровье стало ухудшаться, врачи рекомендовали ежедневные прогулки. По вечерам бродили мы с ним по набережным Москвы-реки, и он учил меня наблюдать.

— Смотрите, у самой стены выросла липа. Видите, как наклонился ствол и куда пошли ветки? Если соврать наклон ствола, сразу будет видна фальшь: если ствол наклонится сильнее, ветки пойдут иначе. Все связано, все гармонично, в этом красота. Или вот, обратите внимание: на белой стене, освещенной солнцем, окна выглядят темными. Но это только кажется от сильного контраста, писать их надо краской не темнее чистой охры.

Однажды, когда солнце клонилось к западу, Крымов сказал, указывая на дерево посреди газона:

— Взгляните, что делает вечерний свет. Косые лучи, падающие сбоку, окрашивают нижнюю сторону листьев красноватым. Небо же сверху делает их голубоватыми. Но на этом высоком дереве верхние листья мы видим снизу. Так и надо писать вечернее дерево, чтобы верх его был красноватым, а низ — голубовато-зеленым.

Надвигались сумерки. Возвращаясь, мы снова проходили мимо белого дома. В окне нижнего этажа зажегся свет. Николай Петрович остановился, посмотрел, сощурившись, и почти прошептал:

— Когда мы с вами смотрели на этот дом при солнце, я говорил, что темное окно на белой стене надо брать охрой. Теперь, в сумерках, белая стена смотрится темно-серой. Если хотите изобразить в окне огонек, возьмите ту же чистую охрочку: на этом фоне она у вас в меру загорится. В одном случае вы изобразите охрой темный провал окна, а в другом случае та же краска у вас горит огоньком. Вот она, живопись!

Любовно изучая натуру, Крымов настолько постиг ее законы, что пейзажи, написанные в мастерской и целиком сочиненные, как, например, «У мельницы», невозможно отличить от тех, что писаны с натуры.

— Учитесь наблюдать жизнь,— часто повторял он.— Если увидите красоту там, где другие не увидят, эта красота будет вашей. Напишите и покажите ее людям, они скажут спасибо.

Член-корреспондент Академии художеств СССР, народный художник РСФСР Н. П. Крымов за заслуги в развитии изобразительного искусства был награжден орденом Трудового Красного Знамени. С его именем связывается в моем представлении понятие о мастере в самом высоком смысле этого слова: он любил труд, свою профессию, любил жизнь, Родину.

Н. Крымов. 1884—1958. У МЕЛЬНИЦЫ. 1927. Государственная Третьяковская галерея

Н. Крымов. ПОСЛЕ ВЕСЕННЕГО ДОЖДЯ. 1908. Государственный Русский музей

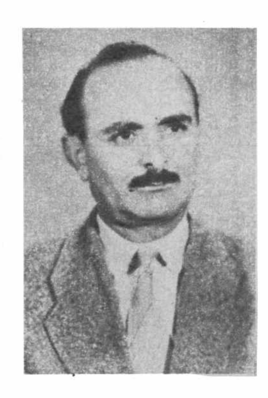

РАННЕЕ УТРО. 1915.

Ибрагим КЭБИРЛИ

ДОРОГА БОЙЦА

В ту пору над селеньем сумрак плыл
И ливень лил, сильнейший ливень лил,
Шел сквозь деревья в горы напролом...
А утром меня вызвал военком.
Я шел к нему от счастья сам не свой —
Едва пушок пробился над губой.

Мечты мои, мальчишечьи мечты —
Я в них шагал на север через льды,
Лежал в секрете, покорял хребты...
Мечты, мечты — надежд мальчишьих дар —
Их молчаливый понял комиссар,
Сказал он, улыбаясь мне слегка:
«Хотите в пограничные войска?»

От радости в глазах моих темно.
Об этом я мечтал давным-давно...
Так пыльная дорога из села
Меня к границам дальним увела.
Я вижу вас из нынешнего дня,
Дороги, уводящие меня.

Среди лесов, среди равнинных трав,
Гремя, летел стремительный состав,
На станциях, крылаты и легки,
Махали нам прощальные платки.

Пожатье рук, сиянье добрых глаз,
Как будто бы давно любили нас!

А над составом плавали дымы,
И день и ночь к границе мчались мы.
Светили семафоры впереди,
Все были с нами ласковы в пути.
Деревья обступали нас стеной
И нам махали ласковой листвой...

Я всю дорогу думал вновь и вновь:
«Откуда эта добрая любовь?
Она на всем пути нас берегла.
Откуда столько нежного тепла?..»

А за вокзалом следовал вокзал,
И я в глазах сияющих читал:
«Пряма дорога ваша и светла —
Через Отчизны сердце пролегла!..»

БАЛЛАДА О КАМНЕ

Леониду Гурунцу.

На зеленом лугу
Речка белая век на бегу.
На ее берегу
Я цветов сосчитать не могу.
Ослеплен белизной,
Я на речку гляжу с вышины,
И текут за волной
Вдаль глаза мои, зыбью полны.
Всюду солнце вокруг,
Всюду белый стремительный свет.
Мир, как горы и луг,
Золотыми лучами одет...
В сердце память крепка,
Будет вечно в глазах у меня
Голубая река —
Под лучами зелеными дня.
Я на дне, в глубине
Вижу явственно каменный лес:
Дарят камни волне
Свой холодный, загадочный блеск,
Разноцветный, густой,
Переливный, как зыбкий рассвет —
Из песчинки любой
Мне сочится в глаза этот свет.
Стало радостно мне,
И душа стала света полна —
Наклонился к волне
И достал мокрый камень со дна.
Замутился, поблек
Серый камень невзрачный в руке —
Видно, каменный блеск
И сиянье остались в реке.
От воды, от камней
Вдалеке — уж не влажен,
А сух —
На ладони моей
Он остыл до конца, он потух.
Не пойму, отчего
Греет холод летящей струи,
Но от камня того
Свет в глаза не сочится мои.
Голубая струя
Затвердела на камне моем.
Мне казалось,
Что я
Вижу пятнышко солнца на нем.
Здесь, где зелень светла,
Я в раздумии долгом стою.
Жалость в грудь мне вошла —
Бросил камень в речную струю.
Нет, не канул во тьму,
А опять засверкал он со дна,
И вернула ему
Снова краски былые волна...
Все, что видел вокруг,
Все, что слышал,
Что в жизни встречал:
Эти горы и луг —
Все навечно в душе я связал,
Жил всю жизнь на свету,
И с вершин я свой путь начинал,
И песчинку — и ту
Сердцем, словно огнем, пеленал.
Но живет красота,
Повторяя себя каждый миг.
Даже капля и та
Разноцветна средь капель других.
Даже капле нельзя
Отрываться от почвы своей,
От земли, от ручья,
От протянутых к небу ветвей!..

* * *

Да здравствуют все заботы! Ведь без заботы в срок
Не засверкает поле, не зацветет цветок,
Не засверкают в поле влажные зеленя.

Сотканная из раннего, прозрачного волокна,
Пламя свое зажегшая бережно у окна,
Не засверкает роза при радостном свете дня.

Сочась из гладкого камня, вырвавшись из горы,
По капле в свет превратившись, из капли родив костры,
Не засверкает горный поток в глазах у меня.

И не привыкнув к трудностям и не блеснув трудом,
Светлым лицо не станет, светлое под дождем,
Не засверкают руки, работы тепло храня.

День за днем провожая, за годом проходит год.
Нужна о труде забота — лучшая из забот.
Без нее станет месяц ржавым, померкнет даль без огня.

СОЛДАТ СТАЛЬНОЙ

Я памятью к былому не остыл...
Давно, когда еще мальчишкой был,
С винтовкою на кожаном ремне
Солдат стальной
Шагал навстречу мне.

Казалось, над дорогою моей
Всходило утро в золоте лучей.
В моих глазах мир, словно солнце, плыл,
А тот боец все дальше уходил...
И думал я бойцу тому вослед:
«Пусть выйдет на солдата целый свет —
Никто его не сможет одолеть.
Перед таким отступит даже смерть,
Он победит!..
Он сможет стать стеной,
Ведь из железа он.
Ведь он стальной!..»

И вот однажды
Бой загрохотал —
Со свистом в землю
Врезался металл.

Через огонь,
Через кромешный ад
Прошел — и не сгорел
Стальной солдат.
Я знал:
Держава держится на нем.

Сквозь пламя он прошел —
Стальным огнем!..

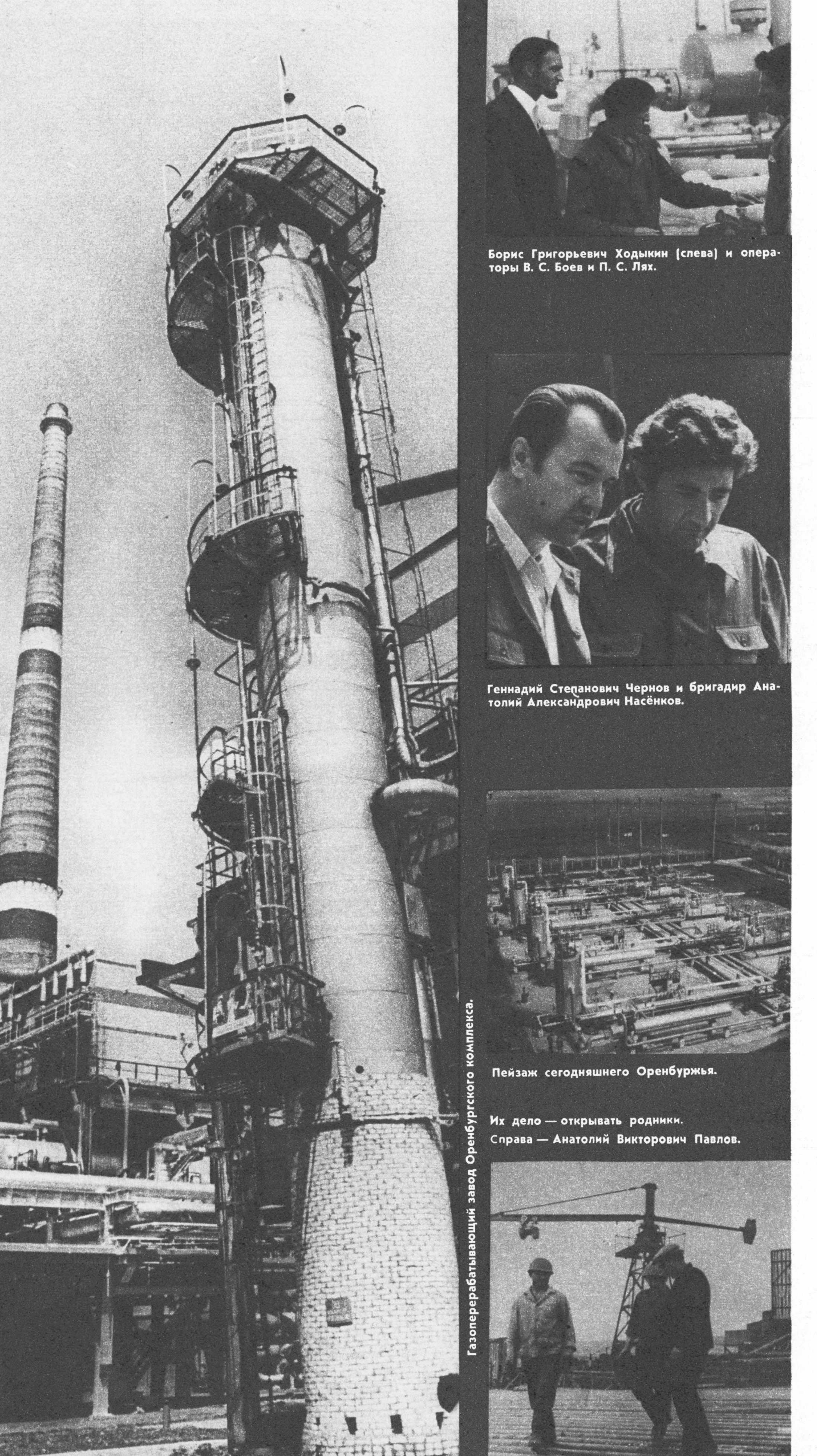
Я и теперь,
Как в давние года,
Того солдата вижу иногда.
Я сердцем всем доверчивым своим,
Как малое дитя,
Любуюсь им.

И кажется, что это тот солдат,
Что на плечах все те ж ремни скрипят,
Молоденький... Все тот же ясный взор.
Как будто только миг
Прошел с тех пор,

И столько лет не минуло вдали,
И весны
Не поблекли, не прошли.
Все будто он с поры далекой той —
Все тот же сильный,
Тот же молодой.

Все на земле стареет...
Русла рек,
Снега, деревья, горы, человек.
Так почему не постарел солдат,
А тот же он, как много лет назад?
Стоит солдат, упершись в шар земной.
Как постареть,
Когда солдат стальной!
Над ним не властны долгие года —
Железо
Не стареет никогда...

Перевел с азербайджанского
Владимир ЦЫБИН.

Газоперерабатывающий завод Оренбургского комплекса.

Борис Григорьевич Ходыкин (слева) и операторы В. С. Боев и П. С. Лях.

Геннадий Степанович Чернов и бригадир Анатолий Александрович Насёнков.

Пейзаж сегодняшнего Оренбуржья.

Их дело — открывать родники.
Справа — Анатолий Викторович Павлов.

Галина КУЛИКОВСКАЯ,
фото А. ГОСТЕВА,
специальные корреспонденты «Огонька»

НА МАРШРУТАХ ПЯТИЛЕТКИ

В НА

Полгода назад я была в Оренбурге и видела, как в безбрежной степи по обоим берегам Урала, на стыке двух материков, рождается новый гигант газовой индустрии. Тогда, в зимние пуржистые дни, в Дедурове, где расположены промыслы газоконденсатного месторождения, и в Каргале, где находится завод, шла битва, упорная битва за километры газопроводов, укладываемых в скованную льдом землю; за тонны сложнейшего технологического оборудования, которое монтировали по уникальному проекту. Усилия тысяч людей — строителей, монтажников, добытчиков и переработчиков газа — были направлены на то, чтобы приблизить день пуска комплекса. В конце декабря начались пуско-наладочные работы на первой технологической линии переработки газа. Обычно, как показал зарубежный опыт, они длятся около четырех месяцев. Тут линия вступила в строй действующих через сорок дней, в начале февраля, и газ стал поступать в магистраль Средняя Азия — Центр.

И вот конец июня...

РОДНИКИ

Узкой серой лентой в море пшеницы разворачивается шоссе. Над этим сочно-зеленым морем в синеватой дымке то слева, то справа встают буровые вышки. Это новая деталь степного пейзажа, которая имеет право войти в герб Оренбуржья рядом с колосом. Мы едем к истокам газоперерабатывающего комплекса. В строю — 140 скважин газоконденсатного месторождения. Из них, как из

родников, рождающих реки, устремляются потоки драгоценного газа на пункты сбора. На счету бригады мастера А. В. Павлова, одной из самых лучших в управлении, не один десяток таких родничков, вызванных ею к жизни. В прошлом месяце, применив ряд технических новинок, она установила рекорд: 1 810 метров на станок в месяц. В результате скважина под номером «534» была завершена за 31 сутки, а планировалось два месяца.

Грунтовая дорога приводит на холмы, а за ними рукой подать и павловская вышка. Жаркий полдень. Тишина. Звенят над волнами ковыльного пуха жаворонки, мелькают в зарослях полыни суслики.

Рядом с буровой крохотный поселок: вагончики с радио- и телеантеннами, передвижная электростанция, краны и лебедки. К основанию вышки примыкают машинные залы с моторами и насосами и сложное «водяное» хозяйство с фильтрами, отстойниками, желобами для подготовки глинистого раствора. Этот раствор совершает замкнутый цикл, что намного ускоряет выемку горных пород. Так придумал, кстати, сам Павлов.

В будках, занавешенных брезентом, сыро, шумно, все в мокрой глине. В общем, работа нелегкая. Я представляю себе, как она тяжела осенью, в распутицу, и зимой, в стужу. Спрашиваю у Анатолия Викторовича, как он стал буровиком. Давно ли?

— Родители мои были школьными учителями. Но я мальчишкой еще видел, как геологи искали у нас нефть, заинтересовался. Пошел в техникум. Окончил и вот уже двадцать два года занимаюсь бурением. — Павлов щурит свои светлые, будто выгоревшие от степного солнца глаза. — Врос в это дело. Чем глубже в него зарываешься, тем интереснее становится. Со стороны может показаться, что у нас все время одно и то же. Ничего подобного! Я не припомню и двух одинаковых скважин. У каждой свои особенности, так же, как у каждого человека свой характер. Вот возьмите эту скважину и предыдущую, пятьсот тридцать четвертую. Расположены они недалеко друг от друга, всего в полутора километрах. Но совсем разные. Та пошла нормально с первого дня. А тут песок и песок. Двадцать метров песка. Он ползет, размывается. Пришлось обсаживать трубами большого диаметра. А в Бузулуке, это когда я еще на нефти работал, сидели на одной скважине месяцев десять. То обвал, то раствор уходил, поглощался, то на газ наталкивались. Думали, уж никогда не выберемся оттуда, и место глухое: ни дорог, ни жилья. На вертолете прилетим, на вертолете улетим... Не все гладко у нас получается. Точно так же и в жизни.

— Ну, а как же семья? Вы все больше в отлучке...

— Привыкла семья. Жена — геолог нашего управления. Три дочки растут. Валя, старшая, уже лаборантка, тоже в нашем управлении работает. Есть квартира, за Уралом дача...

— Большая у вас бригада?

— Двадцать четыре человека, четыре вахты. Идем в таком составе уже два года. Сработались.

«ВАШ ПРОПУСК!»

Ковыльную степь сменяет массив ржи — высокой, уже по грудь, чистой, без единого василька. На горизонте, как видение, поблескивает озеро. Недалеко от него находится «УКПГ-6» — установка по комплексной подготовке газа, вторая ступень в получении голубого топлива. Вместо буровых все чаще попадаются красные, обнесенные сетками крестовины фонтанной арматуры. Рядом узенькие, как соломинки, трубки факелов.

«УКПГ-6» чрезмерно скромно называется установкой. По существу, это небольшой завод, построенный компактно и красиво, с учетом последних достижений современной техники. Здесь собирается и подвергается первичной подготовке газ и выделяется конденсат. Пять миллиардов кубометров газа в год! Огромное количество! Обычно газосборные пункты сооружаются на полтора-два миллиарда. В Дедурове три установки по пять миллиардов.

Любое химическое производство требует осторожности, а связанное с газом — в особенности. Помню, когда я была здесь полгода назад, меня в проходной ошарашил громадный плакат, обращенный к входящему: «Предъяви пропуск! Возьми противогаз! Оставь спички и папиросы!» Теперь этого плаката нет, никто не предупреждает о спичках и папиросах, это само собой разумеется. Но пока постовой не изучит внимательнейшим образом документы и не нажмет кнопку автоматически раздвигающейся двери, на территорию «УКПГ-6» вы не попадете, даже если пришли с начальником установки.

Вот он, начальник, с нами. Очень высокий, очень худой человек, ну просто Дон Кихот. На смуглом лице подстриженная серпиком, густая, черная борода. Борис Григорьевич Ходыкин. Про него так и говорят: "Борода велел», «Борода сказал», «Борода пошел туда-то»... И слушаются беспрекословно, слушаются и ценят, потому что дело он знает превосходно. У Ходыкина есть еще и другое прозвище — «Ходячий». Рассказывают, что когда он появился на Совхозном промысле (есть такое газовое месторождение в Оренбургской области), то в конторе застать старшего инженера, а потом уже и начальника было невозможно. Возле установок — пожалуйста. То у одной, то у другой. Все выяснит, въедливо докапывается до корешков, и все у него получается очень хорошо. Рабочие сразу полюбили Ходячего и тоже закрутились, как и он сам, что очень важно в период наладки. Такой стиль оперативного руководства на месте привился и тут, в Дедурове, и дал высокий эффект. «УКПГ-6» за короткий срок, всего за месяц, что в два раза меньше обычного, первой из трех установок промысла вышла на проектную мощность. Ее уровень — 16—17 миллионов кубических метров газа в сутки.

Приехал Ходыкин с Кубани, и следом за ним потянулся длинный хвост, «казачий эскадрон», как шутят здесь.

— Как же вы променяли такой теплый, благодатный край на Оренбуржье?

— Во-первых, потому, что, кроме как газ добывать, я ничего не умею.— Ходыкин вскинул глаза, посмотрел на свою руку, точно собирался отсчитывать по пальцам причины. — А Северокубанский промысел уже в «преклонном» возрасте, иссякает. Народ заблаговременно перебирается в другие места. Во-вторых, здешнее газоконденсатное месторождение — крупнейшее в Европе. Интересно же на нем поработать! В-третьих, я уроженец Оренбургской области. Родился тут, в Кувандыкском районе. Отец мой, агроном, переехал на Кубань, когда я был совсем маленьким.

К Ходыкину подошли Клод Берсаже и Кок Фужера, французские инженеры. Они присутствуют на гарантийных испытаниях, согласно договору с фирмой, поставившей оборудование. Берсаже просит остановить один из насосов, проверить его работу. Для этого понадобится всего минут сорок. Начальник разрешает, но говорит, что лучше бы это сделать завтра. Разговор этот происходит возле серебристой, ослепительно сияющей на солнце башни сепаратора. Жара под тридцать. Тем удивительнее видеть в таком пекле нетающий снег. Трубопроводы покрыл твердый слой, нет, не обычного снега, а фирна, будто слежался он на горных ледниках. Внутри башни и в регулирующих соединениях трубопроводов температура минус двадцать два. Вот такие здесь контрасты: снаружи жара, а внутри мороз.

И МОЛОДО И ЗРЕЛО

А теперь к устью газоперерабатывающего комплекса, на завод в Каргалу! От «УКПГ» в Дедурове до завода не близко. Пришлось вернуться в Оренбург и поехать в другую сторону, за реку Урал.

Еще издали узнаю знакомый силуэт: сначала высокая труба теплоэлектроцентрали, потом три тонких иглы цеха серы. Но что это за две трубы справа? Полгода назад их не было. «Строится вторая очередь завода»,— объяснили мне. Вот так, не переводя дыхания, растет Оренбургский газоперерабатывающий: первая, вторая, а потом будет и третья.

Каковы же изменения на первой очереди?

Там, где громоздились в мой последний приезд снежные сугробы и натужно рычали застрявшие самосвалы, — заводские ворота, а за ними... Когда в прошлый приезд я, спотыкаясь и скользя по изрытой траншеями земле, пробиралась по стройке, то не могла и представить себе эти зеленые лужайки, обнесенные бордюром. Вот как здесь стало: широкие заводские улицы и газоны.

Захожу в операторную завода. Хочу найти Геннадия Чернова, начальника цеха очистки газа. От работы этого цеха зависит выдача пятнадцати миллиардов кубометров голубого топлива в год. С Черновым познакомилась в прошлый раз на оперативке у заместителя министра газовой промышленности. Среди присутствовавших он был самым молодым, в черном свитере выглядел лет на тридцать, не больше. Разговорились. Он, побывал во Франции, в Лаке. Поработал там, ознакомился с производством. Помню, он беспокоился, как удастся пустить столь ответственный цех зимой, в морозы, такого, мол, еще не было в мировой практике...

Сейчас я увидела молодого человека в легкой, светлой рубашке. Он стоял в окружении операторов. Ну, конечно же, Чернов! И операторы у него молодые.

— Простите, сколько вам лет?— обратилась я к одному из них.

— Двадцать шесть.

— А вам?

— Двадцать один...

— Тридцать...

Не много для специалистов в общем-то новой отрасли газовой промышленности. В разговоре с Черновым тут же выяснилось, что из двухсот рабочих его цеха самому «пожилому» всего тридцать семь. Это старший оператор Халид Вагапов, инженер. Производство здесь такое, что у многих рабочих вузовские дипломы. Уфимский нефтяной институт прислал в 72-м году пять своих выпускников. Все они операторы.

Из цеха № 1 я отправилась в отдел кадров завода. И тут установила, что возрастная особенность первого цеха типична для всего предприятия: более четырех пятых всех работающих — люди моложе тридцати четырех лет. Две трети имеют высшее и среднее образование.

— Закономерно, — заметили мне. — Нашему директору Виктору Степановичу Черномырдину тридцать шесть, кстати, он успел окончить два вуза. Главному инженеру Николаю Романовичу Воробьеву тридцать пять.

Каковы же успехи молодого коллектива молодого завода?

Видно это на примере того же самого цеха № 1, которым руководит Геннадий Степанович Чернов. Цех этот под открытым небом, как, впрочем, и два осталь-

ных. В цилиндрических башнях, связанных друг с другом системами трубопроводов, газ очищается от сероводорода и конденсата и подвергается осушке. Задача как будто бы проста. Но только профессионалы понимают, какие здесь возникают трудности, особенно в период освоения.

— Стоял февраль. Зима, сначала сносно теплая, вдруг разыгралась, начались морозы, — рассказывает мне Чернов. — Пустили мы установку, началась циркуляция абсорбента — жидкости, которая должна очищать газ. Очень боялись, чтобы ее не заморозило, она замерзает при минус десяти, а на улице минус тридцать шесть, к тому же ветер. Никто не знал, как в таких условиях будет протекать процесс, мы оказались разведчиками. В ночь с 5 на 6 февраля никто из нас не уходил домой. И раскладушки в крохотной бытовочке стояли... Утром со Шкоряпкиным, это мой заместитель, мы вздохнули с облегчением: как будто все шло нормально. Но неприятности были впереди. Управление всеми процессами автоматизировано и ведется, как вы заметили, из операторной. На рабочих местах — контрольно-измерительные приборы и датчики. Подвели нас прежде всего паропспутники, по которым подавался пар для обогрева технологических линий, ведущих к приборам. Пришлось срочно создать специальную группу, которая занялась только паропспутниками, прогревали и ремонтировали. Как-то отключилось электропитание. В другой раз началось вспенивание в установке... Много чего было. Сейчас мы подходим к проектным мощностям, но надо еще научиться работать устойчиво, обеспечить бесперебойное взаимодействие всех установок и систем.

* * *

Недавно Государственная комиссия подписала акты о приемке первой очереди газоперерабатывающего комплекса. В него входят промысел, три «УКПГ», первая очередь завода. За четыре года осуществлен огромный объем строительных работ. Только на небольшой сравнительно площадке завода смонтировано 330 километров технологических трубопроводов и 13 тысяч 400 тонн технологического оборудования, уложены сотни километров кабеля, подземных коммуникаций, построены линии электропередач, водоводы... Стройка раздвинула границы старого Оренбурга, выросли новые микрорайоны, такие, как Степной и Восточный. Однако темпы жилищного строительства еще далеко не достаточны, особенно по линии треста «Оренбургэнергострой».

В течение ближайших лет труженики нового района газовой промышленности получат свыше 30 тысяч благоустроенных квартир, ясли и детские сады, школы, в том числе две музыкальные, дома культуры, спортивный комплекс с искусственным катком, Дворец пионеров...

Сегодня взят первый рубеж. Страна получает первый урожай с газоносной целины Оренбуржья: свыше сорока миллионов кубометров природного газа в сутки. Это значит 15 миллиардов в год, как и было запроектировано.

Перед строителями стоит еще более грандиозная задача: дальнейшее наращивание, удваивание, утраивание мощностей и сооружение колоссального — протяженностью 2 тысячи 750 километров — газопровода от Урала до Западной границы СССР. В ее осуществлении, как известно, примут участие и Болгария, Венгрия, ГДР, Польша, Румыния и Чехословакия. На шоссе, ведущем из города на завод, сейчас можно видеть лозунг: «Оренбургский газ — Родине!» Время внесет в него коррективу: «Оренбургский газ — и братским странам!»

Мария ХАЛФИНА

РАССКАЗ

Рисунок И. УШАКОВА.

РАСПЛ

Настроение было испорчено с самого утра. Вместо воскресного пирога Мария подала к завтраку яичницу с салом. Григорий Антонович хотел было спросить, где Сергей, почему не выходит к столу, но раздумал.

С Сергеем предстоял серьезный разговор, и сейчас не время было его начинать. Вчера вечером после работы Григорий Антонович здорово «набрался» у Веньки Пастухова. Как всегда, на людях он не позволял себе распускаться. По улице шел прямо, твердой походкой и, хотя в глазах все плыло и двоилось, степенно раскланивался со встречными.

Не было такого случая, чтобы он, Малахов Григорий Антонович, свалился хмельной или, что хуже всего, попал в вытрезвитель.

Он всегда успевал добраться до дома, иногда даже раздеться успевал самостоятельно. Дома, правда, он нередко вел себя не очень достойно. То просто колобродил, не давал семье спать, а иногда начинали вдруг всплывать старые обиды, чудилось, что жена и ребята недостаточно его уважают и хотят как-то унизить.

Тогда он впадал в буйное состояние, нужно было его держать, а он рвался и поносил всех самыми последними словами.

Раньше, еще каких-то три-четыре года назад, за ним такого не замечалось. Да и пил-то он тогда только по праздникам в своей, хорошей компании. А что касается сквернословия, то в трезвом виде он и сейчас терпеть не мог, если какой-нибудь стервец похабничал, особенно при детях или женщинах.

Вчера же его развезло раньше времени. Он смутно помнит, как Мария стаскивала с него сапоги, а тапки домашние вроде бы не поставила перед ним, как положено, а бросила на пол... Он очень рассердился, пинком отшвырнул разношенные шлепанцы, один из них ловко смазал Марию по лицу... Помнит, что Сережка не выскочил, как всегда, из своей боковушки... Помнит, как швырнул сапогом в раскрытую дверь кухни, зазвенела сбитая со стола посуда, он наклонился за вторым сапогом, но тут его самого швырнуло куда-то вбок, потолок косо опрокинулся и стремительно, но совершенно беззвучно рухнул, увлекая Григория Антоновича в душную бездну.

Утром поднялся через силу. Раньше, как бы ни выпил накануне, утром просыпался от голода. Знать не знал, что такое похмелье.

А теперь от одного запаха пищи мутило. Под сердце подкатывала тошнота, ломило затылок, а изнутри била какая-то подлая дрожь, и унять ее было невозможно.

Поковыряв вилкой яичницу и выпив через силу стакан крепкого чая, Григорий Антонович набросил телогрейку, прошел в свою «мастерскую», небольшой сарайчик, где у них с Сережкой были оборудованы два столярных верстака.

Заводскую свою работу Григорий Антонович очень уважал. Сотворить из куска мертвого металла тонкую, сложную деталь не каждый сможет, но для сердца, для душевного отдыха у него была его столярка. Ведь какая же это красота, когда над тяжелым рубанком, плавно скользящим по грани деревянного бруска, расцветет первый завиток, а за ним, обгоняя друг друга, потекут кудрявые стружки, такие тонкие, нарядные, хрупкие, что на них боязно наступить ногой!

Войдешь в столярку, и от лесного, смолистого запаха стружки и опилок приходит к тебе какая-то душевная тишина и покой. И двигаться хочется спокойно и не спеша и говорить негромко и негрубо. В столярной работе оба они с Сережкой ценили красоту. Мастерили рамы полированные для картин, полки книжные или какие-нибудь этакие легонькие, воздушные подвесы для комнатных цветов.

Вот и сейчас, уже третий месяц, Григорий Антонович тайно от Сергея, по особому чертежу мастерит подвесной книжный стеллаж.

Подарок-сюрприз к Сережкиному семнадцатилетию. Только ни к чему теперь таиться от Сергея. С самой зимы, за все лето, ни разу не заходил Сергей в столярку.

Григорий Антонович с трудом протиснулся за верстак в угол, достал из тумбочки початую поллитровку и стакан.

Вот оно, чудодейственное лекарство от всех немочей и болезней! Морщась, он налил полстакана, выпил, перекосившись от отвращения. Утром даже слышать мерзко, как она, отрава проклятая, булькает, наполняя стакан.

Закрывшись в столярке, Григорий Антонович бросил в изголовье телогрейку и лег на верстак. Нужно было решить основное: как, в каком тоне говорить с Сергеем? Шестнадцатилетнего парня в угол не поставишь, ремешком уму-разуму не поучишь.

Придется, видно, говорить по душам, как мужчина с мужчиной. Прежде всего рассказать о вчерашнем позоре.

Вчера, в конце рабочего дня, Григория Антоновича пригласили в партком. В кабинете, кроме секретаря Виктора Захаровича, сидел директор подшефной средней школы, которую два года назад окончила Веруська, а в этом году будет кончать Сергей.

С директором школы знакомство у Григория Антоновича было, как говорится, шапочное. На родительские собрания всегда ходила Мария. Григорий Антонович в школе побывал всего два раза: на Веруськином выпускном вечере да еще как-то лет шесть назад, когда проводили встречу школьников с передовиками производства. Он тогда еще ходил в передовиках. И в тот раз сидел за красным столом на небольшой сцене школьного зала, а этот вот самый директор рассказывал ребятам, какой он — Малахов Григорий Антонович — есть работник. Золотые руки, ударник, гордость завода.

А на передней скамье в зале, битком набитом школьниками, сидели рядом Веруська и Сергей.

Непоседу Веруську распирало от счастья и гордости. Она поминутно крутилась, вглядываясь в лица ребят — ведь они могли не понять, не расслышать, что говорят о ее папке, о ее, Верки Малаховой, отце! Сережка же сидел неподвижно, зажав ладони между колен, смотрел на отца снизу вверх, исподлобья, багровый и вспотевший от радостного волнения.

И еще однажды сидел Григорий Антонович рядом с директором школы, тоже за столом президиума — в гортеатре, на торжественном заседании в честь годовщины Октября.

И вот этот человек, имени-отчества которого никак не мог сейчас вспомнить Григорий Антонович, вдруг задал ему вопрос: где Сергей провел лето?

Вопрос ошеломил Григория Антоновича. Кто, как не директор школы, должен знать, что Сергей Малахов сразу после окончания учебного года был направлен школой и комсомольской организацией в пионерский лагерь в качестве младшего вожатого, а потом уехал на уборочную в совхоз?

— Не был он, Григорий Антонович, ни в лагере, ни в совхозе не был,— хмуро перебил его директор.

— К бабушке он ездил, к вашей матери, а потом будто бы на какой-то рудник, со знакомыми парнями. Беда в том, что мы не знаем, что с ним творится последние три года. Уже в седьмом классе он стал более замкнутым, а зимой прошлого года резко снизил успеваемость, пропускал занятия... Учителям стал дерзить, чего раньше с ним никогда не было.

— Это он расстроился, когда Веруська, сестра его... замуж вышла...— торопливо объяснил Григорий Антонович.

— Поступок Веры не одного Сережу расстроил...— Директор пристально посмотрел Григорию Антоновичу прямо в глаза.— Веру в школе считали умной и серьезной девушкой. Она готовилась в институт и, несомненно, поступила бы. Естественно, насколько всех удивил этот странный брак. Это не замужество, Григорий Антонович, это бегство из дома. Простите, я не закончил. Ваша жена очень больна, и нам приходится ее щадить... Она очень тяжело переживает Сережины срывы и в то же время чего-то недоговаривает, о чем-то умалчивает. Вы на наши приглашения не являетесь, классный руководитель много раз приходила на квартиру — вас или нет дома, или с вами нельзя говорить, потому что вы пьяны...

Затылок наливался каменной тяжестью, в ушах шумело. Григорий Антонович сипло кашлянул,— нужно было в конце концов объяснить уважаемому товарищу директору, что перед ним не школьник, которого можно отчитывать, как мальчишку, но тут заговорил секретарь Виктор Захарович.

Из-за шума в ушах Григорий Антонович не сразу вник в содержание его слов, в смысл разговора. А разговор шел о потерянном авторитете, о былой славе Григория Малахова, утопленной им якобы в рюмке водки.

С трудом проглотив сухой, колючий комок, перехвативший горло, Григорий Антонович сказал, насколько мог язвительно и веско:

— Я, Виктор Захарович, извините, что перебил вас, хочу задать один вопрос: было ли когда, чтобы Григорий Малахов плана не выполнил? Или, возможно, прогул совершил? Или вы из вытрезвителя на Григория Малахова данные имеете? А, может быть, будучи в нетрезвом состоянии, он ценную деталь запорол?

Виктора Захаровича даже перекосило всего, словно он горсть сырой калины разжевал:

— Да разве в плане дело-то, Григорий Антонович?! Чего ты младенцем прикидываешься? В твоем цехе народ за звание борется — кто раньше в таком деле был бы закоперщиком? Антоныч! Дядя Гриша Малахов! Раньше ребята в цехе в тебе наставника видели, а теперь?! А что касается ценных деталей, так... Ну ладно, не о том речь. Анатолий Ильич тебе о Сергее не все еще сказал... Оказалось, вчера Сергей пришел в кабинет Анатолия Ильича, заявил, что школу кончать не намерен, и потребовал свои документы.

— Именно потребовал, причем грубо и заносчиво... Сережа Малахов, которого я знаю с семи лет, один из лучших учеников школы, комсомолец... Страшно сказать, Григорий Антонович, Сережа был... пьян!

Анатолий Ильич резко поднялся из-за стола, встал лицом к окну.

— Вот так-то вот, Антоныч...— негромко сказал секретарь.— Неладно у тебя в семье, и с тобой неладно... Как бы тебе не упустить Сережку-то? С дочкой скверно получилось, смотри, сына не потеряй.

Слова были добрые, но смотрел он на Григория Антоновича, словно врач на тяжелобольного, и директор стоял у окна, как статуя, повернувшись к Малахову спиной.

Григорий Антонович поднялся не спеша, поблагодарил вежливо:

— За беседу спасибо. С сыном меры приму. Послезавтра в школу он сам придет, извинится за свои проступки... А что касается семейных моих дел, то в них я уж сам лично как-нибудь разберусь.

Он с достоинством раскланялся и вышел, спокойно прикрыв за собой дверь.

Не заходя в цех, он миновал проходную и обычным своим, твердым, строевым ша-

гом — спокойный, солидный, как и положено человеку его возраста и положения, вошел в парк.

Идти домой с таким нагаром на сердце было невозможно. Напиваться он не собирался, нужен был просто один стакан красного, чтобы хоть немного сполоснуть с сердца эту едучую накипь, но тут на него навалился Венька Пастухов, потащил к себе обмывать новокупку — мотоцикл, попробуй откажись, человеку кровная обида.

За обедом Григорий Антонович спросил, где Сергей, почему к столу не идет. И тогда Мария сказала, что Сергей уже две ночи дома не ночевал. Голос у нее был тусклый, бесцветный, словно муж у нее о котенке спросил: чего это Мурзика сегодня не видно?

Григорий Антонович опять закрылся в столярке. Дело шло к вечеру, сколько ни бродяжит Сергей, а к ночи все же должен заявиться.

Натворил, стервец, дел в школе, а теперь не смеет домой глаз показать. Что же все-таки делать-то с ним? Строгостью брать или добром? Рассказать, как они с матерью всегда гордились его успехами в школе, мечтали дожить до того счастливого дня, когда придет он к ним с дипломом инженера, а может, и аспирантом станет, доцентом, диссертации научные будет защищать?.. Что в школе никто на него зла не держит, все беспокоятся о нем? Пойти надо — извиниться. Ничего не поделаешь — вот его, Григория Антоновича, вызвали в партком и за сыновьи проступки отчитали, как мальчишку... Да... а в парткоме-то он повел себя с самого начала в корне неправильно. Глупо себя повел, нетактично.

Люди-то они стоящие, а главное — свои люди. Сказать бы просто: «Точно, мужики, всю мою жизнь — и заводскую и семейную — словно трещиной раскололо...» И про детали Виктор Захарович справедливо намекнул... Забыл уж Григорий Антонович, когда ему сложный заказ поручали. А он и не просил. Не надеялся он теперь на себя. На золотые свои умелые руки. Ни силы, ни точности, ни верности в них не стало.

Авторитет... Не в том дело, что давненько исчез с заводской Доски почета его портрет, что уже дважды обошли его на выборах, не включали в состав делегаций по обмену опытом.

Другое хуже. Гошка Савельев, пропойца, хулиган, на днях подошел, хлопнул свойски по плечу, предложил скинуться на двоих.

И Рогачев с Тереховым, подонки, тунеядцы, подходят теперь запросто, как свой к своему. Как к ровне подходят!

И в семье неладно. Еще год назад, бывало, Мария плакала, ругалась, уговаривала его не пить. А потом, как Веруська сбежала и с матерью он поругался, замолчала. В доме словно только что покойника вынесли. Не тянет теперь домой. Опостылело все.

А в конце-то концов, не каждый же вечер он пьяный приходит и скандалит тоже не всегда.

Если разобраться, не так уж много от семейных требуется: не лезть на рожон, когда видишь, что человек выпивши... В других семьях и не такое творится...

Ну Мария... больная, точно, даже с работы пришлось уволиться, а ребятам чего не хватало? Ни разу пальцем не тронул, трезвый словом плохим не обидел, одевал обоих, как картинку, ни в чем отказа не имели.

А как они его любили! Когда портрет его на городской Доске почета вывесили, Мария говорила, каждый день в центр бегали, на папку любоваться.

Однажды по радио передавали репортаж о его цехе. Он сам и думать забыл о передаче. Лежал в воскресный день на диване с газетой, а Веруська услышала, завизжала: «Тихо! Слушайте!!! О папке передают!!!»

Серега, тот в чувствах своих сдержанный, даже улыбаться от радости стесняется, а Верка, как передача закончилась, шлепнулась на отца сверху, как тигрица, обхватила за шею, растрепала всего, зацеловала, а ведь большая уже дуреха была, годов четырнадцать, не меньше.

А Мария стоит в дверях, к косяку привалилась, смотрит на него, а глаза синие-синие и слезами налились — от радости... На него и на ребят глядя...

Вечерами дом, как улей, гудел. К Веруське подружки набегут, у Сергея в боковушке чего-нибудь мальчишки мастерят...

А когда начал он выпивать, перестала дочь подруг в дом водить и сама вечерами подолгу нигде не задерживалась — боялась мать одну оставлять... А у него все чаще стали выпадать ночи, когда колобродил он и бушевал часами и сон не мог его повалить.

Так получилось и в ту проклятую ночь. Помнил смутно, что рвался куда-то бежать, а Мария, Веруська и Сергей висели на нем, пытались удержать.

И не то он кого-то грубо толкнул, не то его кто-то по лицу смазал — свалился он, уснул мертвым сном, заспал все, что произошло. А на другой день, проспавшись к обеду, узнал, что Веруська уехала, а проще сказать, сбежала с Леней Кружилиным. Этого Леню, заезжего сахалинского рыбака, перекати-поле, Ивана безродного, никто в доме и за жениха не принимал. Приходил по вечерам, сидел в уголке на диване, следил за Веруськой робким, преданным взглядом. И высидел. Дождался, когда девчонка сгоряча разум потеряла. Увез тайком, как вор.

Мария тогда сильно приболела. Пришлось Григорию Антоновичу съездить в деревню за матерью.

Мать Григорий Антонович очень уважал. Она была справедливая, а это качество он ценил в человеке превыше всего.

Жизнь матери досталась трудная. Овдовела она двадцати семи лет, замуж больше не пошла — молодая, здоровая, красивая, пронесла свое вдовье звание, ничем его не замарав, потому что нужно было ей вырастить трех сыновей. Первенца Павлушу и двойнят-близнецов Мишу и Гришу.

Без отца сыновей растить нелегко, но парни у нее подрастали работящие и послушные.

Только подросли они не ко времени. Грянула война, и из троих вернулся к матери один младший из близнецов. Гриша. Григорий Антонович.

Демобилизовавшись, Григорий Антонович в деревне не остался. Уехал в город, поступил на завод, встретил Марию.

Каждый год отпуск они проводили в деревне, у матери. А когда народились Веруська и Сергей, мать подолгу гостила у них.

Каждый приезд ее для семьи был праздником. Больше всех любил бабушку Сергей. Не зря ревнivая Верка называла Сережку «бабиным сыночкой».

На этот раз, горько оплакав с Марией нелепое Веркино замужество, присмотревшись к неладной их жизни, мать сурово сказала Григорию Антоновичу, когда были они один на один:

— Ты, Гришенька, Манькиного ноготочка не стоишь... Она, дура, любит тебя, все твои подлости покрывает, жалеет тебя... Тебе бы поберечь ее, не за-ради ее самой или детей, а заради своего собственного интересу... Ты же пропадешь без нее...

Слова эти очень обидели Григория Антоновича. Два месяца, как мать у них гостила, он сдерживал себя, натуру свою ломал. Всего раза два пошумел выпивши... Но разве на них угодишь? Все равно в доме ни шутки, ни смеха, как раньше бывало.

А мать старым своим умом никак не могла понять, что Гришеньке-то ее пятый десяток к концу идет. Что поздно теперь его уму-разуму учить, на праведный путь наставлять... И не след невестку против родного сына натравливать...

И он сорвался. Пришел во втором часу ночи. Велел Марии горячего сготовить, пошел к Сергею в боковушку, но тот, стервец, завернулся с головой в одеяло, отвернулся к стене.

Мать тоже к столу не вышла, хотя, конечно, не спала.

И вот от этого молчания, от этого их безмолвного бунта, накатило такое зло, такая охватила обида... видимо, вся выпитая за вечер водка в тепле в мозги ударила.

Дальше он ничего почти не помнит... матери вроде бы показалось, что он Марию хочет ударить, она Марию собой загородила...

Утром, когда он спал, мать уехала, не повидавшись с ним, не простившись. Хотя бы выругала как следует на прощание. Расспрашивать, чем и как он обидел мать, было не в его правилах. Что было, того не исправишь, пройдет время — помаленьку забудется материнская обида и все образуется.

Но после ее отъезда в доме окончательно все затихло. Сергей осунулся, как после болезни. На мать не надышится, а с отцом всего разговору: да... нет...

Потолковать бы с сыном по душам, но дыбом вставало отцовское самолюбие: нет же, щенок лопоухий, не тебе перед отцом этаких принцев Гамлетов разыгрывать, между отцом и матерью клинья вбивать... Родители поссорятся и помирятся, а твое дело телячье...

Григорий Антонович завозился на верстаке. Сел, крепко потер лицо ладонями. Нарастала тревога. И вспомнилось такое, от чего сердце точно клещами сдавило.

Четырнадцать лет назад... Тогда их теперешний микрорайон был городской окраиной, отделенной от центра речной протокой. Моста еще не построили, и жители заречья с городом общались своими средствами — зимой по льду, летом переправлялись на лодках.

Стоял холодный ноябрь. Воду схватило первым льдом, но ходить через протоку еще не разрешали.

Двухлетний Сережка второй день капризничал, хныкал, все время просился на руки, а поздним вечером у него перехватило горлышко и он стал задыхаться. Никакие домашние средства не помогали.

К часу ночи стало ясно, что нести его пешком через дальний городской мост или бежать искать какой-то транспорт поздно. А детская больница со старым прославленным врачом была в центре, только протоку перебежать.

Тогда он завернул Сергея в одеяло и побежал к реке. Он бежал ночными безмолвными улицами и думал об одном — только бы добежать... Успеть донести живого.

Он спустился под крутой берег, ступил на тонкий, еще не окрепший лед. Под ним лежала темная ледяная глубина. Стиснув зубы, он легким звериным шагом отошел метра на два от берега и побежал на маячившие впереди городские огни.

На середине реки он услышал за плечом прерывистое, хриплое дыхание. Мария бежала за ним, прижав обеими руками к груди длинный шест.

Не замедляя бега, он крикнул через плечо: «Не подходи близко, дальше держись!»

На бегу он приоткрывал уголок одеяла, ловил уже совсем тихое сиплое дыхание Сережки, припадал на миг к набухшей пульсирующей жилке на мокром от холодного пота виске.

Он успел. Сережке разрезали горлышко, сунули в разрез резиновую трубку, воздух хлынул в легкие, и он начал дышать.

А в приемной на диване, запрокинув голову, лежала Мария. Лицо у нее было голубое, на голубом темнели фиолетовые губы. Время от времени она открывала глаза: огромные, пустые, нездешние. Около нее хлопотали люди в белых халатах.

Только тогда Григорий Антонович узнал, что у нее больное сердце. Сначала он очень напугался, ходил за ней, как за ребенком, но, выписавшись из больницы, Мария осталась такой же молодой, красивой, веселой. Больное сердце не мешало ей работать, растить ребят и любить своего не очень-то покладистого и удобного в житье Гришу.

Григорий Антонович, сидя на верстаке, все поглядывал в оконце, чтобы не прокараулить, когда заявится блудный сынок с повинной своей головушкой. И все же прокараулил. Поднял голову на скрип двери. В дверном проеме стояла Мария, седая, с окаменевшим лицом.

— Иди... Сергея возьми...

— Что такое? Что с ним?! — холодея, спросил Григорий Антонович.

— Пьяный он...— Голос у Марии был такой же тусклый и серый, как ее лицо.

Сергей сидел на земле, привалившись спиной к калитке. Григорий Антонович приподнял его, поставил на ноги, и сын довольно бодро прошагал до крыльца. Потом вдруг бессильно повис, начал валиться, и его пришлось внести в дом на руках.

Нужно было протащить его в боковушку и уложить спать, но в прихожей Сергей вдруг с силой отпихнул отца локтем в грудь и, пошатываясь, вошел в столовую.

— Ты, Серега, не дури...— миролюбиво посоветовал Григорий Антонович, взяв его за плечо.— Пошли давай спать...

— Нет, батя, не выйдет!— Сергей, покачнувшись, оперся о стол.— Мы с тобой сейчас... за круглый стол... мы с тобой сейчас ассамблею проводить станем...— Он громко, по-дурацки захохотал и тяжело плюхнулся на стул.

— Милости прошу, товарищ Малахов! Приса-живайтесь, не стесняйтесь... будьте как дома...— Он опять захохотал, и Григорий Антонович молча сел на указанное ему место.

— Ты на меня, батя, не выбру... не вы-буривайся! Больше я тебя не боюсь... потому что ты... нуль, понятно? Нуль... и без палочки. Ты все еще себя считаешь: я — Малахов! Идешь по улице — пьяный в дребезину... нос кверху... грудь колесом... как верблюд, с незнакомыми людьми направо-налево раскланиваешься... милостиво... а ребята за тобой бегут... хохочут, потешаются...

Сергей не то хохотнул, не то всхлипнул, вытер рот мокрой рукой.

— В бригаде твоей мужики говорят: «Малахов... жернов у нас на шее... гнать надо... и жалко — все же был... Малахов!» Конечно, там ты тихий, не нашумишь... это дома тебе раздолье... здесь тебе все дозволено! Мы с мамой забыли уже, как это люди вечером лягут и спят... Мы, батя, не живем... а ждем... какой придешь! Чего над нами вытворять будешь? А ты, батя, хитрый! Знал, что мама в партком не побежит жаловаться, она и нас приучила... только бы люди не знали, что ты дома творишь! Я все паспорта ждал, хотел, как Верка... дунуть, куда глаза глядят, а потом, думаю: нет, шалишь! Мы сперва с батей на пару — попьем, погуляем. Ты — рюмку, я — две...

— Слюни подбери, сопляк...— тихо посоветовал Григорий Антонович, до боли стиснув сцепленные на коленях, похолодевшие пальцы.

— А что? Противно?! — навалившись грудью на стол, Сергей, ухмыляясь, смотрел в побелевшее лицо Григория Антоновича.— А нам не противно за тобой убирать, за пьяным? А маме не противно, когда ты... такой вот, в постель к ней лезешь?!

Григорий Антонович, мертвея, начал медленно приподниматься над столом.

— Что? Бить будешь? Бей! Ну, бей! Мне теперь ничего не страшно!

Григорий Антонович боялся оглянуться. Мария сидела у двери, прислонившись затылком к стене. Равнодушная, безучастная, она словно дремала, скрестив руки под грудью и закрыв глаза.

— Бей! Все равно не боюсь!— прокричал Сергей и, размахнувшись, швырнул со стола пепельницу.— Я тебе теперь неподвластный... понял? Как Верка... Верка моя...

Сергей всхлипнул и тяжело ткнулся лицом в сжатые кулаки:

— У нее пальцы хирургические... она бы теперь на второй курс перешла, а у нее скоро ребенок... зачем ей ребенок?! Конечно, ты никогда не помнишь, что пьяный над нами делаешь, так я тебе напомню!! Я тебе объясню!! Почему она из дома сбежала, что тогда было...

Мы с мамой тебя держали, а Верка все тебя оглаживала, уговаривала: «Папуленька, не надо! Папуленька, успокойся!» А ты маму локтем в грудь, наотмашь, со всей силы, прямо по больному ее сердцу... она упала... Тогда Верка размахнулась и тебя по... по морде!

Мы думали, она с ума сойдет, как она над тобой кричала... Ты храпишь, а она руки тебе целует: «Папуленька, прости!»

А что ты с бабушкой сделал?! Тоже не помнишь? За то, что маму она от тебя заслонила... ты ей прямо в лицо: «Отойди, старая падаль...» — а потом еще...

— Сережа...— тихо, предостерегающе окликнула его Мария.

Но тут Сергею стало плохо. Он покачнулся и, вцепившись в скатерть, начал валиться со стула.

Григорий Антонович перетащил его на диван, но Сергей вдруг напружинился и, оттолкнув отца, сказал совершенно осмысленно, твердо произнося каждый слог:

— В школе мне делать нечего... Не судьба нам с Веркой учиться... Мне теперь ничего не надо... Мама у нас скоро помрет... Вот когда ты ее доконаешь, тогда я тебя убью...

Он хотел еще что-то сказать, но судорожный спазм перехватил его горло. Сергей бился в руках Григория Антоновича, то обессиленно откидываясь на подушку, то вновь корчился, сотрясаемый мучительными спазмами.

Наконец он затих. Отирая мокрым полотенцем бледное до синевы Сережкино лицо и худую мальчишескую грудь, Григорий Антонович бормотал какие-то давно забытые слова:

— Ничего, серенький, ничего, потерпи... сейчас легче будет... спи, маленький, спи...

Тут он увидел жену. Мария лежала навзничь, запрокинув голову так же, как тогда, в больнице. И так же на голубом лице темнели фиолетовые губы.

— Маруся, худо тебе?! Я сейчас, ты потерпи, добегу до гаража, «Скорую» вызову!

— Не надо...— прошептала Мария.— Отлежусь... в буфете в вазочке нитроглицерин... скорее...

Он никак не мог грубыми своими, трясущимися пальцами ухватить крохотные крупинки... Сережка сказал: «Она ведь у нас скоро помрет...»

— Теперь... там же капли... грелку к ногам...

Он делал все, как положено, но флакончик с каплями прыгал в пальцах, звенел о край стакана... Кипяток фыркал, вырываясь вместе с паром из резинового жерла грелки.

Сережка сказал: «Вот когда ты ее доконаешь...»

Он присел подле Марии, взял холодные ее, вялые руки в свои, приник к ним, пытаясь отогреть дыханием.

И она помаленьку начала дышать все ровнее и спокойнее. Лицо оживало, голубизна отлила от щек, темнела только под глазами да вокруг рта.

— Маруся, слушай, что скажу...— Он склонился к ее лицу, словно боясь, что она может не услышать, не понять его.

— Сама знаешь, я тебе обещаний никогда не давал, прощение не раз просил, а слова не давал... А ты знаешь: слово мое твердое... Ты только скрепись, не дай болезни ходу, станет вам с Сережкой получше, я за мамой съезжу, ты не бойся, я уговорю ее, упрошу... она простит...

И тут фиолетовые Марусины губы тронула усмешка:

— Она-то простит...

— А ты?!

— Господи!— тяжело выдохнула Мария.— Разве во мне дело, Гриша? Дети...

— Маруся, мы Веруську рожать сюда заберем...— торопливо зашептал Григорий Антонович.— Захочет, пусть Леню своего сюда перетащит, он парнишка неплохой... Пущай Веруська учиться идет, а маленький ее для нас с тобой не обуза, знаешь... будем мы его нянчить... А за Сергея ты не бойся. Мой грех, мне исправлять...

— Иди к нему... не отходи... чтоб не случилось чего...

Сергей лежал скорчившись, поджав колени к груди. Григорий Антонович принес из прихожей теплый полушубок, положил поверх одеяла.

Сергей застонал, заметался, вцепился руками в руку отца. На миг открылись его мутные, налитые страхом и болью глаза:

— Папа!

— Я с тобой, я с тобой, сынок! Спи давай, я с тобой!— подтыкая сбившееся одеяло, шептал Григорий Антонович.

Он сидел, сгорбившись, у постели Сергея. Когда накатывала дремота, ему чудилось, что бежит он по тонкому, неокрепшему льду.

Сережка, укутанный в ватное одеяло, оттянул руки, бежать ему трудно и неудобно, но его гонит страх...

Успеет ли? Донесет ли? Не поздно ли?

РОДНОЕ

Свежестью и теплотой трогает читателя книга очерков Бориса Илешина «Река золотых зорь».

Думается, уже самое название книги выражает собою — и образно и очень точно — все, что постепенно возникает на ее страницах, словно в кадрах кинофильма. Это земля тамбовщины, жизнь лесостепного русского края,— нынешняя и давно минувшая, увиденная, как все живое, в своем единстве и цельности.

История отчизны, пусть даже и такого малого уголка России, предстает в очерковых зарисовках автора небудничной, полной хоть и неравнозначных, но тем не менее всегда любопытных открытий. Многими из них мы обязаны именно сердечности, душевной заинтересованности рассказчика. Его повествование избирательно: он говорит с нами лишь о том, что хорошо знает и любит сам, чем особенно дорожит. И читателю неизменно передается лирически-взволнованный глубинный настрой книги.

На мой взгляд, Б. Илешину наиболее удалась глава, знакомящая нас с пребыванием в «тамбовской глуши» гениев России — П. И. Чайковского и С. В. Рахманинова.

Жители Усова и Ивановки свято хранят память о тех днях. На берегу прудов в Ивановке так еще и до сих пор поднимаются побеги молодых ракит от корней старых посадок, которые были сделаны Сергеем Васильевичем...

Все, за что здесь ни брался композитор, он делал с большим увлечением; о музыке же и говорить нечего. «Были недели, когда буквально каждый день рождался романс». Иногда, в особенно счастливые дни, композитор писал даже и по нескольку сочинений...

А вот совсем малоизвестные уголки Тамбовщины: Вяжля, Мара... Сюда с молодой женой вскоре после декабрьских событий приехал на жительство Е. А. Баратынский, один из близких друзей Пушкина, поэт и мыслитель... Вот Инжавино, где когда-то было имение декабриста М. С. Лунина, погибшего в страшном Акатуйском заточении... Вот стариннейший Караул...

Но не будем забегать вперед читателя: он сам узнает и об этих и о многих других местах Тамбовской земли, богатой и старыми преданиями и свершениями людей революционной России, советских тружеников.

«Дорогие мои земляки»,— пишет о своих героях автор. И это сказано не для красного словца, сказано от души. Потому что все это — родное.

Борис Илешин. Река золотых зорь. М., «Советская Россия», 1974, 272 стр.

Н. ТОЛЧЕНОВА

ЦИМЛЯНСКИЕ РОДНИКИ

Михаил
АНДРИАСОВ.

Фото
Н. КОЗЛОВСКОГО,
специальные
корреспонденты
«Огонька»

1

Над Цимлянским морем глухо перекатывался гром. Молнии то и дело вспарывали низко нависшие свинцовые тучи. Северный ветер с силой гнал их на юг.

Пологий берег, густо поросший травой. Небольшой лесок. Мы стоим у самого моря с председателем колхоза имени Ленина Валентином Иосифовичем Ковериным. Шумят деревья, и их громкий шелест сливается с шумом падающих на берег волн. Они широко разливаются по траве, а трава такая чистая и такая густая, что не сразу и увидишь под ногами тихо журчащую воду.

— Валентин Иосифович,— стараясь перекричать порывы ветра, обращаюсь я к Коверину и уже чувствую наивность своего вопроса.— Мы не пересекли границы колхоза? Скажите, это ваша земля?

Коверин отвечает в своей обычной манере, я не слышу ответа, а скорее угадываю по выражению его губ, по едва заметной улыбке.

Я знаю, чему он улыбается. Сдержанный, немногословный, внешне всегда спокойный, он вместе с тем всегда собран, готов к любому вопросу. Мне даже кажется, что его спокойствие имеет свой глубокий смысл,— жизнь щедро провела Валентина Иосифовича по нелегким трудовым дорогам, нагрузила житейским опытом, научила понимать людей, работать с ними, оберегать их.

— Значит, ваш колхоз на берегу Цимлянского моря?!

— Я бы сказал: на берегах,— уточняет Коверин.— Море омывает нас с трех сторон.

А над нами все тот же перекатный грохот грома и пляска молний.

В прошлое лето над цимлянскими землями долго висело моросящее небо и в страдную пору непрерывно шли дожди. Уборка затянулась, на многих участках хлеба полегли и кое-где стали прорастать. Уже наступил октябрь, а тяжелые машины из колхоза имени Ленина, груженные зерном, все еще бежали к элеватору. Уборка пшеницы на Дону в октябре — явление редчайшее. И вместе с тем урожай был собран небывалый. Его спасли люди — дружные, безотказные в работе, люди чести и дисциплины. Конечно, сказалось и то, что в хозяйстве с годами прошли через суровые испытания и закалились в них механизаторы, агрономы, зоотехники, бригадиры, которые в сельском хозяйстве всегда и решают успех дела. Ведут людей на преодоление трудностей коммунисты во главе с секретарем парткома колхоза Александром Яковлевичем Исаевым.

Вспомнив прошлогодние дожди и увидев надвигающуюся грозу, я невольно подумал: а не придется ли колхозу имени Ленина вновь преодолевать трудности?

— Кто знает, от них пока гарантий нет,— ответил Коверин.— Вчера над соседним районом ударил ливень, а у нас и капля не упала. Во всяком случае, мы учли прошлогодний опыт. Да и в райкоме в этом году об урожае раньше начали заботиться.

2

Накануне беседы с Ковериным я был в районном центре, где встретился с первым секретарем Цимлянского райкома партии Александром Сергеевичем Полуяном. Это сравнительно еще молодой человек с энергичным, волевым лицом. Мы знаем друг друга несколько лет. Александр Сергеевич раньше работал в Ростовском обкоме партии.

Вспомнился прошлогодний разговор с Полуяном. В ту пору он только начинал работать первым секретарем, осваивал район. Мы тогда вместе побывали в некоторых хозяйствах, знакомились с людьми, вникали в заботы района. В колхозе имени Ленина погода устраивала Коверину и его хозяйству испытание за испытанием. Но люди выдерживали их. Работали так, чтобы взять весь хлеб.

Прошел год. Чувствовалось, что Полуян хорошо узнал район, руководителей и многих рядовых тружеников, свободно ориентируется в том, что происходит, и ясно видит ближайшие перспективы района.

— Жизнь идет на таком накале,— говорит Александр Сергеевич,— что сегодня работать, как вчера,—значит сознательно планировать отставание. Своими глазами видишь, как много полезного принесло сельскому хозяйству осуществление политики нашей партии. Особенно в последние годы. Произошло организационно-хозяйственное укрепление колхозов и совхозов. Значительно улучшились материальные и социальные условия жизни в наших станицах и хуторах. Коренным образом меняется сам характер сельскохозяйственного труда. Неуклонно растут материальное благосостояние, сельская культура. Приведу один пример: нынешняя боевая задача нашей Цимлянской районной партийной организации — перевод животноводства на промышленную основу. Строительство кормоцехов. Автоматизация. Мы планируем строительство откормочного комплекса крупного рогатого скота на двадцать тысяч голов. Там будут механизированы все процессы. В будущем году возведем комплекс по выращиванию первотелок. Намного увеличим производство мяса, молока...

Александр Сергеевич поименно называет тех, кто выходит на новые рубежи, определяет сроки, приводит количество запланированных привесов, говорит о том, что уже орошается четвертая часть всей земли района и работа эта продолжается... Он говорит убежденно, слова подкрепляет продуманными расчетами, документами, реальными фактами.

В его рассказе правда: еще несколько лет назад в Цимлянском районе с каждого гектара собирали по семь-восемь центнеров зерна, а в 1973 году взяли по двадцать пять.

...Хлеба на Дону нынче выдались очень добрые. Говорят, раз на раз не приходится, а вот, будто опровергая это давнее утверждение, на Дону вызрел еще один небывалый урожай,

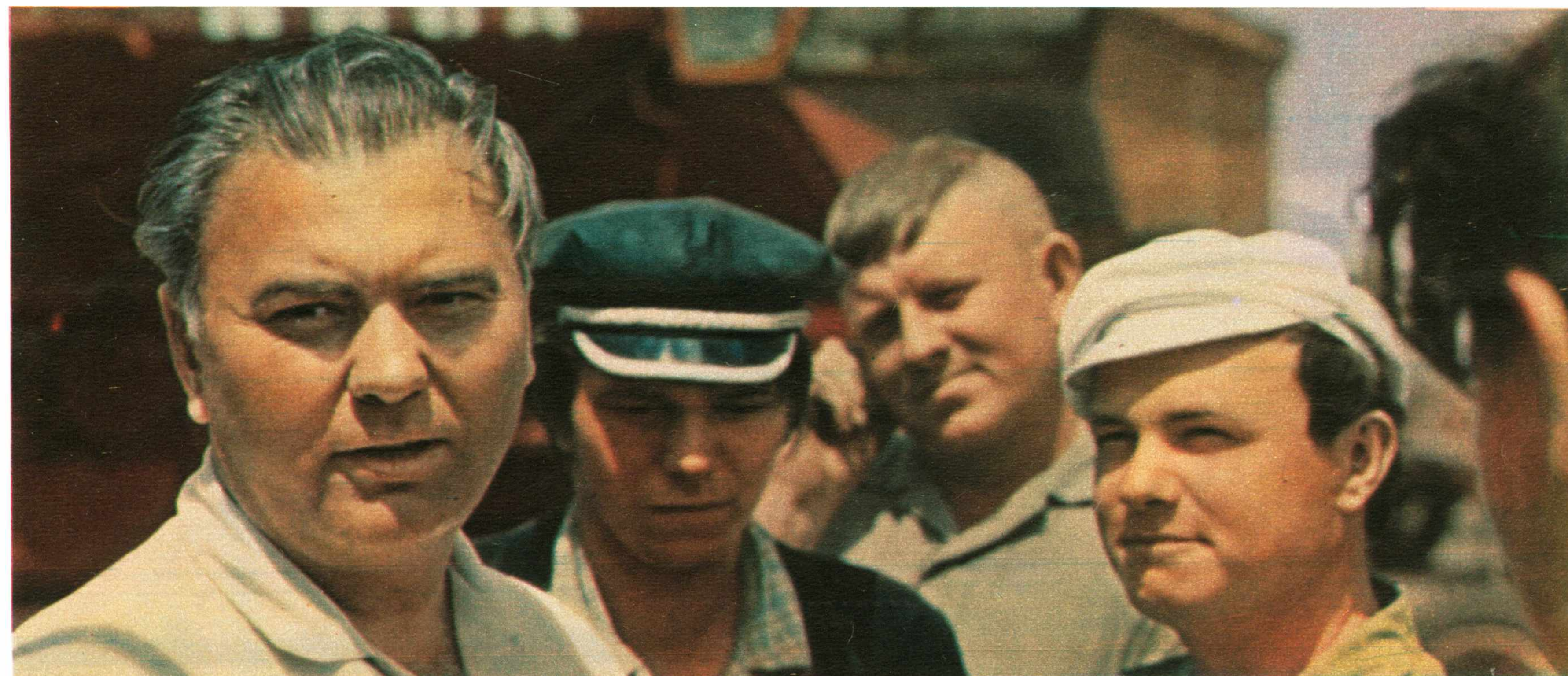
Бронзовые кони Волго-Дона.

Первый секретарь Цимлянского райкома партии А. С. Полуян беседует с механизаторами.

Горячая пора!

НА РАЗВОРОТЕ ВКЛАДКИ:

Цимлянские доярки.

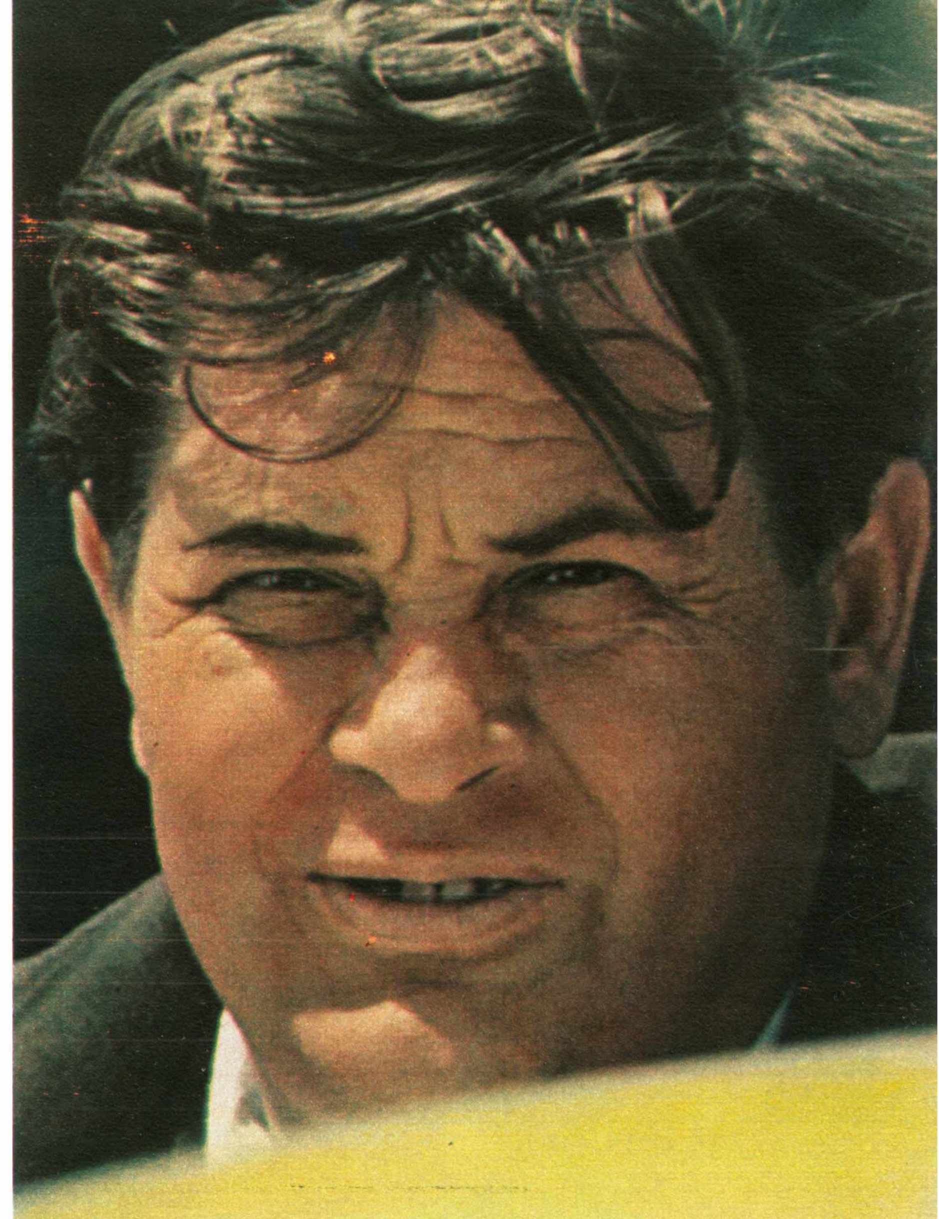

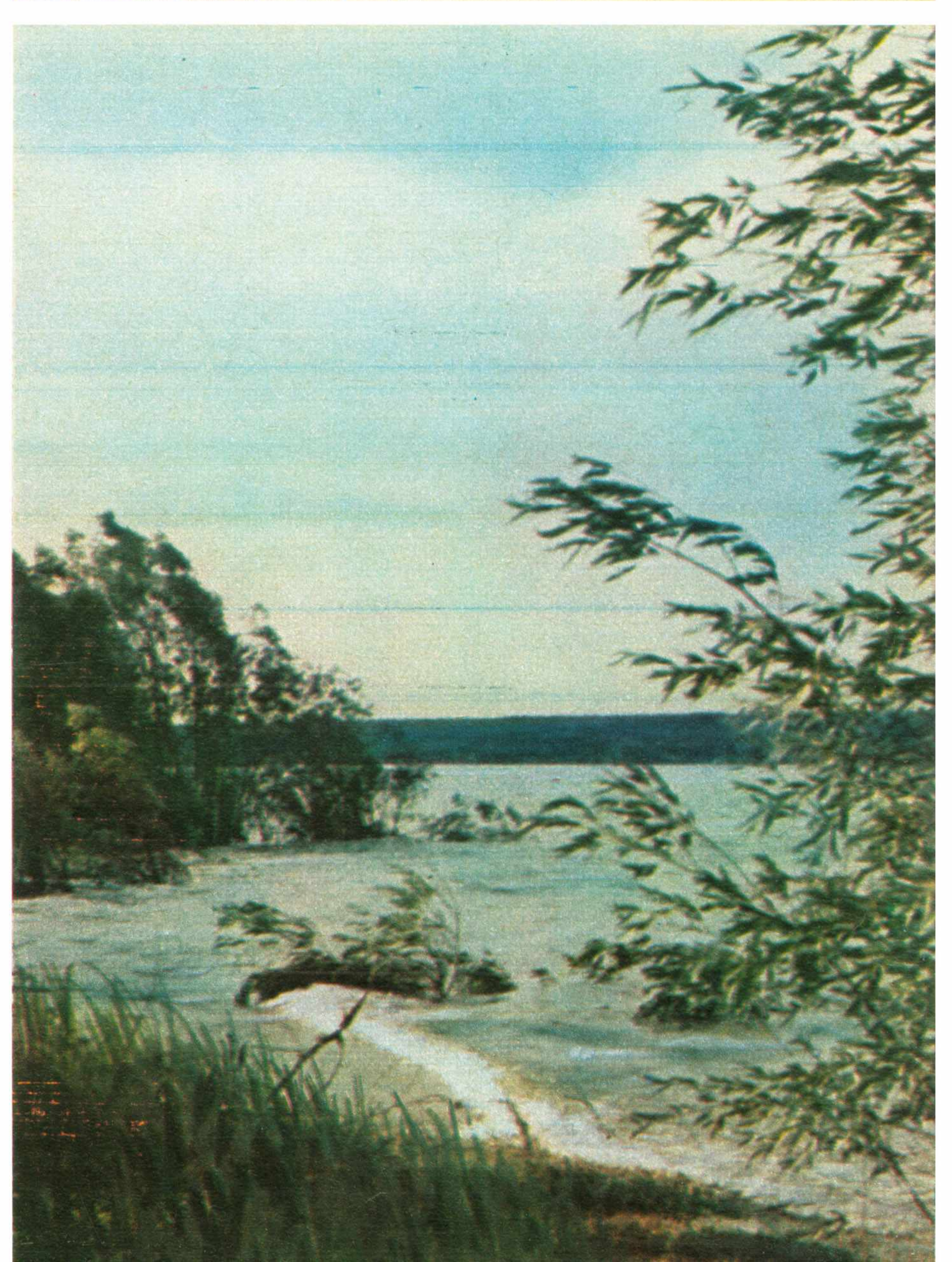

как говорится, впритык идущий за небывалым прошлогодним...

Естественно, напрашивался вопрос, и я спросил:

— Должно быть, нелегко встречать такой урожай, Александр Сергеевич? Как готовитесь к нему?

— Опытный хлебороб так говорит: «Как подготовишься, так и уберешь»,— ответил Полуян.— Лучше не скажешь. В подготовке к страде — половина успеха дела. Сама жизнь научила. У нас в районе создан специальный штаб по подготовке к жатве. Начальник штаба Иван Митрофанович Строганов — начальник управления сельского хозяйства Цимлянского райисполкома. Вот перед этим штабом все хозяйства и рассказывают, как они выйдут в поле за хлебом.

...Когда мы вошли в кабинет Строганова, отчитывался Валентин Иосифович Коверин. Тут уже были знакомые нам главный инженер колхоза Борис Пантелеевич Поляков, главный агроном Валентин Александрович Сосов.

Те, кто отчитывался и кто руководил штабом, великолепно знали друг друга не один год. Может быть, им приходилось вместе встречаться на рыбалке, сиживать за шахматной доской, бывать в гостях за семейным столом... Здесь же царила серьезная, деловая, по-хорошему официальная обстановка.

— Нашему хозяйству,— докладывал Коверин,— предстоит убрать урожай с шести тысяч ста пятидесяти гектаров колосовых и тысячу двести гектаров кукурузы на силос. Государству продадим восемьдесят две тысячи центнеров хлеба, тридцать тысяч центнеров подсолнечника. Колхоз имеет мощную технику. Хлеб будем убирать комплексно.

— Сколько хлеба полагаете взять с каждого гектара? — спрашивает начальник штаба.

Час дойки.

Председатель колхоза имени Ленина В. И. Коверин.

Заведующая фермой К. Ф. Ковалева.

Голубой разлив Цимлы.

— Возьмем не менее тридцати центнеров зерновых.

— За какое время рассчитываете закончить уборку?

— За десять — двенадцать рабочих дней.

— А как с общественным питанием на полевых станах?

— Все подготовлено. Думаем, перебоев не будет. Только одна просьба. Выделите нам для полевых станов десять десятилитровых термосов и сто эмалированных кружек. От стаканов мы отказались. На уборке они не годятся. Бьются.

Главный инженер районного управления сельского хозяйства Василий Андреевич Редичкин адресует свои вопросы главному инженеру колхоза Полякову:

— Сколько комбайнов, Борис Пантелеевич, выйдет на жатву?

— Двадцать семь. Из них три новых «Нивы».

— Жаток?

— Семнадцать.

— Огнетушителями обеспечены?

— Полностью.

Штаб интересуется малейшими деталями уборки. На страде нет мелочей. Надо все предусмотреть.

— Приспособления для подъема валков в порядке?

— Полностью.

— У меня вопросов нет,— заключает Редичкин.

— А у меня к вам, Валентин Иосифович, есть вопрос.— Начальник штаба обращается к Коверину.— В прошлом году в вашем колхозе отличился механизатор Ященко...

— Илья Тимофеевич?

— Да. Он один работал на двух комбайнах. С двумя штурвальными. В эту уборку он тоже выйдет на двух машинах?

— А как же?! Говорит, обойдет прошлогоднюю выработку. А тогда он в районе был первым.

— Какая помощь требуется от нас?

— Очень нужны два комплекта поршневой группы на двигатель «СМД-14».

— Поможем.

...Штаб уборки. Здесь во многом решается судьба страды в одном из крупных районов Дона. Лаконичные слова, серьезная проверка, по существу говоря, объявление готовности номер один. Мне припомнилась большая, содержательная статья в районной газете «Ленинец», опубликованная в эти дни,— «Главная забота коммунистов». В ней подробно рассказывалось о плане организаторской и массово-политической работы парткома колхоза на уборке урожая. Автором ее был секретарь парткома Александр Яковлевич Исаев — беспокойный, неутомимый человек, выпускник Высшей партийной школы.

...Уже когда уходили из штаба, Строганов задержал Коверина:

— Забыл спросить, Валентин Иосифович, как с заготовкой сена?

— За четыре дня наши механизаторы скосили 165 гектаров.

3

Нежаркое, солнечное утро. Над степью сладковато-душистый аромат люцерны. Идет сенокос. Мы на участке второго отделения колхоза. Коверин знакомит нас с управляющим отделения, потомственным казаком, коммунистом Иваном Федоровичем Красноперовым.

По тому, как слаженно действуют люди, по трудовому ритму, когда в движениях угадывается продуманная быстрота, понимаешь: сегодня здесь одно из самых боевых мест.

— Косят люцерну два зерновых комбайна «СК-4»,— говорит Иван Федорович.— Комбайнеры Миша Василенко и Коля Песков, хотя и молодые, но работают, я вам скажу — душа радуется. Каждый скашивает жаткой «ЖВН-6» за смену до двадцати пяти гектаров...

Иван Федорович, чуть прищурившись, вглядывается в степь и продолжает:

— Вон, видите, подборщик собирает сено в копны. Его тянет трактор, там за рулем тоже молодой механизатор Витя Карлов. Но дни у нас такие жаркие, что и старикам не сидится дома. Отсюда лица не разглядишь, видите, человек раскладывает сено? Это наш пенсионер Федор Алексеевич Горячев. В такое утро, говорит дед, только и молодеть на косовице. От сладкого степного духа одно омоложение происходит...

Оглядываешь прибрежную цимлянскую степь насколько глаза видят, и повсюду рядом с колхозниками — техника. За рулем стогометателя Василий Иванович Ершов. Он перекладывает на тележку, переоборудованную под большую арбу, три с половиной тонны сена. Гусеничный трактор, которым управляет молодой коммунист Василий Ромашков, везет тележку на ферму.

Машина за машиной... Идут корма, заготовленные на зиму. Вслед за Ромашковым на дорогу выезжает со своим душистым грузом шофер Саша Александров. А навстречу им ведет пустую машину уже разгрузившийся Леонид Быстров.

— Обласканная и ухоженная земля не обидит человека.— У Красноперова негромкий, певучий казачий говорок.— Это сено уберем и, считай, до осени еще два укоса сделаем. Точно.

4

Когда Клара Федоровна Ковалева, темноволосая, со светло-карими глазами, появляется на молочнотоварной ферме первого отделения, доярки оживленно говорят:

— Мать пришла...

А мать ненамного старше тех, кто так ее встречает; иные из них и вовсе ровесницы Ковалевой. Клара Федоровна заведует фермой. Руководители колхоза называют ее бригадиром, доярки же запросто говорят — Федоровна.

Двадцать третий год работает Федоровна на ферме. Каждый день, и летом и зимой, в четыре утра выходит из дому и возвращается в шесть-семь вечера. У нее семья: муж Николай Корнеевич, ветеринарный врач, коммунист, двое детей — школьники Геннадий и Лена.

— Она на ферме самый главный человек. Душевная, с терпением,— говорят доярки о бригадире.— Она поругает, коль заслужишь, она и похвалит за доброе. Больше всего мы любим ее за то, что Федоровна учит и словом и делом. Случится, людей не хватает или кто заболел, Федоровна засучит рукава — и сама доярка. До электродойки уже работала зоотехником да брала на себя пятнадцать — двадцать коров. А ну, подои их вручную... Сколько раз, бывало, хворая на ферму приходила, так мы ее силком домой отведем и, чтобы подсобить ей посильнее лекарства, молока в такой день еще больше надаиваем. Тут у нее хворость как рукой снимает...

Восемнадцатилетняя Клара пришла на ферму в 1952 году, после окончания Константиновского сельскохозяйственного техникума. Есть такой казачий городок на Дону. Пришла зоотехником. Поначалу трудно приобреталась на практике нелегкая профессия. Больно переживала неудачи, но не отступала. Соберет все свои силы в узел, и глядишь — куда те трудности девались?! Случались на работе и смешные истории, когда тому зоотехнику лучше было бы быть мужчиной...

Я не прибавлю Кларе Федоровне заслуг, если скажу, что Ковалева с годами сколотила ферму: и людей надежных собрала и труд доярок облегчила механической дойкой.

На ферме царство женщин. И это сказывается на необычайной трудовой добросовестности, на уважении и взаимной взыскательности друг к другу, на бережном, аккуратном, именно женском обращении с тысячетонной рекой колхозного молока...

Вы бы побывали на базу фермы и поглядели, как перед закатом солнца казачки встречают идущих с пастбища, степенно вышагивающих коров красностепной породы.

Каждая узнает свою доярку и торопится именно к ней.

— Фиалка, ты пришла, моя милая,— этими словами встречает свою подопечную одна из лучших колхозниц, коммунистка Таисия Ерофеева. У нее, как и у каждой доярки, двадцать две коровы.

В вечерний час на базу только и слышно: Булочка, Зоренька, Девочка, Ласточка... Впрочем, есть имена и менее ласковые: Хмурая, Буйная, Заноза... Кто какие заслужил.

Фиалка торопится в клеть, к станку, хочет поскорее избавиться от тяжести молока. И вот уже пошло, побежало по шлангам пахучее парное молоко. А к клети подходят, останавливаются в ожидании своего череда остальные буренушки Ерофеевой. И так возле каждой доярки. На ферме четыреста дойных коров, а в колхозе их около тысячи.

Сколько же молока дают фермы?

В 1966 году дали тысячу тонн, в прошлом году — тысячу восемьсот. Надой почти удвоился. Наибольшего надоя добились доярки Таисия Григорьевна Ерофеева, Валентина Ивановна Сиволобова, Антонина Михайловна Орлова... Сиволобова — кандидат в члены Цимлянского райкома партии. Весь район взял обязательство довести средний надой в этом году на каждую корову до 2 200 килограммов. Обязательство Ерофеевой — три тысячи.

Хорошо сказал о Кларе Федоровне главный зоотехник колхоза, заместитель секретаря парткома, ветеран Великой Отечественной войны Андрей Кириллович Пужаев:

— Тот, кто работает на ферме Ковалевой, проходит очень хороший экзамен в жизни. Многие выдержали этот экзамен и стали мастерами своего дела. Даже семьями трудятся. Скажем, Иван Кучкин — передовой скотник, а жена Ольга — одна из лучших доярок. Или Иван Афанасьевич Носиков — скотник, жена его Фекла — телятница. Цыганке Рае Ромащенко семнадцать лет. Ее матери Валентине Ивановне тридцать пять. Обе доярки. Три сестры — Юлия Лутенкова, Галина Сосова и Нина Валеева — тоже доярки. На ферме трудятся Юлия Покусаева и ее дочь Валентина. А из сестер Деминых — Мария и Раиса. Пожалуй,

Раиса поначалу не выдержала экзамена. Пришлось ей уходить. Отправилась в город на завод. А потом вернулась. Сказала: «Буду трудиться здесь, как другие женщины».

— О Ковалевой много говорить не надо,— замечает Коверин.— Федоровна — государственный человек. Интересы государства — ее первая забота.

Коверин, конечно, прав. Так думают все жители хутора Крутого, где живет Ковалева. Это они, колхозники Крутого, избрали Клару Федоровну депутатом Цимлянского районного Совета депутатов трудящихся.

А государственный человек, великолепно ведущий дела на доверенной ей ферме, столь же коротко и даже как-то ласково и задушевно говорит о тех, с кем трудится:

— Люди у меня хорошие.

Не зря доярки называют ее матерью...

5

За трехлетнее знакомство мое с Ковериным я обратил внимание на одно обстоятельство: когда председателю надо сопоставить годы минувшие и годы нынешние, Валентин Иосифович обычно отталкивается от 1966 года. Это можно понять: именно в этом году он принял колхоз.

В шестьдесят шестом году колхоз сдал государству двести тридцать тонн мяса, в семьдесят третьем — четыреста восемьдесят. О молоке мы уже говорили. В шестьдесят шестом продали стране сто тридцать тысяч штук яиц, в семьдесят третьем — двенадцать миллионов триста тысяч. Восемь лет назад было двенадцать грузовых машин и одна легковая... Сейчас двадцать четыре грузовых и четыре легковых.

Ныне в хозяйстве 2 730 свиней. Среднесуточный привес — 482 грамма. Отличный показатель. Крупного рогатого скота 3 240 голов. Та же земля — четырнадцать тысяч гектаров. Людей не прибавилось, а колхоз уверенно идет в гору.

— Машины, машины — вот наша опора,— заключает беседу Коверин.— Машины входят во все отрасли колхоза. Техника. Орошение. Это и есть интенсификация сельского хозяйства. Труд облегчается с каждым годом, с каждой весной, с каждым летом... Растут наши накопления. Чистый доход колхоза в семьдесят втором году составил 760 тысяч рублей, в семьдесят третьем — 900 тысяч, а за одно лишь первое полугодие семьдесят четвертого уже перевалил за восемьсот тысяч... Это и есть движение нашей жизни. Но все это мы считаем началом. Впереди — большая дорога, нелегкие, но очень зовущие дела...

Дорогу, оставшуюся за спиной колхоза, Валентин Иосифович называет началом. Что ж, начало светлое... Колхозники хозяйства, о котором мы ведем речь, живут на хуторе Крутом и в двух станицах — Хорошевской и Красноярской. Обновляются станицы, меняется облик хутора. Построены три новые школы. Воздвигается над степью Дом культуры. Славится казачий хор, в котором поют и молодежь и старики. Духовой оркестр. Драматический и танцевальный кружки.

...Мне, наверное, не удалось рассказать о всей полнокровной жизни колхоза. Она, как ключевые цимлянские родники, бьется в каждом сердце. Я ни слова не сказал о виноградных плантациях, щедро раскинувшихся на берегах Цимлянского моря. Колхоз продает свой виноград знаменитому Цимлянскому винзаводу, чье искрометное игристое известно всему миру. Еще Александр Сергеевич Пушкин писал в «Евгении Онегине»: «...Да вот в бутылке засмоленой, между жарким и блан-манже, цимлянское несут уже...»

О Цимлянском винзаводе я рассказывал в «Огоньке» год назад. Главный инженер завода Георгий Корнеевич Калустов недавно показал мне пачку писем — читательских откликов, адресованных заводу. Исключительный интерес представляет письмо, полученное из Краснодара от пенсионера Бориса Петровича Черинцкого. Он прочитал очерк «Цимлянское, игристое» и прислал хранившуюся в его архиве страницу из журнала «Огонек», вышедшего в свет в... 1927 году — сорок семь лет назад. В журнале был опубликован очерк «Вино цимлянское». Внизу подпись: «Ник. Погодин». Очень примечательные строки.

Выдающийся советский писатель Николай Федорович Погодин, тогда двадцатисемилетний журналист, так начинал свой рассказ:

«Кто о чем... это так всегда. Под Москвой, по волоколамским деревням, самое важное — пряжа. Разговоры о пряже здесь самые волнующие, интересные и глубокие. В Армении каналы, вода — самый большой вопрос. Под Сталинградом — арбуз...»

В каждом абзаце Николая Погодина дыхание теперь уже далеких лет — первых лет Советской власти. Тогда плохо была организована государственная торговля цимлянским вином, которое давили сами донские казаки, и один из жителей Цимлянской станицы в повышенном тоне жалуется автору очерка:

«— А почему наше вино не признают?.. Почему нашему вину нет ходу и выходу?

Он начнет раздраженно жестикулировать:

— Наше цимлянское вино — с незапамятных времен известное, знаменитое... Да, да, товарищ, не шути. В прежние времена за границу наше вино отправлялось, а теперь...— разведет руками и грустно выругается: — Чертова работа.

— Почему ругаешься, дядя?

— Нету ходу и выходу, говорю.

И добавит он таким тоном, как будто навязали ему трудную, непосильную обузу:

— Сами пьем.

Вздохнет.

— Жалко, а пьем.

Что вино цимлянское — знаменитое, это правда. И что нет ему «ходу и выходу» — тоже правда. Не стало на это вино заготовителя. Ждут, ждут казаки его и, ожидая, пьют вино свое. Так и попьют все за зиму, а заготовителя нет.

Мой приятель, старик винодел, за зиму 40 ведер выпил. Другие больше выпивают. Так вечерком соберутся побеседовать и за беседой ведерко выпьют. Ковшиком. Это в зависимости от содержания беседы. Если беседа интересная и искренняя, то можно выпить, говорят, вчетвером ведра четыре. И никаких недоразумений не бывает при этом, потому что казаки пьют смирно, а главное, не пьянеют...

— Да, братец,— говорят казаки,— пьем. Надо же опорожнить посуду к следующему лету».

Далее Николай Погодин пишет:

«— Рассудишь — они правы. Заготовителей не стало, потому что вино цимлянское по качеству выше других вин, себестоимость себе дороже...

Сидит, сидит целое лето казак на винограднике, птицу гоняет, опрыскивает виноград, деньги тратит, кропотливо ухаживает за садом, малярией болеет. Соберет виноград, надавит вина... а потом что? Пить?.. Опорожнять посуду к будущему сезону?

— Чижолая картина, дорогой товарищ, очень чижолая...

Поглядит казак на свой сад.

— Мы уж правительству бы, што ли, бумагу хотели писать, да вроде неудобно... Скажут — с чем лезете, с вином... А для нас это самое главное дело...»

Интересные строки. Давно уже производство и продажа цимлянского вина поставлены на государственные рельсы, и спрос на Цимлянское игристое в наши дни столь велик, что удовлетворить его нет возможности.

Но мы несколько отклонились от главной темы. Вернемся к ней. Нынешние цимлянские казаки прочтут строки: «Сидит, сидит целое лето казак на винограднике, птицу гоняет...» — и улыбнутся, дескать, нынче некогда казаку сидеть целое лето.

Цимлянские казаки теперь в большом трудовом походе, я бы сказал, в дружном мирном наступлении. А впереди — гвардейцы, колхозники, награжденные орденами, и среди них из колхоза имени Ленина: Клара Федоровна Ковалева и Валентин Иосифович Коверин, награжденные орденами Ленина, бывший башенный стрелок танка Андрей Кириллович Пужаев, награжденный на войне орденом Красной Звезды, а в мирные дни — орденом Октябрьской Революции, механизатор Изосим Тарасов — орденом Октябрьской Революции, Анна Дмитриевна Ерофеева, проработавшая 25 лет дояркой,— орденами Трудового Красного Знамени и «Знак Почета», телятница Александра Давыдовна Ерофеева, доярка Таисия Григорьевна Ерофеева, комбайнер Илья Тимофеевич Ященко, работающий на двух комбайнах, и тракторист Владимир Иванович Филимонов — орденами Трудового Красного Знамени, доярка Антонина Михайловна Орлова и тракторист Николай Ефимович Вилков — орденами «Знак Почета».

Подобно капитану, далеко видящему впереди морские просторы, уверенно ведет колхоз агроном, выпускник Московской сельскохозяйственной академии имени К. А. Тимирязева, коммунист Валентин Коверин.

...Шумят на цимлянских берегах буйные хлеба. Гвардейцы Коверина на жатве. На жатве вся хлеборобная Донщина. Чтобы поднять гигантский донской каравай семьдесят четвертого, на помощь людям на ростовские поля вышли семнадцать тысяч комбайнов.

С ЛЮБОВЬЮ К РОССИИ

Новый сборник очерков писателя Юрия Грибова, вышедший в библиотечке «Писатель и время», с удовольствием прочтут многие. Его отличают живой язык, меткие характеристики, широта кругозора автора и его умение доверительно говорить о насущных нуждах села, неистощимый юмор.

Читать Ю. Грибова всегда интересно. С ним и посмеешься, и взгрустнешь где-то (вот вместе с секретарем райкома Ольгой Ивановной Чуриловой мы смотрим, как сносят ее родное, но обветшавшее уже Притыкино), и налюбуешься красотой родной земли, земли единственной, неповторимой — русского сельского приволья...

Поэтичные строки, тонкий лиризм хорошо сочетаются с деловой публицистикой, ритмом документального рассказа, в котором автор предельно точен и сдержан.

Труд пахаря, животновода, кормозаготовителя, доярки — труд ох какой нелегкий, и автор не пытается прикрыть эту реальность бодряческой фразой, плакатной интонацией. Но без этой трудной деревенской работы нет урожая, нет человека, нет хозяина земли,— это и его гражданская обязанность, и призвание, и радость душевная.

Не только посмотреть, «как молочко-то дается, пока до городской бутылки дойдет», приглашает нас автор очерков. Читающий книгу незримо присутствует рядом, когда писатель ходит по полям, трогает колосья пшеницы, разговаривает на фермах с доярками, сидит на колхозном собрании,— читатель **думает** вместе с автором, и это самое важное.

А на селе есть над чем думать и что решать — жизнь не скупа на проблемы, возникающие на современном этапе развития социалистической деревни, причем среди них проблемы зачастую, по старым понятиям, чисто «городские» — современное жилищное строительство, вопросы общественного питания, охраны материнства, организации колхозных сберкасс и т. п.

В первых рядах тех, кто решает эти проблемы сегодняшней колхозной деревни, люди действия, борьбы, такие, как секретарь райкома Чурилова, библиотекарь Анна Белоглазова, председатели Василий Белов, Павел Столбунов, Валентин Шалыгин, колхозный активист Егор Антонович, комбайнер Углов и другие. Связь человека с землей, родными местами, осознание им величия и необходимости своего крестьянского дела — вот что умеет выявить в своих героях Юрий Грибов.

«Двадцать лет председательствую,— говорит Павел Столбунов из колхоза «Чистые пруды»,— а перед уборкой тушуюсь, как первоклассник». Это признание-клятва: такие, как Столбунов, не могут относиться к труду безответственно, без внутреннего огонька. Труд людей на земле возвращается к ним сторицей. «Лето будет хлебным»,— думает в конце книги Шалыгин. И дальше автор произносит ключевые фразы, раскрывающие смысл борьбы за урожай: «Он задумчиво посмотрел влево, где между домами простиралось поле, чернеющее широкими штабелями торфа. Он, наверное, уже видел тот летний хлеб. И все, связанное с хлебом, видел».

Светлую, душевную книгу о людях — тружениках полей и ферм написал Юрий Грибов.

Ю. НОВИКОВ

Юрий Грибов. Пора зарниц и облаков. М., «Советская Россия», 1973, 126 стр.

Николай ПАСТУХОВ,
специальный корреспондент
«Огонька»

Фото автора.

ТРЕВОГИ И НАДЕЖДЫ АНГЛИИ

ФЛИТ-СТРИТ И ТВ

Небольшой квартал в лондонском районе Флит-стрит по праву считается столицей могущественной газетной империи, центром пропагандистской кухни английской буржуазии. Здесь, тесно прижавшись друг к другу, расположились редакции и типографии таких газет, как «Дейли миррор», «Дейли мейл», «Дейли экспресс», «Дейли телеграф», «Таймс», «Сан», «Ньюс оф уорлд», «Обсервер», «Гардиан», «Файнэншл таймс».

Будучи полностью коммерческими предприятиями, они конкурируют между собой, пожирают одна другую, попадают под контроль более сильного синдиката. 25 тысяч английских журналистов находятся на службе у Флит-стрита. Беседы со многими из них вызывали у меня удивление. Более или менее правильно оценивают внутренние и международные события, любят Англию и ненавидят Сити. Почему же, спрашиваю их, вы об этом не пишете? Они отвечали, что являются в газетах такой же наемной силой, как и рабочие на фабрике. Политику, направление газеты определяет ее владелец. Даже главный редактор является немым исполнителем его воли. Происходит парадокс: большинство журналистов, работающих в газете, мыслит прогрессивно, а сама газета выражает правые, реакционные взгляды.

По степени насыщенности читательского рынка Англия занимает первое место в капиталистическом мире. До десятков страниц доходит объем английских газет. Заполнены они рекламой, различными объявлениями, хитроумными подборками читательских писем, создающими видимость общественного мнения, различного рода происшествиями (убийства, грабежи, авиа- и автокатастрофы), сообщениями о разводах и свадьбах звезд кино, спорта, джаза и важных персон. Внутренние и международные материалы преподносятся в тенденциозном изложении. Все это делается тонко, продуманно, чтобы разжечь в читателях дух мещанства, аполитичности.

Как-то депутат палаты общин Д. Томпсон довольно образно высказал свое недоумение по поводу стиля английской печати. «Меня всегда ставит в тупик,— сказал он,— почему одно какое-нибудь убийство вызывает столь интенсивный интерес прессы и занимает такую большую площадь на газетных полосах иногда на протяжении нескольких недель, в то время как проблема массового убийства, таящая угрозу третьей мировой войны, привлекает столь незначительное внимание газет».

Широкое развитие английского цветного телевидения принесло кровь почти в каждую семью: весь вечер до глубокой ночи на экране показываются убийства, убийства и убийства...

Что может чувствовать человек, когда ему в течение пяти-шести минут показывают предсмертную агонию старика, истекающего кровью? Рядом стоят молодые мужчина и женщина, спокойно взирая на происходящее. Молодая пара отходит от трупа. И вдруг мужчина бросается на свою спутницу, начинает ее душить. Эта сцена со всеми ее садистскими подробностями проходит в кадре почти десять минут...

В Лондоне, как свидетельствует статистика, все большее число людей заболевает шизофренией и истерией. Особенно страдают беременные женщины и молодые матери: им все время чудятся кошмары, охватывает страх. Многие попадают в дома для душевнобольных. А когда подрастают их дети, то они сами становятся мишенью цветного телевизора. «Черная овечка» — кинокартина для детей младшего возраста. Мачеха издевается над малышом Максом на протяжении всего фильма, обманывает его, избивает, устраивает изуверские пытки. И из открытого, всеми любимого малыша Макс превращается в надломленного, ослепшего девятилетнего старика. Детский фильм «Смерть в пятнадцать лет» посвящен самоубийствам среди подростков. Мне рассказывали в Лондоне, что девочка, которая снималась в этом фильме, покончила с собой. Но всеобщее негодование вызвал фильм, в котором давалась практическая инструкция, как в течение 10 минут изготовить самодельную бомбу!

Большинство этих передач ведется по каналу частного телевидения. Мало отличаются от них и передачи по двум другим каналам — официального телевидения Би-би-си.

Газеты, телевидение, кино, зрелищные предприятия в последнее время стали подвергаться более строгой цензуре, которая препятствует проникновению порнографии, захлестнувшей многие страны Западной Европы, Северной и Латинской Америки. Английская общественность горячо одобряет действия цензуры. Как-то цензура взяла на инспекцию 238 журналов, ввозимых в страну, признала непристойными 146 журналов, конфисковав их тиражи. В число непристойных попали такие журналы, как «Пентхауз», «Мэйфэйр», «Клаб интернэшнл», «Форум», «Нью Даэрекшн» и другие.

Но вернемся на Флит-стрит. История этого газетного царства, тесно связанного с политикой и бизнесом, знает немало темных дел, заканчивавшихся крупными скандалами. Финал одного из них разыгрался на моих глазах.

Все началось в канун недавних досрочных парламентских выборов с анонимного телефонного звонка в редакцию газеты «Гардиан». Неизвестный сообщил, что сотрудница главного аппарата лейбористской партии «вкладывает деньги в спекулятивные земельные сделки» якобы с согласия лидера партии. Как ни заманчива была информация, «Гардиан» все же решила провести проверку — этим занялся ее лучший репортер. Факт не подтвердился.

Но аноним не складывал оружия. Через некоторое время он позвонил в редакцию «Дейли мейл». К прежнему сообщению добавил, что в качестве доказательства имеет письмо, якобы подписанное лично Гарольдом Вильсоном. И газета клюнула, пригласив анонима в редакцию. Им оказался агент по страхованию земельной собственности Рональд Миленч. Не проводя никакого расследования, газета пустила сплетню на свои полосы. Произошел скандал, расследованием которого занялся Скотланд-Ярд. Было установлено, что и «письмо» и «подпись» — чистейшая подделка. Газете «Дейли мейл» предъявили иск, а Рональда Миленча арестовали. Стало ясно, что маклер — подставная фигура в политической борьбе между тори и лейбористами.

Но что собой представляет сам Рональд Миленч? Длинноволосый 38-летний маклер сумел на спекулятивных махинациях сколотить кругленькую сумму, приобрел роскошный дом в районе Уэст-энда. Днем — маклерство и тотализатор на скачках, ночью — притоны Сохо, во время уикендов — катание на водных лыжах по озеру Чейсуотер, дома — «а-ля фуршет», деловые ужины и рауты в собственной сауне (финская баня). Инициатива его не знает пределов. В начале этого года он страхует жизнь своей супруги Кэтлин на сумму 40 тысяч фунтов, а через некоторое время его автомашина, в которой сидела Кэтлин, влетает в озеро Чейсуотер. Миленч выплывает, а Кэтлин гибнет. Маклер получает страховые деньги... Спустя несколько дней Миленча видели беззаботным и веселым — он катался по озеру Чейсуотер на водных лыжах... Одновременно Миленч выступает в качестве анонима и выторговывает у газеты «Дейли мейл» 25 тысяч фунтов за поддельное письмо. Когда детективы Скотланд-Ярда арестовывали Рональда Миленча (это во всех подробностях показывалось по телевидению), у него дома нашли склад огнестрельного оружия. В момент ареста Миленч, схватив двух своих детей, истерично кричал: «Если вы меня тронете, я убью их!» Детективы оказались знатоками своего дела, сумели изолировать детей и арестовали маклера. На следствии Миленч заявил, что таинственная гибель его жены — всего лишь несчастный случай, что оружие он коллекционировал, а письмо — невинная первоапрельская шутка...

Главный редактор пролейбористской «Дейли миррор» Антони Майлз в беседе со мной сказал, что его газета будет внимательно следить за делом маклера и не допустит безнаказанности. Борьба в палате общин, только в более уродливом, преступном виде продолжается и на Флит-стрите.

Антони Майлз назначил мне встречу в «Дейли миррор» от 17 до 19 часов. По его словам, это самое интересное время в редакции. Газета в это время практически готова, сказал он, утренняя смена передает дела ночной, почти вся редакция в сборе.

«Дейли миррор» построила на Флит-стрите новое высотное здание из стекла и железа. Здесь типография и сама редакция. Огромный зал. За длинными столами сидит дневная смена (50 — 60) человек. Около каждого литературного сотрудника пишущая машинка и телефонный аппарат. Всего в газете три тысячи

штатных и нештатных работников, самый большой отряд составляют репортеры. Законы неумолимой конкуренции Флит-стрита заставляют их вести круглосуточное наблюдение за событиями в Лондоне и по всей стране. В телетайпном зале стрекочут аппараты ведущих мировых телеграфных агентств: Рейтер, ТАСС, Юнайтед Пресс Интернэшнл, Франс Пресс, Ассошиэйтед Пресс. Надрываются телефоны на столах диспетчерской, непрерывным потоком идут сообщения от репортеров, а затем быстро рассредоточиваются по столам. Отбор. Правка. Последнее слово за главным редактором. Между диспетчерской и литсотрудниками существует еще одна инстанция — регистратура. Копия каждого репортерского сообщения с указанием даты и времени приема подшивается в специальное досье. Так контролируется работа репортеров и литературных сотрудников. Огрехи тех и других можно легко обнаружить, наказания суровые — от денежных штрафов до увольнения.

Главный девиз любой английской газеты — скорость. Первые выпуски «Дейли миррор», помеченные следующим днем, появляются в городе к 9 — 10 часам вечера, последние — к 4 часам утра. Часто эти выпуски не похожи — работа ночной смены, которая укомплектовывается наиболее опытными и квалифицированными сотрудниками, имеющими право вносить любые исправления. Из 20 страниц газеты 7 отводится на рекламу, остальные наполовину заполняются иллюстрациями. С учетом аршинных заголовков на текст остается около 5 страниц.

Служба писем с большим штатом сотрудников ежедневно получает 2—3 тысячи конвертов, но лишь незначительная часть писем после филигранной обработки может увидеть свет, и все они без исключения посвящены в основном бытовым темам. Что касается политических вопросов, то по ним газета предпочитает высказываться сама. Событиям в Советском Союзе и других социалистических странах «Дейли миррор» уделяет внимание, а многие выдающиеся новости из жизни наших стран дает крупными аншлагами. Гибкая линия позволяет газете иметь самый крупный тираж среди других периодических изданий Флит-стрита: 4—5 миллионов ежедневно.

УБИЙСТВО ЛЕННОНА

Перед Англией стоит много проблем, но, пожалуй, самая острая — это взаимоотношения с Ольстером. На территории Северной Ирландии находятся английские солдаты, которые на протяжении многих лет пытаются вооруженной рукой держать эту провинцию в полном подчинении Лондону. Новое лейбористское правительство перед лицом этой острейшей проблемы, доведенной консерваторами до высшего накала, оказалось беспомощным. Оно не сумело внести какие-либо коррективы в политику и продолжает плыть по течению. Опасная обстановка в Ольстере требует быстрейшего и справедливого решения североирландской проблемы.

На моих глазах в Англии произошел крупный политический скандал в связи с таинственным убийством ирландца Кеннета Леннона. Незадолго до гибели он посетил Национальный совет защиты гражданских свобод и поведал свою трагедию.

Свое детство Кеннет Леннон провел в Ньюри (Ольстер). Бросив в возрасте 15 лет школу, переселился в Англию. Овладел профессией токаря. Женился. Появилась на свет дочь. Хорошо шли дела на производстве, где Кеннет Леннон пользовался авторитетом среди товарищей. Они избирают его шоп-стюардом (цеховым профсоюзным старостой). Както Леннон решил навестить своих родных в Ньюри, познакомить их с женой и дочерью. Радостным вернулся на завод (компания «Крайслер»), но с этого дня кончилось счастье Кеннета Леннона. Поездкой в Ольстер он обратил на себя внимание особого отдела тайной британской полиции, невидимая рука готовила ему одну беду за другой. В 1972 году он остался без работы. Нужда и голод обрушились на семью Леннона, тяжелый недуг приковал его жену к постели. И вот однажды, когда он выходил из больницы, к нему подошли два детектива и предложили сотрудничать с особым отделом, естественно, за денежное вознаграждение. Расчет тайной полиции был предельно прост: жизнь загнала Леннона в тупик, либо голодная смерть, либо... И он согласился. Место встречи — кабачок «Лесники» в Латоне. Там ему было дано задание проникнуть в нелегальную организацию — Ирландская республиканская армия (ИРА).

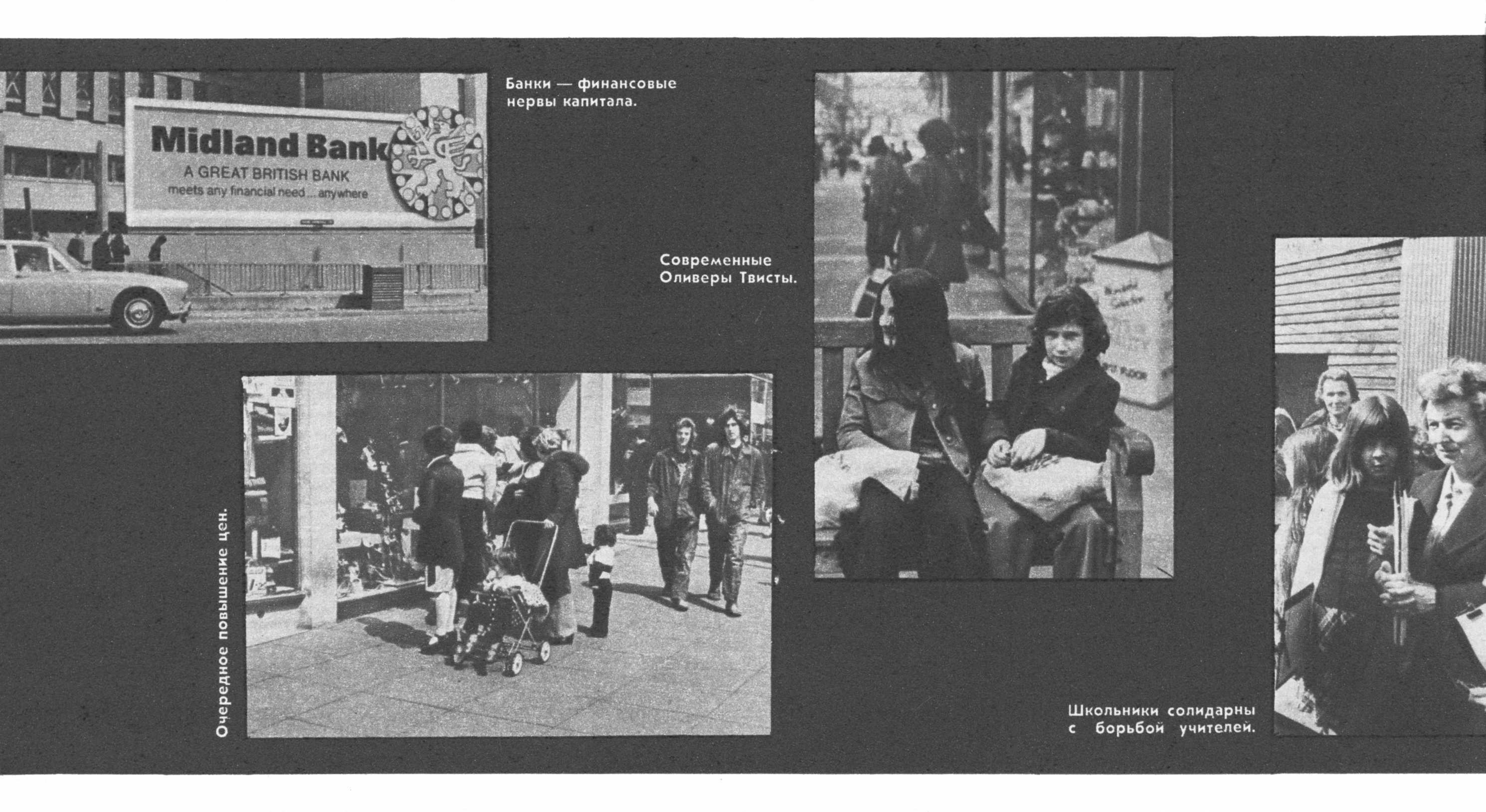
— Мне приказали,— рассказывал Леннон в Национальном совете защиты гражданских свобод,— принимать участие во всем, что они будут делать. Не помню дословно данные мне инструкции, помню лишь, что один из детективов сказал, что я должен побуждать их к действиям. Мне не разъяснили, что имеется в виду, однако я понял: им нужна была активизация деятельности. Кажется, в тот раз мне дали 7 или 8 фунтов стерлингов.

Позднее Леннону поручают сформировать группу для ограбления банка в Радлетте, но чтобы в состав этой группы обязательно входили члены ИРА. Кеннет Леннон выполнил первую часть задания, но операция из-за ряда непредвиденных обстоятельств не состоялась. На следующий день Леннон обо всем доложил связному. Тот сказал: «Прекрасно. Положение ваше укрепилось. Вы выходили с ними на операцию и показали себя». Тут же Леннон получил новое задание — сформировать группу, которая должна без участия самого Леннона 9 августа 1973 года ограбить кассира. При этом указали, что именно 9 августа, ни днем раньше или позже. Какова же была цель особого отдела? Оказывается, 9 августа 1971 года английские власти без суда и следствия бросили в тюрьмы несколько сот ирландцев, заподозрив их в «террористической деятельности». Если бы особому отделу удалось организовать спустя два года провокацию, то можно было бы оправдать прошлые репрессии и произвести новые аресты среди членов ИРА.

Операция, как и следовало ожидать, закончилась провалом. Состоялся громкий суд. Участники операции были приговорены к тюремному заключению сроком на 10 лет каторги. Затем Леннону поручили организовать налет на тюрьму, чтобы освободить заключенных. Случилось так, что ему самому пришлось принять в нем участие. Провал. Среди арестованных — Кеннет Леннон.

— Я,— рассказывал в Национальном совете Леннон,— попросил полицейского, который меня допрашивал, позвонить в Скотланд-Ярд по телефону 01-2301212.

— Ну, смотри, если наврал, тебе непоздоровится,— ответил он мне.

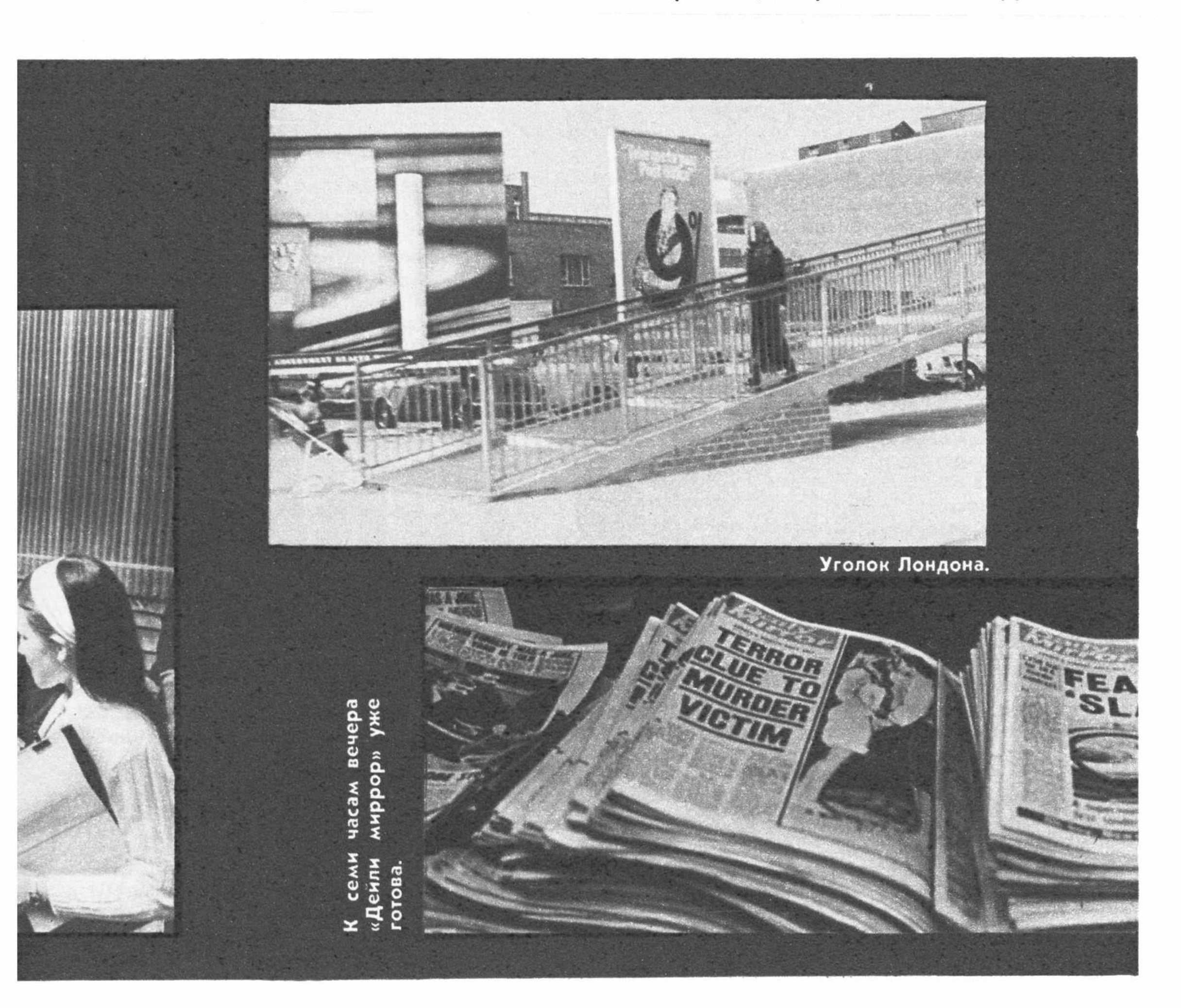
Банки — финансовые нервы капитала.

Современные Оливеры Твисты.

Очередное повышение цен.

Школьники солидарны с борьбой учителей.

Полиция установила связи Леннона с особым отделом, но заявила, что перед судом ему все равно придется предстать. Однако, если он хочет выйти из игры чистым, надо всю вину свалить на других членов группы, а об остальном полиция сама позаботится. Просидев в общей сложности под арестом три месяца, Леннон был освобожден. Его дочь умирала с голоду. Жена находилась в тяжелом состоянии. В кармане у Леннона — ни гроша. Он направляется на встречу в кабачок «Лесники», просит деньги. Но их надо отработать, и ему дают новое задание. Леннон в тяжелом состоянии уходит. Его мучают угрызения совести. Он понял ту подлую, предательскую роль, которую должен выполнять за кусок хлеба. Всю ночь Леннон бродил по улицам, терзаемый тяжелыми мыслями, пока не встретил одного приятеля, ему и поведал свою историю. Он посоветовал Леннону рассказать обо всем Национальному совету защиты гражданских свобод, что он сделал, как только наступило утро. А через два дня труп Кеннета Леннона нашли в канаве лондонского пригорода Чипстед. Леннон был убит выстрелом в голову...

Уголок Лондона.

К семи часам вечера «Дейли миррор» уже готова.

Кто же убийца Кеннета Леннона? Подавляющее большинство сходилось во мнении, что это дело рук особого отдела, хотя нашлись и такие, кто пытался свалить вину на ИРА. В основном это газеты, которые контролируются тори, они взяли под защиту деятельность особого отдела, считая ее необходимой. Газета «Дейли мейл», еще не оправившись от скандала по делу маклера Миленча, снова бросилась в атаку. «Нужно сказать,— писала «Дейли мейл»,— что особый отдел — это секретная полиция Англии. Однако этого нечего стыдиться. Для того, чтобы успешно действовать против любой группы террористов, полицейские силы должны работать быстро, бесшумно и даже безжалостно. Особый отдел тесно сотрудничает с «МИ-5» (военная разведка), организацией по борьбе с подрывной деятельностью и шпионажем, а также с «МИ-6», которая ведает английским шпионажем за границей». Далее газета перечисляет различные формы деятельности особого отдела, считая их вполне закономерными и оправданными: обыски в домах и отдельных граждан, подслушивание телефонных разговоров, вскрытие и проверка писем, использование услуг осведомителей из уголовного мира, шантаж и «просачивание» в различные организации. По заявлению агентства Пресс Ассошиэйшн, в полиции заведено досье на два миллиона британских граждан.

О деятельности особого отдела сказала и газета «Гардиан»: «В то время как «М-15» — подразделение контрразведки — занято более умудренной, а точнее, более удобной деятельностью, сотрудники особого отдела осуществляют аресты, подготавливаемые «М-15». Это такая работа, которая почти стирает грани между сбором информации о преступных действиях и подстрекательством к ним».

— Особый отдел,— заявил генеральный секретарь Национального совета защиты гражданских свобод Мартин Лоуни,— хотел иметь от Леннона не просто информацию, а пытался через него усилить нелегальную деятельность ирландских политических организаций.

Английская общественность потребовала провести парламентское расследование о деятельности особого отдела, но выразила разочарование, что расследование поручили самой полиции. Мартин Лоуни сделал по этому поводу специальное заявление для печати: «Мы не удовлетворены. Это типичный случай, когда полицейские расследуют преступления полицейских».

Газета английских коммунистов «Морнинг стар» писала об убийстве Кеннета Леннона: «Его заявление подтверждает распространенное мнение о том, что английские власти умышленно организуют инциденты, сопровождающиеся насилием, провоцируют вражду между католиками и протестантами, дабы увековечить раздел Ирландии и сохранить контроль Англии над Ольстером. Деятельность особого отдела полиции направлена не против уголовников, а против профсоюзных и политических деятелей».

Убийство Кеннета Леннона, деятельность особого отдела и события в Ольстере на фоне внутренних экономических потрясений Англии — вот они, неизменные атрибуты «свободного мира», столь широко рекламируемого повсюду западной пропагандой.

— Я полагаю,— сказала мне Шейла Кэй, лондонский искусствовед,— что у нас в этой атмосфере «свободы» скоро будет просто страшно жить. Судьба Леннона — это трагедия не личная, а всего общества.

ШОП-СТЮАРД

Статистика. Она в таком обилии выбрасывается на страницы английской печати и в таком неудобоваримом виде, что простому человеку в ней трудно разобраться. Реальной статистикой, тесно увязанной с жизнью трудящихся, занимаются шоп-стюарды. Именно они являются главным барометром социального климата. С одним из них, Эрни Эдвардсом, я познакомился в Лондоне. Однажды он пригласил меня к себе домой, в отдаленный пригород столицы — Мидокс.

Проделав путь на метро, даблдеккере и электричке, выхожу в Мидоксе. Десять минут ходьбы, и на улице Кассиоборн нажимаю звонок у входа в дом № 25. Приветливая женщина открывает дверь и представляется:

— Мориел Эдвардс... Проходите, пожалуйста, вот сюда.

Не успел я перешагнуть порог комнаты, как услышал песню «Подмосковные вечера».

— Эта пластинка,— сказал Эрни Эдвардс,— подарок друзей из ВЦСПС. Несколько лет назад в составе английской профсоюзной делегации я побывал в Москве. А вот посмотрите фотографии...

Я вижу Эрни на Красной площади, в цехе завода «Серп и молот», среди пионеров, у магазина «Подарки» на улице Горького, за дружеским ужином в московской квартире.

— А теперь — за наш стол. Поговорим. Отвечу на ваши вопросы.

Пенилось свежее пиво. Мориел добавляла в тарелки шипящие, со сковородки сосиски. В центре стола — блюдо с винегретом, готовил его сам Эрни по московскому рецепту.

— Вы просили рассказать о моей жизни, — начал Эрни. Несколько секунд помолчал, а затем продолжил: — Родился недалеко от Лондона. В восемь лет потерял отца, вместе с братом отправили меня в приют. Провел там четыре года, а когда вышел, пристроился к бродячему детскому оркестру. Жили на подаяния. Шестнадцати лет пошел в техническую школу при машиностроительном заводе, где по сей день работаю. Во время войны с фашистами был ранен. Тридцать четыре года назад вступил в Коммунистическую партию Великобритании. Вот уже четверть века рабочие избирают меня шоп-стюардом...

Крайняя лаконичность присуща большинству англичан, когда они рассказывают о себе. Вы можете задавать тысячу дополнительных вопросов и снова услышите те же лаконичные ответы. Но англичанин буквально преображается, если беседа его заинтересует, и, сказав: «I challenge you» («Я вызываю вас»), он бросается в жаркий диалог, который может длиться часами. Слово «вызываю» — сигнал к серьезному разговору: «Я начинаю приводить аргументы, попробуй представить контраргументы, если вообще тебе это удастся».

Спрашиваю Эрни Эдвардса:

— Вчера по второй программе телевидения Би-би-си демонстрировался документальный фильм «Всеобщая забастовка 1926 года». Вы случайно его не видели?

— Видел.

— Мне кажется, что фильм преуменьшил размах забастовки.

Эрни Эдвардс не дал мне договорить, лицо его загорелось, рука с кружкой пива сделала замысловатое движение, и, воскликнув «I challenge you!» — он начал страстно говорить:

— Именно такое впечатление создатели фильма и хотели вызвать у зрителей. А почему? Да потому, что сегодня бурлит вся трудовая Англия, буржуазия приходит в состояние шока при одном лишь воспоминании 1926 года. Повторись такая забастовка сейчас — и монополии затрещат по швам. Наша забастовка 1926 года — самая славная страница в истории английского рабочего движения.

Эрни Эдвардс сказал, что 10 миллионов английских рабочих составляют ядро Британского конгресса тред-юнионов. Из 100 профсоюзов, входящих в БКТ, на долю 10 приходится 6 миллионов членов. Профсоюз транспортных и неквалифицированных рабочих, Объединенный профсоюз машиностроителей и литейщи-

ков — крупнейшие в стране. К старым рабочим профсоюзам теперь добавились профсоюзы конторских и других служащих, так называемых «белых воротничков», представителей свободных профессий: артистов, врачей, учителей, журналистов, а также пилотов гражданской авиации. Английские шахтеры по-прежнему составляют ядро рабочего движения, именно они в 1926 году подали сигнал к началу всеобщей забастовки.

— Тори и лейбористы,— продолжал Эрни Эдвардс,— всегда пытаются заигрывать с руководством БКТ. Однако Эдвард Хит, находясь в свое время на посту премьер-министра, отошел от этого правила и в угоду монополиям слишком резко надавил на педали: принял ряд антирабочих законов, пытался заморозить зарплату и оставил без контроля неудержимый рост цен. И снова первыми выступили шахтеры. Страх перед повторением 1926 года заставил Хита объявить досрочные выборы.

— А какова роль шоп-стюарда в рабочем движении?

— Самая большая. Он вожак, организатор, вдохновитель. Армия британских шоп-стюардов насчитывает 200 тысяч человек.

— Какие сейчас проблемы волнуют английский рабочий класс?

— Монополии усиливают интенсификацию труда, замораживают зарплату и стимулируют рост цен. «Семейный бюджет» рабочих и служащих трещит по швам: каждую неделю стоимость жизни поднимается на 40 пенсов (в одном фунте 100 пенсов). Из семейного рациона почти полностью исчезают такие продукты, как мясо, рыба, яйца. Четверо из пяти детей рабочих в возрасте до 15 лет покидают школу и идут на любую работу, естественно, низкооплачиваемую. Цены поднимаются на жилье, газ, свет, отопление, телефон, телеграф, почту. Самая большая трагедия в капиталистическом обществе, от которой никто не застрахован,— это безработица и потеря трудоспособности. Люди, попадающие в эти категории, фактически заживо приговариваются к смерти. Выросло число самоубийств и больных шизофренией, процветают наркомания, преступность, проституция. Наше общество поражено серьезными социальными недугами.

Эрни Эдвардс проводил меня до вокзала.

— Передайте привет моим московским друзьям!— сказал он на прощание, крепко стиснув мою руку.

От лондонской станции пригородных поездов я пошел по ночному городу. В это время светло только на Пиккадилли, где буйствует неоновая реклама, словно наверстывая упущенное во время энергетического кризиса, да развлекается расположенный рядом район Сохо — паутина темных, узких улочек с неказистыми домами, где гнездится разврат... Столько машин новейших марок, пожалуй, не скапливается днем у Сити, сколько их собирается к середине ночи в Сохо.

А в другом районе под мостом Черринг Кросс поперек тротуаров на постелях из картона и выброшенной из магазинов тары спят бездомные мужчины и женщины. Два человека еще не спали и в упор, с ненавистью смотрели в мою сторону. Когда я приблизился, один из них крикнул:

— Что ты здесь шляешься? Местечко подбираешь? Скоро и до вас дойдет очередь!

— Не видел бездомных? — воскликнул другой.— Возвращайся в теплую постельку, позавтракай утром, садись в свой автомобильчик и наслаждайся жизнью, пока тебе не свернут шею!

Еще несколько человек подняли головы, и среди них — женская, совсем седая.

— Уходите!—сказала женщина.—Уходите отсюда! Люди здесь очень обозлены. Жизнь для них уже кончена.

Извинившись, я сказал ей, что приехал из-за границы и заблудился в Лондоне.

Судьба бездомных — это человеческая трагедия. Каждый, кто ютится под мостом Черринг Кросс, родился в Англии, ходил в школу, мечтал, любил, пока в один прекрасный момент не был раздавлен жестокой системой и выброшен на улицу. Вполне естественно, что бездомная, голодная и холодная жизнь обозлила этих людей, притупила чувства... Так под мостом Черринг Кросс передо мной предстала еще одна сторона жизни «свободного мира».

Арви СИЙГ

СТОГА ИЗ ЛИСТЬЕВ

ЛЕС

В те времена, когда еще не знали
ни города, ни голоса его,
в лесной избушке жили-поживали
муж и жена. И больше никого.

Хлеб и постель делили и работу —
иной порядок жизни был нелеп.
Как жили, так и жили без заботы:
работа, нежность, хлеб, работа, хлеб...

Под этими лесными небесами
и в ссорах не случалось забывать,
что все богатство их — они же сами
и на замену некого искать.

...В наш бурный век мы более ранимы.
И, электронной скоростью влеком,
я ссорюсь с жизнью — зло, непримиримо,
запальчиво грожу ей кулаком.

Но жизнь взглянула женскими глазами,
и сквозь века мне слышится опять:
«Богатство наше — это мы же сами,
и на замену некого искать».

ТЕНИ

Вспомним юность. Любовь. В смятенье
у калитки молчим вдвоем.
И целуются наши тени
за спиною под фонарем.

А над ними сирень тяжелеет,
осень лепит из листьев стога.
А над ними рябина алеет
и январская дышит пурга.

Наезжая на них колесами,
катит время по мостовой.
А за временем, как за березами,
невесомые, мы с тобой.

Наши тени остались теми,
что возникли в наш лучший час.
Пусть целуются наши тени,
ничего не зная о нас.

Перевел с эстонского Б. ШТЕЙН.

Станислав ТОКАРЕВ

КАК К

Никого никому не надо противопоставлять. Всем трудно. Шахматному гроссмейстеру не легче, чем штангисту-рекордсмену. И все-таки нет, наверное, в спорте ничего тяжелее, чем многодневная велосипедная гонка.

Многодневная — вот ключ.

В чистой и свежей майке садишься ты сегодня в седло. Ты вставляешь ноги в туклипсы, затягиваешь ремешки, поглубже надвигаешь на брови кожаный шлем...

И пошло-поехало.

А что ждет тебя на очередных полутораста — или сколько их там — километрах? Может быть, попутный ветер понесет вперед группу — знай ногами перебирай. Может, встанет встречный, и передовые, поочередно сменяясь, будут ломать лбами его стену. А может, резанет боковой, вытянет колонну струной вдоль обочины, и каждый один на ветру, ни за кем не отдышишься, и кто-то не вытерпит, и рассыплется группа — одни умчатся вперед, другие в погоню, отчаянно нажимая педали...

Может, дождь пойдет, прибьет пыль, словно намылит спину шоссе, и ты внезапно увидишь, как на повороте вильнет и не удержится чья-то машина... Полетит кувырком один, прикрывая голову, другой, третий... Скрежет сцепившихся колес, цепей, шестеренок... Свирепые и испуганные крики... Ты изо всех сил заложишь руль, ища прогалинку, щелочку, до визга сдавишь тормоза... Но тебя понесет, как назло, прямо туда, в груду тел и велосипедов, в гущу завала. Летишь и думаешь: «Черт с ними, с плечами и локтями, лишь бы машина уцелела...» И позади — рев «Скорой помощи».

А может, просто ослабнет вдруг шина — где и когда прилип к ней крохотный камешек и потом исподтишка выпустил из нее дух? Ты поднимешь руку, оглянешься, и, проталкиваясь сквозь колонну автомобилей и мотоциклов, бросится к тебе твоя «техничка»... Соскочит механик, ведя запасной велосипед... Ты крикнешь: «Толкай, сильнее толкай!..» А группа уже далеко. Ты ляжешь на руль, ты весь напряжешься — вот они, близко, майки с косыми номерами. Близко, рядом, а никак не догнать.

Потом будет финиш — рывки и атаки... Будет стадион, кто-то накинет тебе на плечи одеяло, кто-то протянет стакан чаю, а тебе никак не открыть судорожно сжатый рот, и ноги тебя не держат.

...Ну, что ж, простирни вечерком

Фото А. Бочинина.

ОМАНДА СТАЛА КОМАНДОЙ

майку, трусы и носки. Отдай ладоням массажиста чугунные мышцы. Дай доктору сделать обезболивающий укол и смазать кровяные ссадины красным хромпиком. Проковыляй в бокс к механику, проверь, сменил ли он цепь... И попытайся быстрее уснуть.

Завтра все начнется сначала.

Хочу рассказать о том, что один человек в гонке мало чего стоит — один, без команды, без коллектива.

И хотя я буду приводить примеры, относящиеся к одному конкретному соревнованию — к международной велогонке Мира, причем именно к последней, двадцать седьмой по счету,— относится этот тезис, конечно, к любой другой. И вообще к спорту.

Две гоночных судьбы промелькнули предо мной в нынешнем мае. Судьбы горьковчанина Валерия Лихачева и тартусца Ааво Пиккуса.

Оба они финишеры. А финишер — должность в команде особая. Это, если хотите, центрфорвард. Тот, кому предназначено, завершая многоходовую комбинацию, нанести решающий удар — в данном случае победный бросок на последнюю белую черту. Так же, как центрфорвард, финишер должен обладать особым талантом. Должен быть расчетлив в выборе исходной позиции, безошибочно точен в определении момента рывка — ни доли секунды раньше или позже, быстр, азартен, силен и бесстрашен. Финишеров берегут, им отдают, если надо, машину, их «раскатывают» и прикрывают от соперников. Порой даже, если им особенно трудно на трассе, толкают под седло и тянут за руль, как поступали в горах (рискуя даже заработать предупреждение судей) спортсмены команды Польши, помогавшие своему Станиславу Шозде, лучшему финишеру XXVII велогонки Мира.

Я заметил, что финишеры почти всегда выглядят старше своих лет. Лихачеву двадцать пять, но могучие страсти атак придали его лицу тяжелую, суровую лепку.

Он чемпион мира и Олимпийских игр в командной гонке. В прошлом году, впервые участвуя в велогонке Мира, он установил рекорд — шесть побед на этапах. Даже Шозда, который был нынче на голову выше всех, смог лишь повторить это спортивное достижение.

Лихачев знал, что к моменту старта он подошел не в лучшей форме — весной у него была травма. Знал и все-таки жаждал победы. И оттого, что ставка делается не только на него, но и на юного Пиккууса, было ему явно не по себе.

Было, очевидно, еще одно обстоятельство, мучившее Лихачева. Не знаю уж, почему так вышло, только люди, готовившие сборную, были твердо убеждены, что капитаном ее может быть кто угодно, кроме него. То ли потому, что не хотели отвлекать его от задач, непосредственно связанных с атаками, то ли — скорее всего — считали его индивидуалистом в душе. И вот хотя его заслуги, опыт, моральный авторитет, его воля, могущая направить, а если надо, и подавить чужую волю,— все было бесспорно, капитаном стал его друг, старый гонщик Юрий Михайлов, накатавший за свою жизнь примерно 300 тысяч километров.

В команде велосипедистов капитан — это очень много. Какой бы мудрой и четкой ни была предварительная тренерская установка, все равно по ходу этапа возникает множество непредвиденных ситуаций, и решать, кому как действовать, должен капитан. Гонка Мира помнит великого капитана, великого стратега Густава-Адольфа Шура, который, как истинный дирижер, руководил командой ГДР и, случалось, сам брал на себя самое трудное. Помню, как четырнадцать лет назад, на последнем этапе, когда в падении разбился Эгон Адлер, тогдашний лидер, Шур остался с ним далеко позади и сто километров вез его, почти потерявшего сознание, поддерживая за плечи... Гонка помнит и другого капитана, хитроумнейшего из хитроумных, мастера замысловатых тактических уловок — нашего Гайнана Сайдхужина.

...На сей раз — довольно быстро — в лидеры вышел Пиккуус. Гордо натянул рубашку ослепительно желтого колера — немецкие гонщики образно называют ее «рюкзак», в том смысле, что в ней особенно тяжело, поскольку со всех сторон, всем соперникам ее хорошо видно. Тяжесть эта на разных людей действует по-разному. Одних гнетет, лишает сна и аппетита, и тогда они обречены. Так было со многими, в том числе и с нашими — с Череповичем в шестьдесят втором, с Черкасовым в шестьдесят восьмом... Другие, наоборот, становятся отважнее и зорче, как, например, Мелихов в шестьдесят первом или нынче в итоге тот же Шозда. Третьи...

К третьим принадлежал Ааво Пиккуус, курносый Авик, мальчик,— во время гонки он впервые в жизни провел по щекам бритвой.

Произошло то, что и должно было произойти. Когда Авик стал лидером, требовательность команды по отношению к нему повысилась. Старшие стали замечать все ошибки, непростительные для обладателя желтой майки. Стали дружно его учить: зачем он очертя голову бросается вдогонку за каждым, не разбирая, кто опасен, кто нет? Почему не бережет силы, когда надо беречь, и не умеет выложиться, когда надо? Приезжает на финиш свеженьким, а проигрывает... Его учили, а он, видно, внутренне ерепенился, внешне же только посмеивался: ничего, он еще всем покажет...

Тем временем Лихачев наконец выигрывает этап — в своем стиле, мощно и безапелляционно. Он бы выиграл и второй, и тогда бы все у него наладилось, но в Щецине—

прокол на финише, мокрая дорожка, занесенная юзом машина, ошибочное обвинение в кроссинге...

На другой день он попал в завал и расшиб руку: костяшки пальцев были черны от гематом, на кисти приходилось сооружать настоящую поролоновую подушку, обезболивание не помогало — на тряской брусчатке он вообще не мог держаться левой за руль.

Он мне тогда сказал: «Все. Мне лично ничего не светит, я ставлю на себе крест, главное для меня теперь — команда».

Может, ему с его самолюбием было легче совсем покинуть седло, чем принять такое решение. Ведь он не просто собрался отдать команде физические силы, но прежде всего — силу ума. Не избранный капитаном, он решил помочь капитану. Добровольно взял на себя функции его дублера.

Я бы умолчал об одном эпизоде, но из песни слова не выкинешь. Тем более что никто вроде бы ни в чем не виноват — многим из нас свойственно не до конца, не до донышка вглядываться в людей, которые рядом, не усматривать диалектику их характеров, довольствуясь готовыми представлениями. Короче, когда я рассказал о разговоре с Лихачевым нашим тренерам, они засомневались: «Это он просто так — для печати». Через день оказалось, что не просто так. В какой-то новой, более осмысленной и осознанной манере езды команды проступил контур властной лихачевской руки. Тогда тренеры решили было устроить перевыборы капитана. На счастье, передумали — этот опрометчивый шаг обидел бы и Михайлова и Лихачева (вдвойне — за друга и за себя) и вообще нарушил бы естественный психологический баланс сборной.

...К сожалению, формируя любую команду, одиннадцать ли в ней футболистов или, например, двое гребцов, тренеры не всегда так же внимательно подходят к вопросам психологической совместимости, как к физическому потенциалу спортсменов. Иначе мы избежали бы многих поражений, ошибок и бед.

...Но вернемся к нашей шестерке. Люди в ней были разные. Безотказные — вроде Толи Чусова и Ивана Скосырева. Этим скажешь «умрите» — умрут. Иван, сильно разбившись, две ночи продремал полусидя: никак не мог найти удобного положения для больной ноги. Но ехал и сражался.

И был Коля Горелов. Маленький, словоохотливый, острый на язык. Не знаю, что происходило между ним, Лихачевым и Михайловым, могу только догадываться. Поначалу в гонке он вел себя пассивно. И дважды Лихачев и Михайлов ходили к нему в номер для мужского разговора с глазу на глаз. И он после этих разговоров выглядел подавленно. Но когда тренеры обвиняли Горелова в пассивности, те же Лихачев и Михайлов вставали за него горой. И в конце концов Горелов заработал вовсю. В итоге он был вторым за Шоздой. И когда ему приходилось туго, когда машина имела дефекты, Лихачев отдавал свою.

Теперь о Пиккуусе. Он быстро потерял лидерство. Но не смирился, продолжал бороться за желтую майку. Команда — за командный результат, а Пиккуус — сам по себе, за себя.

И тот разговор на солнышке, на трибуне маленького стадиона в Потсдаме, часа за два до старта, был для него ошеломляющей неожиданностью. Вокруг было пусто, только бегали внизу по дорожке школьники и школьницы, щелкал секундомером учитель физкультуры и ставил оценки, а он, Авик, как школьник, пойманный на провинности, слушал, что говорила команда, и ежился.

Команда говорила примерно так: «Ты зазнался. Ты думаешь только о себе. Ты не выполняешь установок. Коллектив тебе не дорог. Ты нагрубил механику — нашему «деду», знаменитому гонщику Евгению Петровичу Клевцову. Кто дал тебе на это право? И если ты в одиночку собираешься прожить жизнь велосипедиста, за успехи в этой жизни никто из нас гроша ломаного не даст».

Не знаю, что думал и чувствовал Пиккуус. Только знаю — в тот день на этапе он потерял флягу, и голова закружилась у него от усталости и голода, и он стал вываливаться из группы. Тогда подъехал Горелов, дал свою флягу с остатками жидкой овсянки. И потом еще у кого-то из наших взял флягу, чтобы накормить Пиккууса.

На дорожку стадиона Авик вкатил в числе первых, но до белой черты первым не дотянул, и после финиша Лихачев отвел его в сторону, и я издали видел, как он что-то сердито толковал, взмахивая тяжким забинтованным кулаком, а Авик смотрел в траву. Я подумал: «Неужели опять он провинился, неужели не подействовало?» Но разговор был, оказывается, о другом. Вечером Лихачев сказал: «Кого мне здесь учить, кому опыт передавать, если не ему? Ну, я сейчас не в порядке, но он-то финишер! И никак не может сообразить — не на дорожке надо начинать рывок, а раньше, до стадиона!»

Прошло еще несколько дней. Опять стадион, опять ожидание финиша — топчешься на футбольном газоне, заглядываешь в туннель ворот, откуда вот-вот вымчат первые, и до боли в сердце жаждешь, чтобы был среди них свой.

Вот мелькнула в тени бело-красная майка, и по прямой, явно не вписываясь в поворот, вылетел Пиккуус. Переднее колесо чиркнуло по каменному бордюру, заднее взметнулось...

Мимо шли уже десятые, двадцатые, а он все не мог вскарабкаться в седло.

Потом он сидел на одеяле и стонал сквозь зубы, когда доктор щупал ушибленное плечо. Набежавшие репортеры щелкали фотоаппаратами, и Лихачев, страшно светясь белками на черном от гнева и грязи лице, расталкивал их и заслонял Пиккууса грудью. Велосипедисты не любят, когда их снимают в минуты слабости. А кто любит?

«Черт, — ворчал Лихачев, — учил, учил — на свою голову. Он как надо финишировал, правильно, но кто его так круто вправо понес? Опять сегодня «ликбез» устрою».

...Команда, о которой я рассказывал, не получила золотых венков победителей. Только серебряные. И тому есть свои, чисто спортивные причины. Но я о другом. О том, как она становилась и в конце концов стала коллективом. О самом главном в гонке. И не только в гонке.

ВО ИМЯ ЧЕЛОВЕКА

Представим на минуту, что идея применить изотопы в кузнечном цехе пришла бы не Сергею Алтунину, а Скатерщикову: Петр тоже ведь парень с головой, он первым задумался над автоматизацией ковки и предложил для этого специальное программное устройство. Что ж, в таком случае Алтунин поздравил бы своего товарища и если бы даже позавидовал ему немного в душе, все равно ни к какому конфликту это не привело. Каждый, кто читал новый роман Михаила Колесникова *, думается, без труда согласится с нами.

Но в «Изотопах для Алтунина» все, как известно, как раз наоборот. Скатерщиков еще в армии «все грезил единым волевым усилием выйти в знаменитости — на ковровую дорожку жизни», и Алтунину еще на действительной приходилось «подправлять» Петра. Потом Сергей привел его к себе на завод, выучил кузнечному искусству. Алтунин — кузнец, что называется, от бога, но и Скатерщиков — талант, недаром он придумал свой «электросигнализатор». Правда, с помощью такого пульта можно было решать лишь частные производственные задачи, но Скатерщиков не хотел видеть этого. Свой проект он рассматривал прежде всего как удобную стартовую площадку для собственного взлета и потому принялся всячески порочить идею Алтунина и «двигать» свое изобретение.

Так разворачивается и одновременно туже и туже стягивается центральный конфликт романа — конфликт на первый взгляд не слишком большого общественного звучания, поскольку, мол, определяется он личными несовершенствами отдельного индивидуума и, значит, носит случайный, частный характер.

Но это только самый первый и поверхностный срез событий и проблем книги М. Колесникова.

Уже то, что в итоге творческого состязания победителем может стать менее совершенная научно-техническая мысль,— уже это глубоко небезразлично нашему обществу. Но еще важнее для него сама судьба таланта.

«В цене только одно — обостренный, гибкий ум»,— говорит Алтунину Скатерщиков. Век научно-технической революции действительно потребовал множества новых ярких идей и личностей. Вот и Скатерщикова, заслуженно, казалось бы, по уму и умению — изобретатель, в 26 лет на третьем курсе вечернего института, армия за плечами,— ставят во главе бригады, осваивающей уникальный гидропресс, который будет ковать слитки в сотни тонн. Вот он, первый долгожданный взлет Петра Скатерщикова.

Но для Петра его работа, его творчество — не радостная возможность активно строить новую жизнь и новые человеческие отношения и даже не самоцель, как для инженера Карзанова, еще одного главного колесниковского персонажа. Для Скатерщикова все это лишь ступеньки к славе. И, значит, получив в его лице творца, общество может потерять человека.

Вот эта-то коллизия и является глубинной у писателя, и подлинный конфликт романа — борьба за человека, за человека в творце.

Руководящий жизненный принцип Алтунина: «Нужно проектировать в человеке будущее». Сергей всегда видел «слабину» в Скатерщикове, и если ему не удалось «перековать» друга, то оно и понятно,— душу человеческую очень непросто завоевать, тем более переделать, не говоря о том, насколько это житейски хлопотно: приходится постоянно отрывать у себя время для других, упускать что-то свое. Бороться — это ведь не только преодолевать кого-то или что-то, но и жертвовать, преодолевать самого себя.

Правда, Алтунин поначалу терпит поражение в схватке за Скатерщикова еще и потому, что бьется он за него в одиночку. Когда же Сергей спохватывается и обращается за помощью к коллективу, товарищам Петра по гидропрессу, вдруг обнаруживается, что «Петя Скатерщиков с его индивидуалистическими заскоками оказался сильнее» — сильнее их, «людей опытных, знающих жизнь, умеющих хорошо работать». У них, лучших работников завода, специально собранных в одну бригаду и получивших высокое задание, тоже закружилась голова.

М. Колесников поднимает здесь весьма серьезную проблему. Идет «время творить», время, которое вызывает к жизни новых и новых творцов, и скоро наступит пора, когда в каждом рабочем коллективе внутренняя атмосфера будет определяться в первую очередь не тем, что кто-то в нем окажется не на своем месте, а его «психологическим климатом»,— тогда решающее значение приобретут не только талант и способности человека, но и его моральные качества.

«Бьешь ты, Сергей Павлович, по самому больному месту,— скажет Алтунину, сменившему к тому времени на гидропрессе Скатерщикова, один из его новых подчиненных.— ...В случившемся роль Скатерщикова ничтожная. Если бы мы между собой сразу общий язык нашли, то Скатерщиков бы свои теории про себя держал. Пикнуть бы не посмел. Но, видно, кое в ком из нас сидел тот же бес. Только он стыдливо прятался, а Скатерщиков выпустил его наружу, как бы снял запрет».

Можно удивляться, как хватает Сергея сплачивать ребят из бригады в единую семью, бегать по разным производствам, болея за судьбу своих гигантских поковок, и находить время для любимого детища — «изотопов для Алтунина»... Но такова душевная и творческая щедрость таланта подлинного коммуниста.

«Ты не делишь жизнь на этапы, на ступени, тратишь себя на любое дело без остатка и искренне удивляешься тем, кто проявляет повышенную заботу о своем здоровье, о своем жилище, умении одеваться, обставляться. Ты способен легкомысленно отказаться от самого блестящего личного будущего ради наполненного кипением, маленькими успехами настоящего, если это нужно для других, для завода, для твоих товарищей... Почему это так? Хорошо это или плохо?..»

Это очень и очень трудно, но это и по-настоящему прекрасно — в конце концов это должен понять даже Скатерщиков. Пока от ухода с завода Петра удержали лишь «алтунинские изотопы»: в нем пробудилась душа рабочего человека, когда он увидел последнюю артистическую новку Сергея. Но верится, это первый шаг к новому Скатерщикову.

Алтунин и здесь одержал-таки победу, а вместе со своим героем творческую победу одержал и писатель Михаил Колесников.

А ведь мы еще оставили в стороне сюжетную линию Карзанова, человека, настолько фанатично преданного инженерии и научному прогрессу, что временами им утрачивается чувство цели, которой они служат, отчего и сам он утрачивает большую долю человечности.

За Карзановых тоже нужно драться. Бороться за человека в человеке — зовет новая книга М. Колесникова.

Д. ИВАНОВ

* М. Колесников. Изотопы для Алтунина. «Знамя» №№ 1, 2, 1974.

Н. Крымов. МОСКОВСКИЙ ПЕЙЗАЖ. РАДУГА.

Н. Крымов. ЖЕЛТЫЙ САРАЙ. 1909.

Государственная Третьяковская галерея

ЗАЛОГ УСПЕХА

Гастрольная афиша Азербайджанского академического драматического театра имени М. Азизбекова сразу привлекла внимание москвичей: Шекспир и Шиллер, Николай Погодин и Самед Вургун, Джалил Мамедкулизаде, Наби Хазри и Ильяс Эфендиев... Богатство, разнообразие репертуара — явление не столь уж частое. Но сама по себе погоня за разнообразием никогда не являлась залогом успеха: творческий поиск, яркое видение мира, бережно хранимые национальные традиции — вот главное в работах талантливого коллектива. Страстность повествования, интерес к проблемам высокого общественного звучания характерны для лучших спектаклей театра имени М. Азизбекова.

В драме Ильяса Эфендиева «Песня осталась в горах», поставленной Алигейдаром Алекперовым остро, динамично, — прочерчена судьба Шахназ — девушки из богатой семьи, полюбившей сына дровосека Нидджата.

Решившись на побег с любимым, Шахназ не пугается тягот дальнейшей жизни с человеком, связанным с революцией. Однако постоянные разлуки с мужем, привязанность к брату, оставшемуся в лагере врагов, подтачивают силы и волю Шахназ, и, не выдержав тревог, она кончает жизнь самоубийством.

В исполнении Амалии Панаховой Шахназ — натура сильная, незаурядная. Но героиня так и не сумела понять, что правда одна, что человек, единожды пошедший на сделку с совестью, платит за это сполна...

Национальная драматургия представлена тут еще и пьесой классика азербайджанской литературы Джалила Мамедкулизаде «Мертвецы». Спектакль, поставленный главным режиссером театра Тофиком Кязимовым, был одним из самых интересных на гастролях. Постановщик сумел донести до зрителя гнев и боль автора пьесы, клеймящего косность, невежество, религиозный фанатизм. В этом современность звучания спектакля.

Ленинская тема, пожалуй, самая трудная, самая ответственная в искусстве. Воплощение ее требует от авторов истинного таланта и высокого мастерства. Композиция «Веление века», созданная старейшим режиссером театра Алескером Шарифовым по трилогии Н. Погодина, поставлена в строгой, лаконичной манере. Первые, самые трудные, но прекрасные годы Советской власти воспринимаются нами, зрителями семидесятых годов, не как далекая уже от нас история, а как необходимая, никогда не меркнущая часть той нынешней жизни, которой мы живем и сейчас.

Л. ЛУКЬЯНОВА

Сцена из спектакля «Буря». Фото Г. Ровенского.

ДОСТОВЕРНОСТЬ

Н. ТОКАРЧУК

Сцена из «Поднятой целины». Фото И. Галанюка.

Достоверность — вот, пожалуй, главная черта, определяющая спектакли гостившего в столице Донецкого областного русского драматического театра из города Жданова.

Дорогое ощущение подлинности всего происходящего на сцене возникает буквально с первых минут «Поднятой целины», которой открывались гастроли. Казалось бы, что нового можно сказать произведением, столь известным всем чуть не наизусть. Но в том-то и заключается магическая сила искусства, что хрестоматийно знакомый сюжет становится открытием, если заново прочтен художником.

В «Поднятой целине», поставленной А. Утегановым в оформлении М. Ковальчука, от первой до последней минуты остро ощущается атмосфера тревоги, напряженного ожидания событий... Уходящее до самого горизонта, вспаханное широкими бороздами поле, готовое и принять зерно и дать приют влюбленным под покровом ночи, только кажется спокойным и мирным, на самом деле это поле боя. Здесь прольется кровь, разыграются смертельные схватки... Ожиданием битвы и живут Давыдов — Г. Лесников, Нагульнов — А. Сорокко, Разметнов — В. Кудинов — первые коммунисты Гремячего Лога. Это им выпала честь вести бой до победного конца, — и внутренняя их окрыленность, гордость роднят неказистого, угловатого, с матросской походкой вразвалочку, какого-то неухоженного Давыдова, и статного, подтянутого красавца Нагульнова, и сугубо штатского Разметнова. Занимаясь строительством новой, колхозной жизни, они по-прежнему остаются солдатами, бесстрашно, с оружием в руках шагают навстречу вражеским пулям.

Каждый характер в этом спектакле очерчен точно и выразительно, будучи соотнесен и с классовой принадлежностью героя и со всей полнотой жизненной среды.

Считанные минуты сценической жизни отведены Тимофею Рваному (И. Стефашин), но какая же сила ненависти, какая убежденность в своем праве на эту ненависть движет поступками бандита! Убедителен и Половцев А. Сергеева; в его внешнем облике еще сохранились черты былой казачьей стати, и теперь они уродливо контрастируют с нынешним положением человека вне закона. А на фоне этих зловещих теней прошлого — наивно-трогательный, детски-ласковый Щукарь Б. Сабурова, искренне тянущийся к новой, красивой жизни, большой и исполненной великого смысла; простодушный Кондрат Майданников К. Краснухина; умный, осторожный, надежный, как монолит, Шалый — Н. Земцов, бесповоротно принимающий решение вступить в партию.

Главное в спектакле — острота классовой борьбы. И каждому персонажу отведено строго определенное место в соответствии со степенью участия в ней...

В репертуаре театра «Макар Дубрава» А. Корнейчука, «Долги наши» Э. Володарского и на таком высоком трагическом накале самостоятельно прочтенная режиссером В. Бугаевым повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...» со старшиной Васковым (его удивительно по огромной эмоциональности исполнения играет Г. Лесников).

«Сельская любовь»... Это тоже своеобразное преломление темы классовой борьбы в деревне, только на земле Чехословакии, и много лет спустя после событий «Поднятой целины».

Режиссер А. Утеганов предпосылает спектаклю своего рода пролог, в котором каждому персонажу даются кратчайшие характеристики; в дальнейшем же зрительское внимание сосредоточивается прежде всего на непримиримом столкновении классовых интересов... Яростно отстаивают кулаки Доудеры свое «право» на собственность. Спектакль блещет яркими, сочными сатирическими красками. Но когда в финале прозвучит выстрел и от пули шпиона, скрывавшегося на мельнице у родственника Доудеров, падет замертво скромная, тихая Аничка (артистка О. Воскобойникова), батрачка, жившая в доме под видом родственницы, — сатира обернется подлинной драмой...

На репертуарной афише Донецкого театра было несколько комедий. Лучшими стали работы, бесспорно, большого драматического наполнения, глубокие по мысли, остроконфликтные, где есть простор для творческой фантазии режиссера, актеров, художника М. Ковальчука, нашедшего свое, оригинальное оформление для каждого произведения.

Театр из города Жданова сравнительно молод — ему всего пятнадцать лет. Но он активно, деятельно ищет свою тему, утверждает свое творческое лицо.

ОНИ СЛУЖИЛИ НА ФЛОТЕ

В 1936 году в Батумский морской техникум на отделение судовождения были зачислены четыре девушки-грузинки: Юля Паилодзе, Нино Каландадзе, Ваиде Гваришвили и Шушана Туманишвили.

Получив редкую для женщин специальность, они успешно сдали государственные экзамены и стали штурманами.

В 1940 году после окончания техникума Паилодзе и Каландадзе были посланы на Дальний Восток, а Гваришвили и Туманишвили — на Каспий.

Грянула война.

Шушане и Ваиде довелось перевозить грузы, нужные для фронта.

Нино и Юля плавали к берегам Австралии и Америки. Обе — четвертыми помощниками капитана: Нино — на «Донбассе», а Юля — на «Войкове». В ноябре 1942 года подруги встретились в США. «Это была необычная встреча, — вспоминает Юля, — мы с Нино мигом оказались в окружении американских журналистов. Их удивляло, что девушки — штурманы да еще помощники капитана! На второй день принесли газеты, в которых были наши фотографии».

На обратном пути в проливе Ла-Манш танкер «Донбасс» был торпедирован немецкой подводной лодкой. Весь экипаж погиб.

В это время Юля находилась в Тихом океане, и радист сообщил ей о трагической гибели подруги Нино.

Много опасностей перенесла и Юля на «Войкове»: их часто бомбили, не давали покоя японские крейсеры, останавливали корабль, обыскивали.

По возвращении из Америки Паилодзе назначили вторым помощником капитана на «Циолковский». Корабль перевозил десанты из Владивостока на Курильские острова, доставлял продукты на Северный Сахалин.

Сейчас Юля Паилодзе работает в Батумском мореходном училище.

Шушана Туманишвили живет в Баку и работает в морском управлении.

Ваиде Гваришвили умерла в Батуми в 1953 году.

Маргарита КИКАБИДЗЕ,
преподаватель истории Кутаисского горного техникума

Нино Каландадзе

Ваиде Гваришвили

Шушана Туманишвили

Юля Паилодзе

СКАЗКА ВО ДВОРЕ

Среди зелени и цветов во дворе дома 27/29 по улице Вавилова установлены скульптуры сказочных персонажей. И взрослые и дети с любопытством останавливаются у «Головы великана» и у «Сфинкса», возле «Тараса Бульбы» и «Русалки».

Автор скульптур — бывший инженер-конструктор Сергей Петрович Желтков. Вот уже несколько лет он посвящает весь свой досуг этой увлекательной работе, доставляя радость людям.

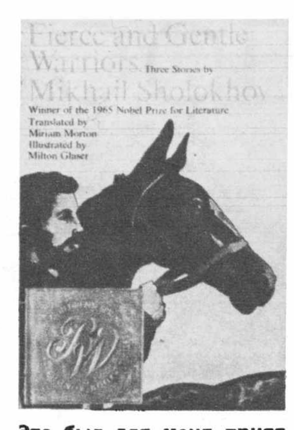
П. ВИКТОРОВ
Саратов.

ЕЩЕ ОДНА ВСТРЕЧА

Сегодня, когда все более развиваются и укрепляются советско-американские отношения, мне захотелось рассказать о моем друге из США.

В 1965 году я повстречался в Москве с талантливой детской писательницей и переводчицей Мириам Мортон. Мы много беседовали о литературе и искусстве, о мире, о дружбе между народами наших стран. О том, что эта дружба должна непременно крепнуть и развиваться в интересах всеобщего мира. Судьба подарила мне еще одну приятную встречу с Мириам Мортон в 1973 году, когда она приехала в качестве почетного гостя на Московский кинофестиваль.

После возвращения в США Мириам Мортон прислала мне книгу своих переводов на английский язык трех рассказов Михаила Шолохова — «Жеребенок», «Нахаленок», «Судьба человека».

Это был для меня приятный сюрприз — получить книгу любимого писателя Михаила Шолохова, да еще с трогательной надписью от переводчицы.

Игорь МИХАЙЛУСЕНКО
Москва.

ПОЧТА•ПОЧТА «ОГОНЬКА» ПОЧТА•ПОЧТА

СЛЕД «МОЛНИИ»

Замок у старого портфеля окончательно отказал. Я пошла в магазин. Увидела папки. Издали они приглянулись мне: приятный коричневый цвет, удобные ручки, размер как раз для тех, кто не дорос еще до солидных портфелей, застежка «молния»... «МОЛНИЯ»! Она на другой же день ударила по нервам всей семьи, вызвала целую бурю в душе дочери.

Сначала-то папка ей очень понравилась. Надо было видеть, в каком хорошем расположении духа девочка принялась вечером укладывать в новую папку книжки, тетрадки, пенал... Обнова радовала ее. И вдруг «молния» «заела». Сразу, решительно и бесповоротно, не преодолев и половины положенного пути. Девочка сперва терпеливо пыталась одолеть ее строптивость. Однако «молния» не поддавалась укрощению. Дошло до слез. Поспешили на помощь старшие. Но «молния» осталась необузданной. Вечер и утро были окончательно испорчены.

Мне пришлось снова идти в магазин. Продавщица достала из стопки другую папку, а на той, что я принесла, написала «БРАК» и отложила в сторону. На другой папке «молния» пока действует. Надолго ли ее хватит?! И сколько еще мальчишек и девчонок «обожгутся» «молниями» на папках, изготовленных Минской кожгалантерейной фабрикой имени Куйбышева?!

Удалось выяснить, что «молнии» на фабрику имени Куйбышева поставляют пять предприятий. У тех, что шлют Червоноармейский фурнитурный завод Ровенской области и Гродненская фабрика детской игрушки и галантереи, как правило, зуб на зуб не попадает — никудышные совсем. До каких пор будут делать эти «молнии»? Наверное, пока не грянет гром...

И. КЛЕННИЦКАЯ,
старший лаборант Института экспериментальной ботаники Академии наук БССР
Минск.

Ал. АЗАРОВ, Вл. КУДРЯВЦЕВ

РОМАН

КНИГА ВТОРАЯ

Рисунки И. УШАКОВА.

ДОМ БЕЗ КЛЮЧА

24. Февраль, 1944. Берлин, Шлахтензее.

Елочка-карлица в фарфоровом горшочке — подарок японских коллег — неправдоподобно мала: каждая иголка не длиннее реснички. Стволик причудливо искривлен, веточки, словно под напором ветра, сбились в одну сторону.

— Да, господин адмирал, это искусство,— признает Шелленберг.

— И какое!— подхватывает Канарис.— Терпение, труд, изобретательность и чертовское знание механизма роста. Вся Япония в этой елочке, дорогой генерал. Характер людей проявляется в вещах.

Зеппль, слушая разговор, стучит хвостом по полу, требует к себе внимания, однако Канарис против обыкновения не нагибается, чтобы почесать ее за ухом. Зеппль отползает и сворачивается клубком, положив голову на искривленные передние лапы. Темные с красноватым отливом глаза ее неотрывно следят за каждым движением адмирала.

Шелленберг не слишком редкий гость на вилле Канариса, и Зеппль привыкла к нему, не лает, считая своим. Он никогда не забывает привезти грильяж в шоколаде — любимые конфеты таксы. И вообще он очень, очень приветлив и внимателен!

— Кто назначен вместо меня? — внезапно спрашивает Канарис.— Кто-нибудь из СС?

— Я позволил себе порекомендовать фюреру полковника Ганзена.

— Но он же из так называемых моих?

— Именно потому,— тихо говорит Шелленберг.— Простите, адмирал, вы напрасно не бываете в ОКВ.

— Я болен... Отдел превосходно справляется и без меня.

Канарис ежится и запахивает халат. Выглядит он действительно неважно, и Шелленберг склонен думать, что адмирал заболел — на этот раз всерьез. После отставки из абвера, внезапной и оскорбительной, Канарис уединился на вилле, появляясь в отделе экономической войны только для того, чтобы выслушать рапорт заместителя. Ни одной бумаги он не подписывает и ни с кем не остается наедине.

— Жаль, что вы приехали поздно,— с рассеянной улыбкой говорит Канарис.— Вы еще не забыли, как сидят в седле?

— Без вас верховые прогулки теряют прелесть.

— Не льстите, Вальтер. Это вам не к лицу.

Шелленберг отворачивается. Это невежливо, но ничего не поделаешь. Канарис читает по лицам, как по книге, и бригаденфюрер боится этого его свойства, пользоваться которым Канарис умеет в любом состоянии. Он, конечно, повержен, но не до конца. Шелленберг недаром выдержал бурю у Гиммлера и настоял на кандидатуре Ганзена вместо тех, из СС, которых, словно валетов из колоды, вытягивал рейхсфюрер,— этот или этот, а почему не этот? Приказы Ганзена старые кадры будут исполнять, тогда как человек СС разбил бы свой корабль о подводные камни скрытого офицерского саботажа. Не станешь же менять поголовно всех сколько-нибудь ответственных работников в бывшем абвере, превращенном в часть твоего аппарата, и давать Мюллеру лишний повод для ареста уволенных «врагов» и подкопов под тебя самого? Не добившись толку у Гиммлера, Шелленберг обратился к фюреру и принес с собой заранее составленный документ.

У Гитлера дергалось веко, когда он читал проект приказа, но вопросов он не задал — подписал и внезапно обнял Шелленберга:

— Только ты, Вальтер... Тебе верю! — В глазах фюрера светилась жуткая, острая мысль.— Канарис прислал меморандум... Я прочел. Умно. Но... поздно. Я верил ему, но ошибся... Поручаю тебе...

Шелленберг отгоняет воспоминание и тихонько, боясь уколоться, притрагивается к японской причудливой елке. Решается:

— Я знаю, господин адмирал, что в Шлахтензее не принято вести служебные разговоры, но прошу об исключении.

— Заткни уши, Зеппль!

Такса, услышав свое имя, коротко лает — восторг и преданность.

— Микрофонов здесь нет,— с легкой насмешкой говорит Канарис.— Пока нет. Я слушаю, Вальтер. Вопрос будет частный или общий?

— И то и другое, господин адмирал.

— Общий — это Ганзен?

— Он и члены руководства.

— Не продолжайте! Я поговорю с кем надо, и они будут служить вам по совести.

На левом мизинце Шелленберга крупный солитер. Бригаденфюрер дышит на него, привычно протирает платком. Камень — подарок Ирен в день свадьбы, на счастье... Неробкий от природы, Шелленберг медлит, набирается духа.

— Господин адмирал! Вам известно, что Бергер исчез?

— Вы с ума сошли!..

— Да. И он и его люди. Есть основания думать, что полковник Бергер решил отсидеться в Швейцарии до лучших дней.

— Абсолютная чушь!

Канарис прикрывает ладонью глаза, и Шелленберг замолкает.

— Чушь! — раздельно повторяет Канарис.— Кто так считает?

— Кальтенбруннер. Скажу больше: за день до Бергера скрылся Ширвиндт. Обергруппенфюрер связывает эти события, полагая, что полковник столковался с русскими... Господин адмирал, поймите меня правильно, я не посмел бы... это не допрос, но дело чести вашей и моей...

— Я вас не узнаю. Вы запинаетесь?

— Прошу вас — мне нужны адреса. Все адреса явок Бергера в Женеве, его почтовые ящики, личные шифры — словом, все.

— А если их нет? — медленно говорит Канарис.

— Тогда Кальтенбруннер поднимет вой. Эрнст уже арестовал его жену, а маленькая Эмми отдана в воспитательный дом. Он совещался с Гиммлером и клянется, что Бергер дал себя перевербовать Ширвиндту, а затем, извлекая двойной барыш,— Лусто.

— Обвинение в измене?

— Оно касается вас... и меня.

— Вас — нет. Успокойтесь, Вальтер. Кальтенбруннер не сказал ничего нового. У него все, кто имел несчастье выпить в моем обществе хотя бы стакан водопроводной воды, государственные преступники, а сам я изменник, враг, лакей англичан и американцев... Бергер — образец офицера, исполняющего долг по кодексу чести!

— Господин адмирал! Дайте адреса. Дайте — мы выйдем на Бергера, и подозрения рухнут.

Канарис выразительно разводит руками, и Шелленберг понимает — это правда: адресов нет. На всякий случай он повторяет:

— Мы оба заинтересованы,— но в голосе его нет ни веры, ни надежды.

— Прискорбно, но я бессилен,— говорит Канарис.— Другого на вашем месте я заподозрил бы в стремлении прибрать подешевле к рукам то, что является личным достоянием начальника абвера и его страховым полисом на черный день. Однако вам мне хочется верить, Вальтер; и тем не менее я вынужден ответить: нет. Бергер всегда готовился сам... Вальтер! Вы можете помочь его семье? Вы поможете ей?

— Да! — уверенно говорит Шелленберг, принимая решение не вмешиваться ни во что.— Ширвиндта поручили мне, и, следовательно, я имею повод...

— А Париж? Вам подчинили Рейнике?

— К счастью.

— К несчастью, Вальтер!

Канарис жует губами, словно разделывается с невидимым перепелиным крылышком.

— Хотите совет друга, Вальтер? Отзовите Рейнике, и без колебаний! Он слишком близок к Кальтенбруннеру, чтобы хорошо служить вам. Впрочем, мне все равно. Я очень болен, Вальтер,— по утрам лежу в ознобе, никак не согрею ноги... Сердце и старость, да?.. И знаете, Вальтер,— хотите верьте, хотите нет — я убежден, что Юстус Бергер, как скороход, опередил меня и сейчас стучит в ворота святого Петра, предупреждая о скором моем приходе. Что вы делаете?

— Стучу по дереву, господин адмирал. Дай бог, чтобы не сбылось.

В шинели, накинутой поверх халата, Канарис провожает Шелленберга до шоссе. Зеппль семенит рядом. Старик с собакой — оба умные, одинокие и настороженные.

Канарис вскидывает руку в приветствии; шинель сползает у него с плеча, обнажая острую ключицу.

— Да, Вальтер... Забыл. Последняя просьба.

Продолжение. См. «Огонек» №№ 24—27, 29—32.

Сегодня я решительно злоупотребляю вашей добротой, но, боюсь, другого случая у меня не будет. Так вот, если Мюллер решится арестовать меня, любым способом добейтесь, чтобы послали вас. Пусть это будете вы!.. Хайль Гитлер!

...Ровно пять месяцев спустя Шелленберг вспомнит этот разговор. 23 июля обергруппенфюрер Мюллер, назначенный Гитлером председателем Особой комиссии по делу о покушении, пришлет его на виллу с приказом об аресте. Канарис встретит его в дверях.

— Я был уверен, что это будете вы! — скажет он с хладнокровной улыбкой.— Спасибо, мой молодой друг.

25. Март, 1944. Париж, Сен-Жермен де Прэ.

Особнячок мадам де Тур в предместье Сен-Жермен де Прэ не принадлежит к числу наследственных владений, и это создает вокруг него маленький вакуум, заставляя мадам страдать втихомолку. На вежливые приглашения, посланные Аннет де Тур, аристократы отвечают отказами, тем более пренебрежительными, что даются они в самой безупречной форме. Лютце практичнее жены и предпочел бесплодным попыткам сблизиться с титулованными соседями знакомства с чинами германской администрации, и скоро особняк де Тур стал чем-то вроде клуба, где бывают военный комендант Парижа генерал Боккельберг, генерал полиции Кнохен из СД, а иногда, если есть время отдохнуть, заезжают военный губернатор Северной Франции и Бельгии Александр Фалькенхаузен и Генрих Штюльпнагель — командующий 17-й армией и оккупационными войсками. Впрочем, все эти господа обременены заботами и собираются под крышей особняка нечасто; обычно на вечерние приемы сюда стекаются чиновники комендатуры, эмиссары Риббентропа и сослуживцы Лютце по «Арбайтсайнзатц».

Бывает и Жак-Анри — редко, когда убежден, что не увидит знакомых.

Бернгардт Лютце после подписки как-то сразу примирился с новым своим положением информатора секретной службы и, считая, что имеет дело с англичанами, хлопочет об одном — чтобы в случае чего Жак-Анри переправил его и Аннет через Ла-Манш. Мадам с ним не согласна:

— Лучше в Швейцарию. Англосаксы такие чопорные, на все пуговицы...

Метаморфозы с внешностью Жака-Анри больше не вызывают у Аннет повышенного любопытства, она и Лютце с некоторым трудом, но привыкли называть его мсье Дювалем, и Жак-Анри приходит, держится скромно, играет в карты и слушает...

Вечер едва начался, когда Жак-Анри вылезает из наемного экипажа и, дав кучеру мелочь «на овес», горбясь и подволакивая ногу, входит в гостиную.

Аннет де Тур протягивает пальчики для поцелуя, а Бернгардт, взяв под локоть, ведет его к гостям. Их двое — штатские немцы, только что приехавшие из Берлина, о чем Лютце шепотом сообщает еще в дверях.

— Редактор Дюваль.

Немцы скованно отвешивают поклоны.

— Гаммерштейн.

— Цоллер.

— Финансы и промышленность,— комментирует Лютце.— Господин Гаммерштейн работает у Функа, в рейхсбанке, а господин Цоллер представляет концерн Круппа.

Немцы молчат, и Жак-Анри молчит, лишь Аннет пытается организовать общую беседу, рассказывает о последних новостях, о ценах на антиквариат и предметы искусства, однако гости не выказывают интереса ни к новостям, ни к ценам. В их памяти еще свежи инструкции службы безопасности о поведении граждан империи на оккупированной территории.

— Расскажите нам о Тулузе, мсье Дюваль,— просит Аннет.

— С охотой,— говорит Жак-Анри, соображая, что приехал напрасно.— Но о чем именно?

Бернгардт, пытаясь спасти вечер, разливает вино.

— Шамбертен, господа? Или покрепче?

— А нельзя ли...— Цоллер щелкает пальцами, вспоминая название.— Ах, да, анисовая!

— Это что? — интересуется Гаммерштейн.

— Водка.

— Самая дешевая и скверная,— добавляет Жак-Анри, заставляя Цоллера покраснеть.

Надо изобрести предлог и распрощаться. Оба гостя не в том состоянии, когда от них можно ждать рассказов: весь вечер проболтают о выпивке, осторожно посмеются над геморроем министра Функа, съедят все, что Лютце предложит, и разъедутся, чтобы по возвращении в Берлин развлекать домочадцев историей о том, как французская дворянка из известной фамилии прислуживала им за столом...

— Может быть, экэртэ, господа? — предлагает Лютце.

Гаммерштейн откликается стандартным вопросом:

— Это что?

— Коммерческая игра,— успокаивает Лютце.— Вполне солидная. Но вы не играете?

— Только в покер и шмен-де-фер.

— Да, думать там не надо! — говорит Жак-Анри с таким благожелательством, что Гаммерштейну трудно распознать издевку.— Машинка все делает за тебя: нажал, выбросила карту и сама решила, что дать — очки или «баккара». Главное — не прикупать к девятке.

— Остроумно,— бормочет Гаммерштейн.— В таком случае я за покер.

— А вы, господин Цоллер?

— Я, пожалуй, пойду. После дороги я дурно чувствую себя, господа. Надеюсь, хозяева меня извинят?

Что же, не всегда день дает нужных собеседников. Информация не течет в руки, ее ищут, ищут по крохам. Жак-Анри голоден и поэтому задерживается. У мадам за игрой подают бутерброды с пфальцской ветчиной и руанскими колбасами.

— Аннет, вы составите нам компанию? — спрашивает проводивший гостя Лютце.

— Я должна распорядиться. И потом, я обещала редактору показать картину в малой гостиной — мне все же кажется, это не Матисс.

— Хорошо, Аннет, но возвращайтесь поскорее. Мы с Вильгельмом выкурим по сигаре.

В малой гостиной улыбка покидает лицо мадам. Оно становится тусклым и жалким.

— Дюваль, дорогой, Бернгардт так волнуется... Он извел меня разговорами о Швейцарии. Ускорьте наш отъезд.

— Что за срочность?

— Не будьте жестоки — мы оба не выдержим. Вчера приезжал Кнохен, и Бернгардт стал пить с ним и напился. Он боится, он всего боится.

— А вы?

— Я тоже. Может быть, даже больше Бернгардта. Но я француженка!

— Ваша кузина была храбрее. Не обижайтесь, Аннет. За Францию надо бороться.

— Бельфор? О да! Она была храбра. Потому ее и расстреляли. В память о ней я и помогаю вам!

Жак-Анри наклоняется и, едва касаясь пальцев губами, целует руку мадам де Тур.

— Такой вы мне больше нравитесь, Аннет — сердитой. Можете потерпеть еще немного? Ради Франции. Вам ничто не угрожает.

— Но Бернгардт...

— Поговорите с ним еще раз. Скажите в конце концов, что под списками «иностранных рабочих» слишком часто стояла его подпись. Тысячи из них погибли, а выжившие могут спросить после победы: почему этот человек жив?

Мадам подносит к глазам платок.

— Мне страшно.

«А мне? — думает Жак-Анри.— Если б она догадывалась... Да я уже и забыл, когда жил без страха — сплю с ним, хожу с ним, ем, говорю, работаю — все с ним... Сюда ехал — разве не боялся? Ну, честно, самому себе: боялся! Все кажется: а вдруг... А по улицам ходить? Кто-то знает меня по «Эпок», другие — по АВС, сотни бывали в антикварной лавке — я их всех и в лицо-то не помню! Иду и жду, что окликнут и — в гестапо!..»

— Я обещал,— повторяет он и пожимает руку Аннет.— Гаммерштейн истолкует наше отсутствие на свой лад, и Бернгардту это не понравится. Пойдемте?

— Да, да,— говорит мадам, отвечая на пожатие.— Возьмите это.

— Опять записываете, Аннет! Сколько раз...

— Мы боимся перепутать. Бернгардт достал вам данные в штабе Боккельберга.

— Только о пехоте?

— Нет, там в конце и об аэропланах.

— Пусть полежит в вазе внизу. Я возьму, когда буду уходить. Скажите, пожалуйста, Бернгардту, что мне хотелось бы получить все, что удастся, о планах летней кампании.

Они еще стоят несколько минут перед картиной Матисса — отчужденные, занятые своими мыслями. Мадам де Тур держится прямо; Жак-Анри горбится: ноги у него болят, и он жалеет, что оставил внизу трость.

— Останетесь на игру? — говорит мадам и поднимает на Жака-Анри уже прозрачные, совершенно беспечальные глаза.

— Без четвертого?..

— Немного позднее приедет мой дальний родственник — очень дальний, я даже и не помню, в каком мы родстве.

— Я знаю его?

— Нет. Он у нас почти не бывает. Он финансист или что-то вроде этого, а мой Лютце уважает или соотечественников, или тех, кто носит титул.

— Тогда я откланяюсь, надо проститься...

В гостиной, где горят бра и большая люстра из горного хрусталя, гораздо светлее, чем в коридоре, освещенном старинными рожками, и Жак-Анри, пропуская вперед Аннет, на какое-то мгновение мешкает, задерживается у кромки узорчатого паркета.

Две молнии — два взгляда.

Лютце, Гаммерштейн и третий — Гранжан... Жак-Анри кланяется с порога и говорит, покашливая в платок, будто сам собой скользнувший в руку из внутреннего кармана:

— Господа нас извинят?.. Мадам?

Слова — первые, что пришли на ум.

За спиной Аннет Жак-Анри поворачивается и идет по коридору, на площадку, к лестнице, ведущей в вестибюль. Ноги сами несут его... Так уже было — в раннем детстве, когда яблоки, сорванные в соседнем саду, холодили тело за пазухой, а бег кончался головокружением, после которого качаешься как дурной... Все возвращается, повторяясь: страх и тяжесть в ногах. Но в детстве все иначе, и после наказания яблоки не кажутся кислее... Жак-Анри останавливается и поджидает Аннет.

— Гранжан — ваш родственник?

— Вы знакомы?

— Да, и боюсь, что он узнал меня. Послушайте, Аннет! Придумайте что угодно, объясните мой уход вызовом по телефону или чем-нибудь еще, но держитесь настороже. Ваш Гранжан — кагуляр. Не знали? Он может плюнуть на родство и вызвать сюда гестапо.

Мадам де Тур подносит руку к губам.

— Гестапо?

— Где записи Бернгардта? Быстрее, Аннет. Постарайтесь не подпускать Гранжана к телефону. Может быть, он и не узнал меня... будем надеяться... Завтра приходите в кафе... Или нет. Я найду способ с вами связаться.

На улице Жак-Анри никак не может надышаться воздухом. Гранжан — родственник мадам де Тур! Ну и переплет! Что было бы, узнай он в редакторе Дювале генерального директора АВС мсье Дюрана?

Весенний остренький мороз подернул тротуар пленкой непрочного льда. Ноги Жака-Анри скользят, трость высекает кристаллы, крупные, как фальшивые бриллианты. Ни такси, ни ландо, как назло... Лютце, ни о чем не предупрежденный, мог назвать Гранжану имя гостя — Дюваль... Что тогда?..

Жак-Анри солидно, с достоинством постукивает по плитам тростью. Сен-Жермен де Прэ — самое аристократическое место в Париже. Ходить по его тротуарам с неприличной поспешностью — все равно, что резать за столом рыбу ножом или чистить спаржу. Ажаны — а они на всех углах — охраняют ночной покой предместья, и Жак-Анри нащупывает бумажник с пропуском.

26. Март, 1944. Париж. Булонский лес.

План Парижа, циркуль, флажки на подставочках... Мейснер с деловым видом изучает свое хозяйство, не забывая время от времени строго поглядывать на Родэ.

— Фельдфебель! Вы что, спите?

— Никак нет, господин лейтенант.

— Запросите обстановку на рю ль'Ординер.

Родэ — голова в наушниках — дует в микрофон рации дивизионной связи, переключает тумблер и монотонно бубнит:

— Я Родэ, я Родэ... Закс, лейтенант запрашивает обстановку... Ну? У нас тоже дождь.

Щелчок. Сопение. Ответ:

— Без изменений, господин лейтенант.

Третьи сутки — и «без изменений». Скрытые посты гестапо и полиции, ведущие наблюдение за АВС, антикварным магазином, особняком де Тур в Сен-Жермен де Прэ и подъездами домов на рю Боссэ и рю д'Альжери, не радуют новостями. А сколько было надежд! Мейснер, получая приказ Рейнике об организации слежки, продумал, казалось бы, все. Райле выделил ему нужное количество раций, Шустер откомандировал Родэ, а бригаденфюрер лично обеспечил группы достаточным количеством легковых машин.

...Все началось с Гранжана. Райле привез его в Булонский лес, предварительно выдав чек на аппетитную сумму. Рейнике, выслушав рассказ, добавил свой — на вдвое большую. Сказал:

— Помогите найти Дюрана.

Гранжан независимо закинул ногу на ногу — стены гестапо, где многие съеживались и вели себя скромнее скромного, не произвели на него впечатления.

— Все, что мне известно, я изложил, господа. Я бухгалтер, а не детектив.

Гаузнер поморщился.

— Когда вы видели Жюля Дюпле в последний раз? Постарайтесь быть точным.

— Давно... Нет, не вспомню. Может быть, потом... Я мельком видел его в антикварной лавке.

— Адрес помните?

— Где-то на улице Ординер. Право же, господа, вы многого от меня хотите!

Рейнике вложил чек в конверт, протянул Гранжану.

— Вы себя недооцениваете, милейший. У вас большое будущее.

— Не понял!

— Полковник Райле взял у вас подписку?

— Вы оскорбляете меня!

Мейснер, сидя за шведским бюро Гаузнера, подумал, что Гранжан похож на крокетный мяч. Рейнике и не таких загонял в «ворота». В принципе он мог бы обойтись и без чека: субъекты, подобные Гранжану, чаще идут на вербовку по «идейным» соображениям.

— Милейший Гранжан,— сказал Рейнике и стал снимать с рукава пушинку. — Вы, по-моему, не из тех, у кого слова опережают мысль. Быть нашим союзником — разве это плохо? Марксизм одинаково противен вашим воззрениям и нашим политическим принципам, выходит, мы где-то смыкаемся, ведь так?

— О, не во всем! — быстро сказал Гранжан.

— Вы считаете Дюрана врагом Франции?

— Безусловно!

— Мы тоже. Что же вам мешает?

...Из штаба Гранжан вышел с двумя чеками и псевдонимом, и Гаузнер, внося его в агентурный реестр, посоветовал звонить почаще в Булонский лес.

Гранжан позвонил в первых числах марта, ночью:

— Я его видел.

— Кого? — не понял сонный дежурный.

Гранжан объяснил, сказал, что дело срочное, но дежурный гауптштурмфюрер ограничился тем, что сделал запись в журнале и предложил позвонить еще разок — утром.

Мейснер давно уже не видел, чтобы Рейнике бушевал так долго. Гаузнер отправил гауптштурмфюрера на гарнизонную гауптвахту СС и вызвал взвод фельджандармерии, чтобы ехать в Сен-Жермен де Прэ.

— Они у меня заговорят...

— Информируйте уполномоченного СД в «Арбайтсайнзатц»,— сказал Рейнике.— Пусть понаблюдает за Лютце.

— Вы против ареста, бригаденфюрер?

— Только этого не хватало! Позовите Гранжана, Мейснер.

Мейснер выглянул в коридор, крикнул:

— Зайдите!

— Простите, Гранжан, что пришлось ждать. У нас мало времени, и я прошу вас коротко — очень коротко — ответить: вы не обознались?

— Нет... Лицо как будто чужое, но это он!

— Аннет де Тур — ваша родственница? Близкая?

— Очень дальняя.

— Ее взгляды, убеждения? Могла она знать, кто такой Дюран?

— Теперь он не Дюран, а Дюваль, редактор из Тулузы. Что же касается Аннет, то она, насколько я помню, всегда была вне политики.

К середине дня с Кэ д'Орфевр поступили данные, что редактор Дюваль проживает на рю Вандом. Мейснер с нарядом ринулся туда, но квартира была пуста — Дюваль не ночевал. Наряд засел в квартире и привратницкой, предварительно отправив консьержа в Булонский лес. Гаузнер предложил информировать Берлин, но Рейнике так посмотрел на него, что комиссар осекся.

День выдался бурный. В сумерках приехал расстроенный Шустер: его пеленгаторы вышли на рации Леграна сразу по двум адресам — на улицах Боссэ и д'Альжери. Команды СС обыскали здания от подвалов до чердаков; наткнулись на запертые квартиры и, выломав двери, обнаружили брошенные передатчики. Радисты ушли одинаковыми путями — по водосточным трубам и крышам. Кто-то их, несомненно, предупредил по телефону.

Шустер выпил две большие чашки кофе и, расстегнув мундир, прилег на диванчик в комнате Мейснера. Лейтенант принес ему подушку, спросил:

— Господин майор подремлет?

— Нет,— сказал Шустер, зевая, и тут же тоненько засопел.

Мейснер накрыл его своей шинелью, осторожно поправил плоскую подушку, взятую во взводе охраны. Шустер чмокал во сне губами и дергал рукой; на рукаве мундира вермахта чернел винкель с серебряным шитьем СД: майор пришил его в первые же часы после прихода приказа о слиянии абвера с Управлением-VI РСХА. «Ловко,— подумал Мейснер.— Пора и мне брать свое».

Сколько лет он жил надеждами? Не сосчитать. Другие делали карьеру, становились май-

орами и штурмбанфюрерами, а он, Мейснер? Железный крест второго класса и лейтенантский чин?.. Сейчас или никогда!

Где-то близко к полночи его вызвал Рейнике. Мейснер попросил пять минут, получил их и за это время успел побриться, протереть лицо, шею и уши одеколоном. Смочив расческу водой, гладко уложил волосы.

— Завидую,— сказал ему Рейнике.— Вот что значит молодость. Все успевает. Нам бы такую энергию, Гаузнер, а?

— Пусть применит ее на деле,— сказал Гаузнер.— Вы молоды, лейтенант, и выносливы. И, по-моему, у вас есть здоровое стремление сделать карьеру.

— Бригаденфюрер не ошибется во мне, если поручит...

— Да, Мейснер. Я понимаю. Объясните ему, Фридрих.

Гаузнер выплюнул в цветочный горшок кончик изжеванной сигары.

— Придется не поспать, мой милый. Может быть, неделю, а может, и больше. Понимаю, это не очень приятно, но тем не менее необходимо. И полезно для служебного продвижения. Уловили, Мейснер?

— Не совсем.

— Совсем и не требуется... А в общих чертах будет так. У всех домов, где может появиться Легран, поставим закрытые посты; где-нибудь поблизости сунем машины с рациями, а вы и сменные операторы сядете на связь с ними. О любом сигнале тут же доложите бригаденфюреру или мне. Но тут же, а не через пять минут!.. Ну вот. А теперь можете, если хотите, произнести речь, что не подведете и оправдаете высокое доверие.

...Сигналов пока нет. Скрытые посты каждые тридцать минут в строгой очередности вызывают Булонский лес, но не дают лейтенанту повода снять трубку внутреннего телефона. Иногда он и сам запрашивает обстановку, с особым пристрастием относясь ко всему, что исходит из Сен-Жермен де Прэ, однако старшие постов отвечают стереотипной фразой: «Без изменений».

Сколько еще ждать? Неделю? Век? А если этот Легран-Дюваль не придет вообще?.. Мало-помалу Мейснеру начинает казаться, что он — в который раз! — промахнулся, оказавшись вне главных событий. Думая об этом, лейтенант переставляет флажки и промеряет расстояния циркулем.

— Фельдфебель! Запросите Сен-Жермен де Прэ!

— Да, господин лейтенант. Сен-Жермен де Прэ... Виноват, они сами вызывают нас. Я Родэ, я Родэ! Здесь господин лейтенант Мейснер. Повторите, пожалуйста.

Мейснер, забывшись, держит флажок в кулаке.

— Принято,— бубнит Родэ, сдвигая наушники.— Хозяйка вызвала по телефону такси и едет на Северный.

Мейснер берется за трубку, стучит по рычагу, подгоняя телефониста на коммутаторе.

— Гаузнера!.. Господин комиссар, Сен-Жермен де Прэ сообщает, что де Тур заказала такси, чтобы ехать на вокзал. На Северный вокзал.

Гаузнер долго молчит, спрашивает:

— Когда?

— Я не уточнял. Связаться с ними?

— Нет. Ваше дело сидеть и слушать!

Мейснер опускает трубку на вилку и тут же поднимает ее — звонок, но это не Гаузнер и не Рейнике: оберштурмфюрер Нельте, дежурный по штабу и единственный приятель Мейснера.

— Да,— говорит Мейснер разочарованно.

— Ты один? Слушай, Отто, не повторяй вслух то, что я скажу. Потрясающая новость! Несколько минут назад прилетел Шелленберг. Мне позвонили с аэродрома и затребовали охрану для него. Цени мою дружбу, Отто, и держи глаза открытыми!

— Спасибо,— говорит Мейснер с чувством и машинально оправляет мундир.

Старая сплетня о распрях Шелленберга и Рейнике приходит ему на ум, и лейтенант неожиданно для самого себя подмигивает изумленному Родэ. «Боже, будь милостив и дай мне случай!» — думает взволнованный Мейснер.

Окончание следует.

Владимир ШАМША

ТРУБА

«А» и «Б»
Сидели на трубе.
«А» заведовал трубой,
«Б» — завесой дымовой.

Шли дела в привычном стиле.
Но приказом номер пять
В управлении решили
Их местами поменять:

«Б» — поставить зав. трубой,
«А» — по части дымовой.

И уже через неделю
Все пошло наоборот:
Там, где «А» и «Б» сидели,
Развалился дымоход.

Вся разладилась работа,
Хоть все те же «А» и «Б»
Воскресенья и субботы
Пропадали на трубе.

Их как будто подменили,
Стало все не по плечу,
Хоть за это и влепили
«А» и «Б» по «строгачу».

Там и сям бедняг ругали,
Наказать пытаясь зло,
И склоняли, и спрягали...
Ничего не помогло!

Под давленьем фактов веских
«А» и «Б», кляня судьбу,
Сдались, вылетели с треском
В злополучную трубу.

Все качают головами,
Что-то силятся понять...
Но никто не вспоминает
О приказе номер пять.

УРОК ВЕЖЛИВОСТИ

(Из народного юмора)

У киоска в летний зной
Пятилетний Степа
Наслаждается водой,
Да еще с сиропом!

ПОЧЕМУ МЫ ТАК ГОВОРИМ

ТУЗЕМЕЦ

Это слово многими воспринимается как ярко выраженный экзотизм. А между тем оно совсем «нашенское», давнее русское слово. И если всмотреться — легко членимо на образовавшие его части. **Ту** (местоимение) + **зем** (корень от «земля») + **ец** (суффикс), то бишь «тутошней (тамошней) земли уроженец».

Но в разные времена слово **туземец** употреблялось для обозначения то уроженца данной местности, то дремучего дикаря, то жителя колониальной страны. Положение не спасли даже привлеченные в наш язык такие интернациональные термины, как греческий **автохтон** и латинский **абориген** (коренные, исконные жители страны).

У Пушкина нет ни одного из этих слов. Видно, не пришлось. В словаре Даля находим слова: **туземный, туземность, туземство, туземец** и **туземка.**

У Гончарова во «Фрегате «Паллада» есть такие строки: «Мимо фрегата редко и робко скользят в байдарках полудикие туземцы».

А Достоевский почти в то же время напишет: «Здесь я встретил одного из туземцев, старого Гаврилу, бывшего когда-то моим дядькой...» («Село Степанчиково и его обитатели»).

Изменения в жизни **туземца** продолжаются.

ПОДОПЛЕКА

«...Мы боимся даже невзначай обнаружить ту сокровенную **подоплеку,** которая составляла основу всей нашей жизни»,— встречаем у М. Е. Салтыкова-Щедрина («В среде умеренности и аккуратности»).

Слово **подоплека** употреблено здесь иносказательно: скрытая основа, тайная причина чего-либо. Прямое же значение этого слова — подкладка рубахи, прикрывающая спину и грудь, буквально — **подплечье.** Ведь старорусское **плеко** и есть **плечо.** В свое время распространенными в крестьянском быту были выражения: «Своя подоплека к сердцу ближе», «Знает грудь да подоплека».

Э. ВАРТАНЬЯН

Напился... А рядом мать;
В голосе досада:

— Ну, а что теперь сказать,
Сын мой, тете надо?

Мальчик часто заморгал,
Явно озадачен.
Но подумал и сказал:
— Тетя, дайте сдачу!

КТО ПОВЕРИТ!

Кто поверит, что это бывает?
Лжец во лжи себя уличает.
Рвач уже не берет «на лапу»,
А живет на одну зарплату.
От любви разомлев, барышник
Для детсада разводит вишни.
Крупный жулик из чувства долга
Отдает государству «Волгу».
Тот, который посуду бил,
Нынче ласков и очень мил.
Тот, который был толстокожим,
Оказалось, быть чутким может.
Тот, кто умным всегда считался,
Честно в глупости расписался.
Хам с работы себя снимает...
Кто поверит, что это бывает?!

КРЕПКИЙ ОРЕШЕК

(по Н. Мидийскому)

Был узел гордиев загвоздкой,
Он предвещал неясный рок.
И Александр Македонский,
Взмахнув мечом, его рассек.

И, в деле воинском искусен,
Взял снова меч, не оробел,
Когда второй коварный узел
Ему принес легионер.

Ударил раз приемом старым!
Взмахнул еще что было сил!
Меч покрошился под ударом,
Но, нет, узла не разрубил!

— Да он прочнее всякой стали!
Какой его связал титан?!
— Нет, не титан,— царю сказали.—
Сплел этот узел
Интриган!

Одесса

ДЕЛИСЬ ПЕСНЕЙ, КАК ХЛЕБОМ

В нынешнюю весну я побывал на сольных концертах артистки Краснодарской краевой филармонии Елены Шульпиной. Ее выступления имели большой и заслуженный успех.

Актриса обладает приятным, поистине проникновенным голосом, высокой музыкальной культурой. Ее исполнение покоряет слушателей естественностью, благородной простотой.

Репертуар певицы широк и разнообразен: романсы Глинки, Чайковского, Даргомыжского, Рахманинова, песни советских композиторов, произведения западных классиков — Шумана, Листа, Шуберта, Грига, Дворжака...

Что бы ни пела Е. Шульпина, она несет слушателям не облегченную мелодию, не загадочный шепот, не надрывный крик в микрофон,— к слову говоря, Елена Васильевна поет без микрофона. Ее чистый, звонкий голос радует людей, проникает в душу. И самое удивительное вот в чем: поет ли Е. Шульпина классический романс Глинки или Чайковского, или такое сложное для сольного исполнения произведение, как «Смерть и девушка» Шуберта, лирическую песню Бориса Мокроусова или казачью мелодию Семена Заславского,— ее пение равно облагораживает, очищает людские души.

Мне довелось слышать концерты Елены Шульпиной в казачьих станицах и хуторах. Исчезала грань между зрителями и актрисой. Люди выражали горячую признательность актрисе. Часто концерты заканчивались импровизированным обсуждением программы. «Слушаешь вас,— говорили хлеборобы Елене Васильевне,— и душа сама поет. Это наши песни, с ними светло жить». А одна из колхозниц сказала актрисе:

— Вы делитесь песней, как хлебом! Спасибо...

К словам такого искреннего признания нечего прибавить.

Ан. МИХАЙЛОВ

Стихи Петри ДАРИЕНКО.
Музыка Анатолия НОВИКОВА.

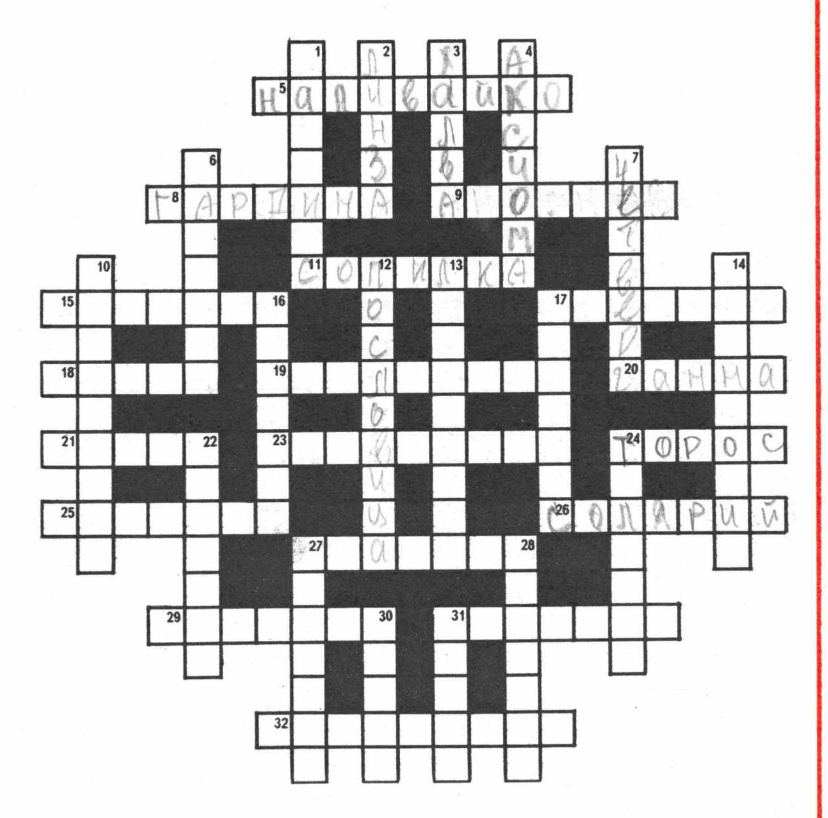
Зашумели сосны за рекою,
Кружится головушка моя.
Уходи, оставь меня в покое.
Ведь сама уйти не в силах я.

То, что мне любовью показалось,
Как туман, рассеялось давно.
Если б сердце так не ошибалось,
Верно, сердцем не было б оно.

У кого такое в жизни было,
Тот поймет страдание мое.
Я любовь, как песню, сочинила,
А потом поверила в нее.

Зашумели сосны за рекою,
Кружится головушка моя.
Уходи, оставь меня в покое,
Ведь сама уйти не в силах я.

Перевел с молдавского
Петр ГРАДОВ.

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Поэма К. Ф. Рылеева. 8. Оконная занавеска. 9. Советский авиаконструктор. 11. Украинский духовой инструмент. 15. Тригонометрическая функция. 17. Химический элемент. 18. Метрическая мера массы. 19. Млекопитающее подотряда зубатых китов. 20. Государство в Центральной Африке. 21. Заглавие, название книги. 23. Русский писатель. 24. Ледяная глыба. 25. Проверочные испытания. 26. Терраса для воздушных ванн. 27. Река в Грузии и Азербайджане. 29. Народный поэт Дагестана. 31. Изгородь из прутьев, ветвей. 32. Итальянский скульптор эпохи Возрождения.

По вертикали: 1. Цветок. 2. Оптическое стекло. 3. Кондитерское изделие. 4. Положение, принимаемое без доказательств. 6. Плоскодонное судно. 7. День недели. 10. Сорт яблок. 12. Краткое народное изречение. 13. Птица семейства синиц. 14. Наука о строении и жизнедеятельности клеток. 16. Действующее лицо оперы Н. А. Римского-Корсакова «Царская невеста». 17. Город в Румынии. 22. Прохладительный напиток. 24. Стихотворная форма. 27. Специалист по сельскому хозяйству. 28. Гора на Южном Урале. 30. Фигура пилотажа. 31. Персонаж пьесы М. Горького «На дне».

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 32

По горизонтали: 7. Беранже. 8. Антонов. 9. Лоток. 10. Шифер. 11. Анета. 12. Драп. 14. Марал. 16. Агат. 20. Палеонтология. 21. Остроградский. 22. Фирс. 25. Шкала. 28. Лето. 30. Флора. 31. Пресс. 32. Бунин. 33. Колонна. 34. Спидвей.

По вертикали: 1. «Вертер». 2. Майкоп. 3. Ретина. 4. «Мачеха». 5. Соната. 6. Монета. 13. Аралсор. 15. Реторта. 17. Гливице. 18. «Федра». 19. Шоссе. 23. Изотоп. 24. Статор. 26. Каргат. 27. Лосось. 28. Лебедь. 29. Танкер.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Спортивная юность страны. Стихи А. Николаева.

НА ПОСЛЕДНЕЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Водный слалом. Фото А. Бочинина.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.

Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, С. А. БАРЧЕНКО, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (заместитель главного редактора), Ю. С. НОВИКОВ, Н. Б. ПАСТУХОВ, Ю. Н. СБИТНЕВ (ответственный секретарь), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.
Рукописи не возвращаются.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Социалистических стран — 250-24-21; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-38-26; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки и техники — 253-31-47; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 22/VII — 74 г. А 00605. Подп. к печ. 6/VIII — 74 г. Формат 70×108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 1737. Тираж 2 112 000 экз. Заказ № 2530.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ВОДНЫЙ СЛАЛОМ

А. БОЧИНИН, Б. СОПЕЛЬНЯК

Лоция утверждает, что Южный Буг выше Первомайска не судоходен. Еще со времен ледникового периода в реке навалено столько валунов, камней и обломков скал, что не видно воды. И вот это гиблое место оказалось самым ходовым для гребцов.

Водный слалом сравнительно молод: всего лишь раз выступали гребцы-слаломисты на Олимпийских играх — два года назад в Мюнхене, а затем гребной слалом не попал в олимпийскую программу Монреаля, причем по довольно неожиданной причине: соревнование требует огромного количества арбитров... около пятисот человек.

Да, судейство водного слалома действительно проблема, но она наверняка будет решена, если ею займутся инженеры и создадут систему сигнализации: коснулся вешки — загорится красная лампочка, проскочил ворота — синяя. Надо надеяться, что гребной слалом скоро снова обретет права «олимпийского гражданства», тем более что первенства Европы и мира проводятся регулярно. Этот молодой спорт набирает силу и становится настолько популярным, что так называемые «гладкие» гребцы все чаще пересаживаются из гоночных байдарок и каноэ в пластмассовые вертлявые лодки, которые могут выдержать самые свирепые удары.

— Лодка-то выдержит,— улыбается неоднократная чемпионка СССР Бирута Херцова-Херцберга,— а вот гребец-слаломист должен обладать поистине характером боксера и невозмутимо мириться с многочисленными синяками и шишками. Между прочим, по количеству боевых отметин можно определить класс спортсмена: новичок чаще переворачивается, не умеет избегать ударов о камни, и поэтому шишек у него больше. Еще студенткой я увлекалась водным туризмом, побывала на многих реках в Саянах, на Памире и в Карпатах. Мне даже удалось, если так можно выразиться, первой открыть судоходство по Мургабу. Эта река настолько бурная и порожистая, что считалась закрытой для туризма, а я прошла ее сверху донизу...

Вот почему слаломную байдарку мне удалось обуздать довольно быстро, но оказалось, что главные трудности все же впереди. Ведь на трассе водного слалома расставлено множество ворот, к тому же — в самых неудобных местах. Одни надо проходить носом, другие — кормой, а чтобы попасть в третьи, приходится грести против течения. Когда же ты доберешься до ворот, тебя ждет новое испытание — их надо пройти, не коснувшись вешек, иначе судьи тут же выставят штрафные очки.

...И вот соревнования на Кубок СССР открыты! Прибрежные валуны и скалы буквально облеплены болельщиками, наверное, все жители Первомайска пришли посмотреть на диковинные состязания. Мы пристроились на самом сложном участке, в районе пятнадцатых ворот. В этом месте река круто изгибается, образуя множество завихрений и глубинных противотечений. К тому же на перекате — огромные камни. Одни полностью скрыты под водой и догадаться об их присутствии можно только по волнам, напоминающим своим рисунком плоскость стиральной доски, другие, словно доисторические мастодонты, выставили наружу серовато-зеленые спины.

Но опасней всего для слаломиста «бочка» — настолько стремительный слив воды, что возникает так называемое обратное течение, затягивающее лодку под воду. Здесь-то чаще всего и переворачиваются слаломисты, и для того, чтобы выйти с честью из трудного положения, надо хорошо владеть «эскимосским переворотом»: оказавшись под водой, да еще вниз головой, гребец, опираясь на лопасть весла, как ванька-встанька, выскакивает на поверхность.

Девушкам, конечно, трудновато. Они часто не могут выгрести против течения и, отдавшись воле волн, прекращают борьбу или, перевернувшись, вплавь добираются до берега. Но вот показалась участница под номером 91. Это Бирута! До чего же изящно идет она по трассе! Где-то подставит весло, где-то резко наклонится, потом — гребок, другой, и бешеные струи послушно несут ее лодку. Инженер вычислительного центра Рижского завода ВЭФ Бирута Херцова-Херцберга снова завоевала Кубок СССР.

Если перефразировать известную песенку об оленях, то можно смело сказать, что байдарки — хорошо, а каноэ — лучше! Особенно каноэ-двойка. Лодка вертится волчком, взлетает над водой, ныряет, гребцы исчезают, накрытые белопенными гребнями, каким-то чудом проскакивают между клыкастыми камнями, но бодрости не теряют...

Два дня продолжались эти азартные состязания на Буге. И хотя погода не раз портилась, зрители не покидали своих «гнезд» на скалах.

Пора на старт.

Оперативное совещание.

Бирута Херцова-Херцберга.

На дистанции слалома.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663